

Священникъ Димитрій Рождественскій,

в.-о. профессоръ Императорской Московской Духовной Академіи.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ

ІОАННЪ,

ЕПИСКОПЪ СМОЛЕНСКІЙ.

Краткія біографическія свѣдѣнія и характеристика личности преосвященнаго Іоанна.—Обзоръ его проповѣдническихъ трудовъ жизненно-практическаго направленія.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.
1914.

Священникъ Димитрій Рождественскій,

в.-о. профессоръ Императорской Московской Духовной Академіи.

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ

ІОАННЪ,

ЕПИСКОПЪ СМОЛЕНСКІЙ.

Краткія біографическія свѣдѣнія и характеристика личности преосвященнаго Іоанна.—Обзоръ его проповѣдническихъ трудовъ жизненно-практическаго направленія.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Типографія Св.Тр. Сергіевой Лавры.
1914.

Оттискъ изъ Юбилейнаго сборника Императорской Московской
Духовной Академіи.

Преосвященный Іоаннъ, Епископъ Смоленскій.

Преосвященный Іоаннъ родился въ Москвѣ, здѣсь получилъ низшее и среднее образованіе; въ Московской духовной академіи онъ закончилъ свое богословское образованіе и въ ней же положилъ начало своего плодотворнаго служенія на пользу Церкви и духовному просвѣщенію. Ко дню столѣтняго юбилея академіи благовременно вспомнить этого высокоталантливаго и многосторонняго церковнаго дѣятеля, проявившаго свои таланты въ разныхъ областяхъ богословскаго знанія и, въ частности, выдающагося церковнаго оратора.

Составитель предлагаемаго очерка намѣренъ дать краткія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности преосвященнаго Іоанна,— преимущественно останавливаясь на тѣхъ фактахъ, которые имѣютъ значеніе для характеристики этой оригинальной и загадочной личности. При обзорѣ проповѣднической дѣятельности Іоанна, будетъ обращено вниманіе только на содержаніе и характеръ его проповѣдей жизненно-практическаго направленія, котораго онъ былъ первымъ и лучшимъ представителемъ.

I.

Преосвященный Іоаннъ (Соколовъ), епископъ Смоленскій, былъ сыномъ священника Московской Вознесенской церкви

(въ бывшемъ Варсонофьевскомъ монастырѣ); родился 5 Іюля 1818 года, при крещеніи нареченъ Владиміромъ. Обучался въ Москвѣ же—въ Высокопетровскомъ духовномъ училищѣ и въ Московскоіи духовной семинаріи; по окончаніи семинарскаго курса ученія въ 1838 году, былъ отправленъ на казенный счетъ въ Московскую духовную академію. Въ 1842 г. окончилъ курсъ академіи подъ № 2 и удостоенъ степени магистра, въ каковой утвержденъ Св. Синодомъ въ Декабрѣ 1843 г. Его сочиненіе на ученую степень, подъ заглавіемъ: „Стоглавный соборъ“. чрезъ восемнадцать лѣтъ послѣ написанія было напечатано въ Православномъ Собесѣдникѣ ¹⁾.— Въ годъ окончанія академическаго курса, 29 Августа 1842 года, по предложенію митрополита Филарета, Владиміръ Сергѣевичъ Соколовъ постриженъ въ монашество, съ нареченіемъ ему имени Іоаннъ ²⁾; на слѣдующій день послѣ постриженія онъ рукоположенъ во іеродіакона, а 5 Сентября во іеромонаха. Академической конференціей ^{21/22} Сентября 1842 г. назначенъ на должность бакалавра по кафедрѣ нравственнаго и пастырскаго богословія, въ Сентябрѣ 1844 г. перемѣщенъ на кафедру Священнаго Писанія. По желанію графа Протасова, тогдашняго синодальнаго оберъ-прокурора, въ концѣ того же 1844 г. изъ академіи, находящейся, по церковно-богослужебному выраженію, „въ веси“, былъ переведенъ въ столичную академію, въ которой Протасовъ хо-

¹⁾ 1860 г., чч. 2 и 3.

²⁾ Савва, архіеп. Тверской, со словъ ректора Московскоіи духовной академіи, протоіерея Сергія Константиновича Смирнова, заноситъ въ свои „автобіографическія записки“ слѣдующія строки, касающіяся рѣшенія Іоанна принять монашество: „онъ былъ совоспитанникомъ С. К—ча по академіи. Предъ окончаніемъ курса, въ маѣ 1842 г. во время прогулки съ нимъ въ рощѣ за Сергіевскимъ посадомъ, Іоаннъ поразилъ его неожиданнымъ объявленіемъ мысли о принятіи монашества. При этомъ объяснилъ, что, при постриженіи въ монашество, онъ имѣетъ цѣлю исправленіе ошибокъ въ управленіи Русскою церковію со стороны Синода и парализованіе самовластия Оберъ-Прокурора Графа Протасова. Таковы были замыслы горлаго, молодого студента—будущаго монаха! Но этимъ замысламъ не суждено было осуществиться“. См. т. VI „Записокъ“. Сергіевъ Посадъ. 1906. Стр. 487 и 485; см. А. Родоскаго „Биографическій Словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ С.-Петербургскоіи Духовноіи Академіи. С.-Петербургъ. 1907. Стр. XVII—XVIII.—С. К. Смирновъ былъ однимъ (двухлѣтнимъ) курсомъ моложе Владиміра (въ иночествѣ—Іоанна) Соколова.

тъль собрать возможно больше талантливыхъ представителей ученаго монашества. Въ Петербургѣ Іоаннь занялъ кафедрѣ каноническаго права. Здѣсь 8 Сентября 1848 г. былъ возведенъ въ санъ архимандрита; 8 Января 1851 г. утвержденъ въ должности инспектора академіи; въ Сентябрѣ того же года „за усердное и тщательное преподаваніе церковнаго законовѣдѣнія онъ былъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора“¹⁾, а чрезъ годъ съ небольшимъ удостоенъ званія ординарнаго профессора. 8 Октября 1853 года архимандритъ Іоаннь за сочиненіе „Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія“ возведенъ въ степень доктора, въ то время считавшуюся большею рѣдкостью, чѣмъ теперь. Въ началѣ 1855 г. Іоаннь перемѣщенъ на должность ректора С.-Петербургской семинаріи; 17 Марта 1857 г. назначенъ ректоромъ и ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ догматическаго богословія въ Казанскую духовную академію; отъ профессорской должности, по болѣзни, отказался въ 1859 году. По истеченіи семи лѣтъ службы въ Казани, 31 Марта 1864 г., Іоаннь былъ перемѣщенъ на должность ректора и профессора въ Петербургскую духовную академію; въ началѣ слѣдующаго года возведенъ въ санъ епископа, съ оставленіемъ въ должности ректора. 9 Ноября 1866 г. Іоаннь, епископъ Выборгскій, назначенъ на самостоятельную Смоленскую кафедрѣ, гдѣ и оставался до смерти, послѣдовавшей внезапно 17 Марта 1869 года²⁾.

Внѣшняя исторія жизни и дѣятельности Іоанна такъ же разнообразна, какъ всѣхъ вообще ученыхъ монаховъ и прежняго времени и нашего. Помимо прямыхъ своихъ обязанностей по духовно-учебной службѣ, Іоаннь совмѣстно проходилъ еще нѣсколько служеній и, кромѣ того, выполнялъ различныя временныя порученія начальства. Такъ, исполняя обязанности бакалавра въ нашей академіи, онъ состоялъ, — впрочемъ, самое короткое время, помощникомъ бібліотекаря. Въ Петербургской духовной академіи онъ совмѣщаль съ должностью бакалавра и должность помощника инспектора;

¹⁾ ЧОЛДП 1887, 1/4, стр. 171.

²⁾ См. обширную статью *Н. Романскаго* (нынѣ—московскаго священника) въ ЧОЛДП 1887 г.: „Преосвященный Іоаннь, епископъ Смоленскій. Его жизнь и проповѣдническіе труды“.

въ продолженіе восьми съ половиною лѣтъ состоялъ членомъ С.-Петербургскаго духовно-цензурнаго комитета. Въ бытность ректоромъ семинаріи, архимандритъ Іоаннъ состоялъ членомъ духовной консисторіи и помощникомъ главнаго наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія, логики и психологіи въ университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Въ Казани съ академическою ректоріею Іоаннъ совмѣщаль тѣ же обязанности, что и въ Петербургѣ съ ректоріею семинарскою,—съ тою разницею, что въ Казани онъ былъ наблюдателемъ (а не помощникомъ) за преподаваніемъ поименованныхъ предметовъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ редакторомъ „Православнаго Собесѣдника“. Послѣ перемѣщенія въ Петербургъ, опредѣленъ былъ главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ столицы и ея окрестностей ¹⁾.—Частныя порученія, дававшіяся Іоанну начальствомъ, были до крайности разнообразны.

Что касается профессорской дѣятельности Іоанна, то есть полное основаніе утверждать, что онъ былъ талантливымъ и усерднымъ профессоромъ. „Онъ является однимъ изъ наиболѣе знаменитыхъ представителей прежней діалектической школы богословія,—большею частію сухо отвлеченной, не чуждой схоластичности и не признававшей историко-литературной постановки науки; но въ лекціяхъ преосв. Іоанна эта школа представила, можно сказать, все, что у нея было наиболѣе живого, увлекательнаго и плодотворнаго“ ²⁾. Онъ занималъ послѣдовательно три каѣдры: нравственнаго богословія, каноническаго права и догматическаго богословія ³⁾.

¹⁾ Въ I ч. Христ. Чтенія за 1866 г. помѣщена принадлежащая Іоанну статья: „О преподаваніи богословія въ нашихъ университетахъ“ (стр. 141—191); это оставленный имъ памятникъ „официальнаго наблюденія за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ“ (Правосл. Богосл. Энциклопедія, т. VII, кол. 154).

²⁾ См. „Богословскія академическія чтенія“ преосвященнаго Іоанна Епископа Смоленскаго. 2-е изд. С.-Петербургъ. 1906. Стр. IV (изъ предисловія къ первому изданію).

³⁾ Іоаннъ самое короткое время (предъ перемѣщеніемъ изъ Московской академіи въ Петербургскую) занималъ каѣдру Священнаго Писанія; и однако, отъ него имѣемъ одиннадцать статей, представляющихъ „опытъ изъясненія ветхозавѣтныхъ книгъ Священнаго Писанія“ (напечатаны въ

Первую кафедру онъ занималъ только въ теченіе двухъ лѣтъ: это было начало его профессорской дѣятельности въ нашей академіи. Съ переходомъ въ Петербургъ, съ конца 1844 до начала 1855 года, въ теченіе десяти лѣтъ, онъ занималъ кафедру каноническаго права. Каковы были лекціи по нравственному богословію начинающаго академическаго преподавателя, свѣдѣній ясныхъ и опредѣленныхъ не имѣемъ ¹⁾; да и пребываніе его на этой кафедрѣ было слишкомъ кратковременно; можно, однако, предполагать, что таланты молодого лектора обнаружались уже въ это время,—если на него обратилъ вниманіе оберъ-прокуроръ Синода, которому для столичной академіи нужны были не просто ученые монахи, а талантливые ученые монахи. Десятилѣтнее же служеніе наукъ каноническаго права въ Петербургской академіи привлекло и вниманіе студентовъ и выраженіе благосклонности начальства къ Иоанну, своими трудами оставившему въ этой наукѣ замѣтный слѣдъ. Догматическое богословіе составляло предметъ его занятій съ 1855 г. до назначенія его на Смоленскую кафедру въ 1866 году,—съ значительнымъ, впрочемъ, перерывомъ. Догматика въ семинарской постановкѣ, конечно, не соответствовала степени учености и талантливости Иоанна; а о преподаваніи Иоанномъ догматическаго богословія въ Петербургской академіи мы имѣемъ отзывъ слушателя его лекцій, впоследствии профессора академіи Николая Павловича Рождественскаго, гдѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „при силѣ и глубинѣ мысли, при своеобразности и оригинальности самаго языка, лекціи преосвященнаго въ такой степени носили отпечатокъ личнаго неподражаемаго таланта автора, что всякая попытка къ бук-

Православномъ Собесѣдникѣ 1861 г.). Это—записки на кн. Исходъ, представляющія подражаніе извѣстнымъ „Запискамъ“ м. Филарета на кн. Бытія (ЧОЛДП 1887, 1/4, стр. 192, пр. 13).

¹⁾ Вторую, большую часть „Богословскихъ академическихъ чтеній“ Иоанна составляютъ чтенія по „Дѣятельному Богословію“ (или нравственному). Эти чтенія печатаны по собственнымъ запискамъ автора, подареннымъ имъ одной изъ его казанскихъ знакомыхъ. См. предисл. къ первому изданію „Богосл. академ. чтеній“. Сообщение объ изданіи лекцій гресов. Иоанна по догматическому и нравственному богословію, съ обзоромъ содержанія ихъ, принадлежащее *А. Катанскому*, см. въ Приб. къ Церк. Вѣдом. 1907 г., № 33, стр. 1403—1408.

вально-точной передачѣ ихъ на экзаменѣ или при репетиціяхъ была бы безуспѣшна. Изъ этихъ лекцій слушатели вносили много мыслевозбуждающихъ идей, оригинальныхъ взглядовъ, но могли воспроизвести все это не иначе, какъ путемъ самодѣятельной переработки слышаннаго... По скромности, присущей всѣмъ великимъ дарованіямъ, преосвященный вѣроятно лично не сознавалъ всего значенія, какое могли бы имѣть его богословскія лекціи для русской богословской науки, еслибъ онѣ были записаны, тщательно обработаны имъ и явились въ полномъ составѣ. Это былъ бы драгоценный памятникъ, который составилъ бы украшеніе русской богословской науки... Оригинальный, какъ всегда, въ постановкѣ предмета, преосвященный высказывалъ не менѣе самобытной оригинальности и въ его раскрытіи... Избѣгая повторенія обычныхъ, ходячихъ и общеизвѣстныхъ рѣшеній того или другого вопроса, онъ всегда старался подойти къ данному вопросу новымъ путемъ и освѣтить главнымъ образомъ тѣ стороны въ немъ, которыя представляютъ наибольшее количество трудныхъ пунктовъ для уясненія... Лекція всегда облекалась у него въ своеобразноизящную форму и всегда содержала нѣсколько оригинальныхъ мыслей, которыя вызывали слушателей на размысленія и оставляли глубокое впечатлѣніе. Отличительною чертою его лекцій было соединеніе въ нихъ тонкаго и глубокаго философскаго анализа съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ мистицизма, самой впрочемъ чистой, высокой и благородной пробы¹⁾. Вполнѣ естественно предполагать, что преосв. Іоаннъ изъ тѣхъ наукъ, каѳедры которыхъ онъ послѣдовательно занималъ, каноническому праву посвятилъ большую часть своихъ силъ и своего вниманія. Въ печати имѣется трудовъ преосв. Іоанна всего болѣе относящихся къ области каноническаго права; а здѣсь „первое мѣсто, по объему и достоинству.., занимаетъ „Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія“, изданный въ Петербургѣ въ 1851 году²⁾.

¹⁾ Христ. Чт. 1876 г., Ч. I, стр. 543 и 551 — 552; *Романскій*, стр. 187—190.

²⁾ *Романскій*, стр. 190; см. также сочиненіе *Павла Прокошева*: „Каноническіе труды Іоанна, Епископа Смоленскаго“. Казань. 1895. Стр. 3—6 и 386—388.

II.

Приступая къ характеристикѣ личности преосвященнаго Иоанна, приходится встрѣтиться съ довольно значительными затрудненіями. Прежде всего, матеріалы, которые могли бы быть использованы для этой цѣли, очень недостаточны¹⁾. Кромѣ того, лица, касавшіяся жизни и личности Иоанна, даютъ о немъ слишкомъ разнорѣчивые иногда отзывы и неполнѣ свободны отъ подозрѣнія въ пристрастности своихъ сужденій. Но и помимо этого, личность Иоанна столь оригинальна и даже эксцентрична, что цѣльное и соответствующее дѣйствительности изображеніе ея представляетъ задачу сложную и чрезвычайно трудную.

Характеристику личности преосв. Иоанна начнемъ съ его внѣшности. По описанію проф. Знаменскаго, „наружность его (при первомъ появленіи въ Казанской академіи) всѣмъ показалась грозной и внушительной. Онъ былъ очень небольшого роста, но... своей манерой держаться гордо, презрительно и крайне серьезно придавалъ себѣ даже нѣкоторое величіе. Лицо его было не красиво, не правильно, съ глубокими складками на щекахъ и нѣсколько искривленными губами...; но высокій, хорошо развитый лобъ, сильный, часто уничтожающій и всегда пронизательный взглядъ большихъ глазъ, замѣчательно мѣнявшихъ свой цвѣтъ, казавшихся то совершенно безцвѣтными и мертвенными, то совсѣмъ темными, и умное выраженіе придавали этому лицу невольное обращающую на себя вниманіе оригинальность, даже своего

¹⁾ Большое значеніе для характеристики личности, насъ интересующей, имѣютъ опубликованія въ Христіанскомъ Читаніи 1907 г. „Письма преосв. Иоанна епископа Смоленскаго къ своему другу архимандриту Фотію“; эти письма относятся къ 1851—1857 годамъ, т. е. ко времени его ректуры въ Петербургской академіи, ректуры въ Петербургской семинаріи и къ началу ректуры въ Казанской академіи. Мы должны быть благодарны архимандриту Фотію, который не послушалъ своего осторожнаго друга и не уничтожилъ эти письма, о чемъ въ нѣкоторыхъ онъ настоятельно просилъ своего корреспондента (Христ. Чит. 1907 г., ч. I, стр. 118, 123, 126). Въ томъ же журналѣ за тотъ же годъ, въ статьѣ А. Н. Котовича: „Характеристика членовъ С.-Петербургскаго духовно-цензурнаго комитета эпохи Николая I“, очерчена дѣятельность Иоанна въ качествѣ цензора (I, 338—343).

рода красоту“¹⁾. Итакъ, Иоаннъ былъ некрасивъ лицомъ и невысокъ ростомъ и все же имѣлъ наружность внушительную²⁾. Такія натуры, какова Иоаннова, не очень склонны сокрушаться о недостаткѣ внѣшней привлекательности; но своимъ малымъ ростомъ Иоаннъ былъ, повидимому, очень недоволенъ: съ его внушительною въ прочихъ отношеніяхъ внѣшностью болѣе гармонировалъ бы высокій ростъ; поэтому то онъ старался посредствомъ искусства мастера прибавить *возрасту своему* если не *лакоть одинъ*, то хоть одинъ-другой вершокъ. Эта цѣль достигалась, по словамъ проф. Знаменскаго, „съ помощью большихъ внутреннихъ и внѣшнихъ каблучковъ“, отчего онъ казался значительно выше своего дѣйствительнаго роста.³⁾ Описанная внѣшность Иоанна, вполнѣ вѣроятно, оказывала свое вліяніе на манеры и внѣшнее поведеніе его; и въ то же время столь рѣзко и характерно выражала внутреннюю сущность его сильной, сложной и неуравновѣшенной натуры, что была поводомъ къ противоположнымъ о немъ сужденіямъ и отзывамъ у разныхъ лицъ. Романскій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „видно, что наружность его носила на себѣ всѣ признаки сильнаго характера и ясные слѣды его постоянной борьбы съ обстоятельствами и болѣзнями. Такія фізіономіи—стоитъ увидѣть разъ,

1) Исторія Казанской Духовной Академіи за первый (дореформенный) періодъ ея существованія (1842—1870 годы). Вып. I. Казань. 1891 г. Стр. 138—139; ср. *Романскаго*, стр. 506.—Изъ этого описанія наружности Иоанна можно заключать, что, если онъ и могъ походить на „тщедушнаго литовскаго еврея“ (*Н. Аристовъ* въ Историч. Вѣстникѣ 1880 г., стр. 786), то лишь на такого, невзрачная сама по себѣ внѣшность котораго отмѣчена печатью внутренней, духовной красоты и силы.

2) Проф. Знаменскій ставитъ его рядомъ съ архим. Иннокентіемъ (Новгородовымъ), преемникомъ его по ректурѣ, и находитъ между ними оригинальный контрастъ: „на сколько слабая и болѣзненная фигура Иоанна была грозна и внушительна, вся проникнутая выраженіемъ властной силы воли и силы крѣпкаго, нѣсколько презрительнаго и озлобленнаго ума, на столько рослая, здоровая фигура архим. Иннокентія, съ длинной полусѣдой бородою, съ крутымъ упрямымъ лбомъ и прячущимися въ глубокихъ впадинахъ, маленькими сѣрыми глазами, представлялась какою-то мелкой, подозрительной и темной, и возбуждала представленіе не столько объ умѣ и силѣ воли, сколько о практической житейской сметкѣ и упрямствѣ“ (стр. 216—217).

3) Стр. 139; ср. „записку“ *преосв. Никанора* объ ученомъ монашествѣ въ Русск. Обзорніи 1896 г., т. 38, стр. 20.

чтобы онъ не забылись никогда; такія лица могутъ попеременно и у разныхъ людей дѣлаться предметомъ злословія, укоризны, зависти, уваженія, восторга, но никогда—равнодушія“. ¹⁾

Преосвященный не обладалъ хорошимъ здоровьемъ, о чемъ согласно свидѣтельствуютъ его биографы и чѣмъ можно объяснить нѣкоторые факты его жизни. Къ латинской кухнѣ ему приходилось, очевидно, обращаться довольно часто, и для надоѣвшихъ лекарствъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ подбираетъ очень нелестное сравненіе: 30 Апрѣля 1855 г. онъ пишетъ: „ужь мнѣ эти людскія мнѣнія! Глупѣе и гаже тѣхъ скверныхъ капель, которыми наполняла меня медицина во время моей болѣзни“. ²⁾ Въ 1857 году, уже изъ Казани, онъ пишетъ, между прочимъ: „одно плохо—здоровье. Климасть здѣсь глупѣйшій... Опять микстура, да капли, да пилюли“. ³⁾ А черезъ два года онъ отказывается отъ должности профессора, по слабости здоровья, и остается только ректоромъ академіи ⁴⁾.

Вполнѣ естественно, что человѣкъ, подверженный хроническому недугу или вообще отличающійся слабымъ здоровьемъ, съ трудомъ сохраняетъ наружное спокойствіе и уравновѣшенность; а у преосв. Іоанна, какъ природы сильной, несоотвѣтствіе внутренней силы и физическаго здоровья особенно часто и замѣтно выражалось въ нетерпѣнн и раздражительности; отсюда и необыкновенная рѣзкость въ обращеніи съ подчиненными и сослуживцами. Но кромѣ того, онъ былъ гордъ и нерѣдко презрительно относился даже къ такимъ лицамъ, предъ которыми другіе, въ его положеніи, обыкновенно заискиваютъ. Его манера держаться не могла вообще располагать къ нему и внушать симпатію. Проф. Знаменскій такъ описываетъ его манеры: „обычная поза его была горделивая, движенія нетерпѣливы и порывисты; голосъ не громкій, но ясный, твердый и повелительный; рѣчь докторальная, довольно медленная и внушительная, безъ запинокъ, поправокъ и присловіи и на одной почти нотѣ, разнообразящаяся только силою и подчеркиваньемъ словъ.

¹⁾ Стр. 506.

²⁾ Письма (Христ. Чт. 1907 г.), стр. 120—121.

³⁾ Стр. 124—125.

⁴⁾ *Романскій*, стр. 180.

Въ разговорѣ онъ становился къ собесѣднику бокомъ, поднявъ голову и опутивъ глаза внизъ, только изрѣдка бросая на него боковые пытливые взгляды и озадачивая быстрыми, отрывистыми вопросами и замѣчаніями“. 1) Вслѣдствіе раздражительности и сознанія своего превосходства надъ другими, Іоаннъ въ своихъ отъѣздахъ вообще былъ рѣзокъ выше мѣры. Неправившіяся ему, напр., миссіонерскія отдѣленія въ Казанской академіи онъ называлъ „курятниками, пристроенными“ къ ней; подробности въ изученіи „какогонибудь глупаго, по его мнѣнію, ислама“ находилъ излишними. 2) Дурное расположеніе духа, а иногда жесточайшая хандра были болѣе чѣмъ знакомы Іоанну. Въ одномъ изъ писемъ къ архим. Фотію, послѣ злого издѣвательства надъ монахами и особенно надъ настоятелями монастырей, Іоаннъ высказываетъ намѣреніе пойти самъ настоятельствовать въ монастырь и въ заключеніе своихъ мечтаній о настоятельствѣ недвусмысленно даетъ знать, что онъ сквозь слезы смѣется надъ самимъ собою. „Угадайте, пишетъ онъ: что въ этихъ мечтахъ: фантазія ли, все презирующая, или хандра неисходная, пожирающая душу. Да, отецъ! Приходится утѣшать себя и такими вещами“. 3) По словамъ проф. Знаменскаго, Іоаннъ, въ бытность ректоромъ Казанской академіи, особенно въ первые годы, то „проявлялъ кипучую и рѣшительную дѣятельность“, то, „все бросалъ изъ рукъ и запускалъ... до нельзя, дѣлая это вовсе не по какойнибудь слабости своихъ силъ;.. а какъ будто изъ какого-то презрѣнія ко всему и на зло кому-то тамъ выше“. 4) Во время Казанской же ректуры онъ былъ очень продолжительное время „въ какомъ-то озлобленно-разочарованномъ состояніи и бросалъ жестокіе сарказмы на-право и на-лѣво“. 5) Въ 1856 году, поздравляя Фотія съ новымъ годомъ, Іоаннъ пишетъ: „съ новымъ годомъ!.. Да можетъ ли быть что-нибудь нелѣпѣе поздравленія съ новымъ годомъ? Вѣдь это значитъ поздравлять со всѣми тѣми глупостями, неприятно-

1) Стр. 139.

2) *Знаменскій*, стр. 161.

3) Стр. 125.

4) Стр. 157.

5) Стр. 212.

стями, скорбями, бѣдами, смертями, чертями, какихъ прине-
сетъ новый годъ! 1) Эту же мысль Іоаннъ проводить один-
надцать лѣтъ спустя въ поученіи на новый (1867) годъ,
сказанномъ въ Смоленскомъ кафедральномъ соборѣ.—конечно,
не въ такихъ выраженіяхъ. 2)

Въ отношеніяхъ къ окружающимъ: питомцамъ, сослужив-
цамъ, начальству, частнымъ лицамъ Іоаннъ былъ необыкно-
венно оригиналенъ и нерѣдко весьма непослѣдователенъ.—
Отношеніе его къ воспитанникамъ духовно-учебныхъ заве-
деній было не всегда одинаково. Романскій, имѣвшій подъ
руками дѣла С.-Петербургскаго академическаго правленія,
сообщаетъ, что отношенія Іоанна, инспектора академіи, къ
студентамъ были добрыя и гуманныя. Недоразумѣнія, воз-
никавшія между студентами и инспекторомъ, какъ блюсти-
телемъ студенческой нравственности, рѣшались имъ большею
частью семейнымъ образомъ, такъ что во время его четы-
рехлѣтняго инспекторства былъ „только одинъ случай исклю-
ченія студента... и одинъ случай строгаго взыскапія“ (за-
ключеніе на два дня въ карцеръ). 3) Явившійся въ Казань,
въ качествѣ ректора, Іоаннъ производитъ уже другое впе-
чатлѣніе. „При первомъ своемъ поступленіи въ академію
онъ видимо старался прежде всего задать страху“—пишетъ
проф. Знаменскій... Первая встрѣча его по пріѣздѣ со сту-
дентами въ столовой была суровая и грозная. „Вы кто такой“?—
спросилъ онъ одного студента, подойдя къ первому столу.
Студентъ академіи N. N.—„Развѣ такіе бываютъ студенты
академіи? чтобы завтра же всѣ были острижены, да глаже“.
Послѣ того парикмахеръ работалъ цѣлый день. 4) При пер-
вомъ же обзорѣніи академіи онъ проявилъ необыкновенный
ригоризмъ, высказавъ, напр., мнѣніе, что фортепіано въ
академіи—вещь непозволительная. „Заведется фортепяно,
потомъ скрипка, а потомъ гитара, а потомъ барабанъ,— и
пошло“—прибавилъ онъ въ поясненіе. 5) Съ самаго начала
онъ ввелъ однообразную одежду для студентовъ, съ стро-

1) Стр. 123.

2) БПР² (Бесѣды, поученія и рѣчи.—изд. 2 е 1876 г.), стр. 15.

3) Стр. 173—174.

4) Стр. 139—140.

5) Стр. 169.

гимъ росписаніемъ, когда носить домашнюю и когда праздничную пару; ¹⁾ въ церкви студенты были разставлены по росту. Но, замѣчаетъ проф. Знаменскій, „гордый человѣкъ очевидно самъ стыдился крѣпко стоять за дисциплину и, не желая сдѣлаться изъ-за нея предметомъ насмѣшекъ или низкаго мнѣнія студентовъ, самъ парализовалъ силу своихъ распоряженій и маскировалъ ихъ выдуманнными предлогами“.²⁾ Будучи человѣкомъ гордымъ и самовластнымъ, Іоаннъ иногда дѣйствовалъ и какъ политикъ, обращаясь къ достоинству и благородству студентовъ, открыто даже признавая силу студенчества, какъ твердо сплоченной организаціи.³⁾ Въ исполненіи заведенной имъ дисциплины онъ хотѣлъ видѣть, главнымъ образомъ, признаніе его силы и покорность ему. Студенты поняли это и не опускали случая поиграть на слабой струнѣ ректорскаго сердца.⁴⁾ На экзаменахъ „почти всѣхъ отвѣчающихъ сбивалъ своей діалектикой и всѣмъ ставилъ очень низкія отмѣтки“.⁵⁾ „Въ правилахъ для курсовыхъ экзаменовъ онъ распорядился, чтобы преподаватели въ своихъ спискахъ ставили въ I-й разрядъ не болѣе 4—5 студентовъ“.⁶⁾ Эта строгость и требовательность объясняется отчасти тѣмъ, что онъ вообще не жаловалъ Казанскую академію. Это и по отзыву Знаменскаго ⁷⁾ и по собственному признанію Іоанна, говорившаго послѣ назначенія въ Казань всѣмъ и каждому, что онъ назначеніемъ недоволенъ.⁸⁾ Будучи епископомъ Смоленскимъ, онъ съ большою внимательностью относился къ состоянію семинаріи, былъ требователенъ и въ отношеніи преподавателей и учениковъ и довольно строгъ: за несвоевременную явку учениковъ въ семинарію послѣ каникулъ назначаемы были денежные штрафы. Сравнивая нѣкоторыя постановленія преосвящ. Іоанна, касающіяся воспитанниковъ семинаріи, Романскій приходитъ „къ мысли, что онъ особенно уважалъ и любилъ успѣвавшихъ учени-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Стр. 170.

³⁾ Стр. 175.

⁴⁾ Стр. 172—173.

⁵⁾ Стр. 158.

⁶⁾ Стр. 160.

⁷⁾ Стр. 164.

⁸⁾ Письма, стр. 125.

ковъ, дѣлалъ имъ снисхожденіе, котораго не видѣли никогда малоуспѣвшіе“.¹⁾

Въ отношеніи къ подчиненнымъ членамъ корпораціи семинарской, а въ особенноти,—въ бытность ректоромъ Казанской академіи, Іоаннъ проявлялъ тѣ же качества своего характера, что и въ отношеніи къ учащемуся юношеству. Будучи ректоромъ семинаріи, онъ очень оригинально представлялъ молодыхъ преподавателей воспитанникамъ, ограничиваясь, напр., лишь слѣдующими словами: „вотъ вамъ новый наставникъ; онъ будетъ вамъ говорить, а вы будете его слушать“.²⁾ Точно также и въ академіи онъ просто предлагалъ новичку-баккалавру идти на первую лекцію одному, добавляя, что аудиторію можно найти по указанію швейцара.³⁾ Въ Казани „онъ распоряжался всѣмъ совершенно единовластно... Правленіе при немъ вовсе не собиралось“, а его единоличныя рѣшенія были подчасъ „очень своеобразны и даже произвольны“, что ставило его сослуживцевъ въ большія затрудненія.⁴⁾ Требуя отъ другихъ строго формальнаго отношенія къ дѣлу, самъ онъ не стѣснялся никакими формальностями, что и произвело большую путаницу въ дѣлахъ академической экономіи⁵⁾. Въ Казанской академіи, чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, онъ „объявилъ, чтобы безъ него никто не смѣлъ пальцемъ шевельнуть“.⁶⁾ Эту самонадѣянность и самовластіе, однако, не всегда оправдывали послѣдствія. По замѣчанію проф. Знаменскаго, „какое-то несчастіе преслѣдовало всѣ административныя порывы архим. Іоанна... Было... что-то схожее между нимъ и властительнымъ патріархомъ (Никономъ), какъ въ манерѣ братья за дѣла во имя однихъ собственныхъ своихъ идей и убѣжденій, безъ всякаго вниманія къ людямъ, которыхъ эти дѣла касались, такъ и въ самой судьбѣ этихъ дѣлъ. Знаменитый великій государь—патріархъ, какъ извѣстно, слишкомъ уже крѣпко натянулъ бразды своего великаго государствованія, такъ что

1) Стр. 404—406.

2) *Заведеевъ*, Исторія Русскаго Проповѣдничества отъ XVII вѣка до настоящаго времени. Тула. 1879. Стр. 237.

3) *Знаменскій*, стр. 165.

4) *Знаменскій*, стр. 146—147.

5) Тамъ же стр. 150, 152 и др.

6) Тамъ же, стр. 146.

онѣ не выдержали и лопнули... Въ великомъ государствѣ небольшаго академическаго муравейника при Иоаннѣ происходили подобныя же явленія“¹⁾. Нѣкоторые находили, повидимому, сходныя черты въ характерѣ Иоанна и другого властнаго святителя—Филарета, мужа великаго ума и сильной воли. Ставленникъ м. Филарета, пользовавшійся его особою благосклонностью на первыхъ порахъ, Иоаннъ прозванъ былъ даже „Филаретикомъ“²⁾. По Знаменскому, въ поведеніи Иоанна проглядывало нѣчто, напоминавшее не однихъ только владыкъ и великихъ государей духовнаго чина. Первую рѣчь Иоанна при представленіи академическихъ старшихъ онъ называетъ *тронною*.³⁾

Велико было терпѣніе подчиненныхъ Иоанну членовъ академической корпораціи, но и оно, наконецъ, истощилось. „Въ вакачь 1858 г., въ отсутствіе наставниковъ академіи., онъ произвелъ радикальную перетасовку всѣхъ предметовъ преподаванія, никого предварительно не спросясь, ни съ кѣмъ не посоветовавшись и положившись во всемъ на силу только одного собственнаго ума“... Мало этого: въ скоромъ же времени имъ „произведена была радикальная перетасовка самихъ преподавателей, при чемъ конечно не требовалось согласія ни отъ одного изъ нихъ“. Проф. философіи былъ переведенъ на церковную исторію, Ильминскій (проф. противомухамеданскаго отдѣленія) переведенъ на математику, канонисту поручено преподавать греческій языкъ, а пасторалисту и гомилету предложено перейти на монгольскіе предметы. Нѣкоторые по этому поводу вышли изъ академіи, а отношенія другихъ къ ректору стали ухудшаться болѣе и болѣе и наконецъ была составлена коллективная жалоба на ректора на имя синодальнаго оберъ-прокурора. Эта жалоба, однако, несразу дошла по адресу, такъ какъ нѣкоторые изъ подписавшихся „испугались такого рѣшительнаго шага и тайно отъ другихъ воротили посланную бумагу“; но въ этомъ же году она попала въ слѣдственную комиссію по дѣлу объ участіи студентовъ академіи въ университетской панихидѣ по крестьянамъ с. Бездны⁴⁾.

¹⁾ *Знаменскій*, стр. 157; ср. *Романскій*, стр. 518.

²⁾ *Знаменскій*, стр. 136.

³⁾ Стр. 140.

⁴⁾ *Знаменскій*, стр. 161—163 и 166—167.

Таковъ былъ Іоаннъ въ качествѣ начальника; обратимся теперь къ нему, какъ къ подчиненному. Много мы видимъ такихъ людей, которые, требуя себѣ почета и уваженія, безпрекословнаго повиновенія отъ подчиненныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ готовы унижаться и раболѣпствовать всякую минуту предъ своимъ начальствомъ, нерѣдко помимо всякой нужды и внѣ всякихъ предѣловъ приличія. Это было не въ характерѣ Іоанна; онъ обладалъ настолько сильною натурою, что былъ въ состояніи оказывать двухстороннее давленіе—внизъ и вверхъ. Въ Казани, по отзыву проф. Знаменскаго, архим. Іоаннъ держался иногда и въ присутствіи преосвященнаго не съ меньшимъ высокоомѣремъ, чѣмъ со студентами и академическими преподавателями ¹⁾ „и даже явно показывалъ къ нему свое неуваженіе, чего не могъ не замѣтить и самъ преосвященный“ (Аѳанасій); кромѣ того, „онъ постоянно отказывался отъ участія въ архіерейскихъ служеніяхъ“. Преосв. Аѳанасій, человѣкъ характера мягкаго, случалось, не могъ скрыть своего раздраженія противъ нежелавшаго ладить съ начальствомъ ректора. На одной бумагѣ этого послѣдняго... „о пожертвованіяхъ, по предложенію губернатора, изъ жалованья ректора и наставниковъ академіи въ пользу только лишь открывшагося тогда высшаго женскаго училища... владыка, еще раньше высказавшійся противъ этихъ жертвовацій, написалъ: „сказано, что не нужно; слушать ушами да помнить“ и даже надорвалъ самую бумагу“. Несмотря на это, пожертвованія, однако, посылались въ училище. „Іоаннъ никогда почти не принималъ у себя проѣзжавшихъ чрезъ Казань архіереевъ, отзываясь то болѣзнью, то тѣмъ, что его дома нѣтъ“; а, вѣдь, навѣрно, почти каждый изъ этихъ архіереевъ, по своему положенію, могъ оказать то или иное вліяніе на судьбу Іоанна; но онъ не хотѣлъ ни предъ кѣмъ заискивать и не добивался ничьихъ симпатій. Понятно, почему „начальство смотрѣло на него, какъ на непокорнаго слугу, и систематически обходило его наградами и повышеніями...; только чрезъ 23 года своей монашеской службы онъ получилъ самостоятельную епархію“ ²⁾. Неблагодарное отношеніе къ нему начальства, вызывавшееся чаще всего его

¹⁾ *Знаменскій*, стр. 139.

²⁾ *Знаменскій*, стр. 143—145.

собственною чрезмѣрною строптивостью, озлобляло его до крайней степени: по выраженію Знаменскаго, онъ „постоянно выказывалъ какое-то желчное и презрительное раздраженіе противъ разныхъ представителей духовной власти, даже съ немалымъ для себя рискомъ“; онъ съ полною небрежностью отнесся, напр., къ преосвященному Никодиму, ревизовавшему Казанскую академію въ 1860 г. и къ членамъ слѣдственной комиссіи по дѣлу о панихидѣ по Безднинскимъ крестьянамъ; а были побужденія—по крайней мѣрѣ, держаться по отношенію къ нимъ корректно—Іоанну, причастному къ этому дѣлу въ качествѣ ректора академіи ¹⁾.

Въ концѣ концовъ, однако, гордый и непреклонный Іоаннъ, получавшій отъ начальства внушенія, выговоры, выраженія недовольства и оч. рѣдко награды, принужденъ былъ смириться предъ всесильнымъ митрополитомъ Филаретомъ и „написалъ ему покорное письмо“, а этотъ послѣдній „по сему случаю написалъ къ нему слово мира“; и въ скоромъ времени Іоаннъ былъ перемѣщенъ въ Петербургскую академію (указомъ Синода отъ 31 Марта 1864 г.), а менѣе чѣмъ чрезъ годъ (въ Январѣ 1865 г.) посвященъ во епископа ²⁾.

Каково было отношеніе Іоанна къ тѣмъ лицамъ, съ которыми его не связывала непосредственно служебная карьера? Оно было совсѣмъ непохоже на то, что приходится наблюдать вообще въ жизни нашихъ высокопоставленныхъ ученыхъ монаховъ и, особенно, нашихъ преосвященныхъ, вы-

¹⁾ Тамъ же.—Въ этомъ громкомъ и любопытномъ дѣлѣ мы встрѣчаемся съ явленіемъ, знакомымъ намъ по событіямъ недавнихъ лѣтъ,—именно—служеніемъ панихидъ не столько о упокоеніи преставльшихся, сколько ради доставленія безпокойства здравствующимъ; о немъ см. у *Знаменскаго* стр. 194—195 и дал.

²⁾ Въ своей рѣчи при нареченіи Іоаннъ съ сочувствіемъ говоритъ объ истекшемъ со времени преобразованія духовныхъ школъ пятидесятилѣтіи, когда „многіе и лучшіе (изъ представителей духовнаго юношества)... съ любовію и радостію спѣшили приносить къ алтарю торжественные обѣты—жизни, всецѣло посвящаемой на служеніе одному Богу и Церкви; когда предъ высокими авторитетами... охотно смирился молодой умъ... и юная воля... не знала для себя другихъ началъ въ жизни, кромѣ свободной преданности своему званію и терпѣливой покорности волѣ начальственной“ (Христ. Чт. 1865 г., I, стр. 62—63).—Объ отношеніи митрополита Исидора къ дѣлу посвященія Іоанна во епископа см. „Записки“ *аргіеп. Саввы*, т. 5, стр. 657—658.

нужденныхъ нерѣдко, безъ сомнѣнія, скрѣпя сердце, быть любезными, внимательными и предупредительными по отношенію къ тѣмъ, кому до нихъ иногда собственно нѣтъ никакого дѣла,—въ ущербъ интересамъ тѣхъ лицъ, которымъ они должны бы посвящать большую часть своего времени и своего вниманія. Іоаннъ къ свѣтскимъ приличіямъ вообще относился съ пренебреженіемъ, чѣмъ оттолкнулъ, напр., отъ себя въ короткое время представителей казанскаго общества, тяготѣвшихъ ранѣе къ академіи. Знаменскій описываетъ, съ какою рѣшительностью Іоаннъ въ первый же годъ отклонилъ всѣ заискиванія лицъ, желавшихъ свести знакомство съ ректоромъ, славившимся своею ученостью. „Настала Пасха, пишетъ онъ, когда всѣ знакомые академическихъ начальниковъ и множество другой, такъ называемой, чистой публики наполняли академическую церковь. Нѣкоторые рассчитывали познакомиться съ умнымъ архим. Іоанномъ тутъ же при христосованіи. Но онъ не допустилъ этого; всталъ на амвонъ съ крестомъ и, поднявъ глаза вверхъ чрезъ головы, не обращалъ вниманія ни на какія любезныя улыбки, съ которыми подходили къ нему разные господа, желая съ нимъ заговорить. Являвшихся къ нему съ пасхальными визитами онъ не велѣлъ принимать. Потомъ онъ завелъ въ академической церкви небывалые прежде порядки: при цѣлованіи креста. Евангелія... и проч., прежде студенты постоянно должны были ждать, когда подойдетъ вся посторонняя публика; по новому распоряженію первыми всегда должны были подходить теперь они, раньше всѣхъ постороннихъ... Въ 1858 г., когда онъ отстранилъ такимъ образомъ предъ студентами отъ причащенія дамъ, направившихся было къ св. чашѣ по обыкновенію первыми, онъ возбудилъ этимъ даже очень серьезный ропотъ... Многіе навсегда отказались послѣ этого причащаться въ академической церкви... Разныя лица нѣсколько разъ пытались завести знакомство съ Іоанномъ хоть на сторонѣ., потому что у себя онъ не принималъ никого; но всѣ эти старанія оставались тщетными“¹⁾. Необходимо имѣть въ виду, что лица, желавшія „свести знакомство съ ректоромъ, славившимся своею ученостью“, часто имѣли оч. смутное представленіе объ этой его учености. „Онъ такой умный,

¹⁾ Стр. 140—141.

говорила, напр., одна приверженная къ церкви и духовнымъ лицамъ особа, такой умный, что сочинилъ новый канонникъ, imaginez—vous! за это его и докторомъ сдѣлали“¹⁾). Какое же могло быть отношеніе къ этимъ поклонникамъ учености со стороны ученаго ректора академіи? Были случаи, когда рѣзкость и нелюбезность Іоанна вполне понятны и извинительны. Въ качествѣ анекдота, вполне, впрочемъ, правдоподобнаго, и для доказательства того, что „у насъ извѣстны и такіе епископы, которыхъ никакія жены не могли уловить въ свои сѣти“, Н. С. Лѣсковъ, въ своихъ „Мелочахъ архіерейской жизни“, повѣствуетъ о томъ, какъ нелегко было отдѣлаться отъ двухъ смоленскихъ аристократокъ, пришедшихъ къ Іоанну за благословеніемъ и „для домашней бесѣды“²⁾).

Отсутствіе любезности, постоянной ко всемъ внимательности, грубость и нелюдимость не были въ Іоаннѣ плодомъ дурнаго воспитанія или отсутствія такта и умѣнья обращаться съ людьми. Онъ умѣлъ быть любезнымъ, остроумнымъ, деликатнымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ, но... когда хотѣлъ этого³⁾. „Только изрѣдка обнаруживалъ онъ свой житейскій, общественный тактъ и знаніе общественныхъ приличій и пріемовъ; это главнымъ образомъ при академическихъ торжествахъ, гдѣ ему нужно было неизбѣжно фигурировать на первомъ планѣ, при пріемахъ высокихъ посѣтителей академіи, на публичныхъ экзаменахъ и вездѣ, гдѣ нужно было показать академію, какъ товаръ, лицомъ. Въ этихъ случаяхъ, говоритъ Знаменскій, едва-ли кто-нибудь могъ съ нимъ соперничать“. Такъ замкнутый, нелюдимый, даже грубый Іоаннъ до неузнаваемости измѣнялся при посѣщеніи академіи принцемъ Ольденбургскимъ, оберъ-прокуроромъ Синода, графомъ А. П. Толстымъ, посланникомъ С.-А. Штатовъ, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ въ 1861 году⁴⁾). Іоаннъ весьма интересовался въ подобныхъ случаяхъ тѣмъ, что умѣлъ показать въ лучшемъ свѣтѣ и себя и академію. Въ письмѣ къ Фотію отъ

1) *Знаменскій*, стр. 138.

2) Мелочи архіерейской жпани. (Картинки съ натуры). С.-Петербургъ. 1879. Стр. 51—53.

3) *Романскій*, стр. 509.

4) Стр. 141—143.

21 Сентября 1857 г. онъ пишетъ, между проч.: „принцъ Ольденбургскій, бывши здѣсь въ половинѣ сентября, былъ въ восторгѣ отъ устройства Академіи, а Оберъ-Прокуроръ нашелъ даже роскошь. Знай нашихъ!..“ ¹⁾

Въ изложенномъ выше, главнымъ образомъ, выяснялось отношеніе преосв. Іоанна къ лицамъ; теперь посмотримъ, какъ онъ относился къ дѣлу, хотя то и другое отношеніе строго разграничивать нѣтъ возможности. Въ административной дѣятельности—въ особенности, какъ епархіальнаго архіерея, бросаются въ глаза строгость, требовательность и взыскательность Іоанна. Уклоненіе отъ начальственныхъ порученій, оправдываемое болѣзнью, съ представленіемъ медицинскаго свидѣтельства, вмѣняется имъ въ неисправность по службѣ; а за неисправность онъ строго взыскивалъ и при этомъ не медлил. А такъ какъ самыя чувствительныя взысканія для мало обеспеченнаго духовенства—несомнѣнно денежныя, то денежные штрафы и практиковались чаще всего въ случаяхъ замѣченной неисправности ²⁾. Свою строгость Іоаннъ проявилъ, напр., въ отношеніи къ окончившимъ семинарскій курсъ воспитанникамъ или уволеннымъ и болѣе или менѣе продолжительное время бывшимъ безъ мѣста; такъ что Св. Синодъ нашелъ нужнымъ смягчить его предположенія касательно ихъ судьбы, именно: „тѣмъ, которыхъ, по мысли преосв. Іоанна, слѣдовало исключить немедля изъ духовнаго званія „въ виду ихъ излишества и бесполезности для служенія церкви“, Св. Синодъ даетъ отсрочку на годъ, а тѣмъ, которые имѣютъ... возможность занять мѣста въ епархіи въ продолженіи года, Св. Синодъ удлиняетъ этотъ промежутокъ на два года“ ³⁾. Ради успѣшности дѣла или процвѣтанія учрежденія Іоаннъ всегда готовъ былъ жертвовать интересами отдѣльныхъ лицъ. Онъ стремился къ тому, чтобы въ

¹⁾ Письма, стр. 126.

²⁾ Преосв. Савва въ своихъ „Запискахъ“ сообщаетъ, что одинъ священникъ, оштрафованный пятью рублями, вадумалъ оправдываться; но преосвященный послѣ cadaго болѣе или менѣе сильнаго положенія самозащиты увеличивалъ штрафъ; наконецъ, оправдывающійся исчерпалъ все свои доводы, а штрафъ возросъ до 25 р. См. т. IV „Записокъ“, стр. 175; *Романскій*, стр. 376—377; см. стр. 405—406 о денежныхъ штрафахъ за неявку въ срокъ учениковъ семинаріи послѣ ваканцій.

³⁾ *Романскій*, стр. 388—390.

семинаріи было менѣе малоуспѣшныхъ учениковъ, и всегда былъ противъ обратнаго пріема учениковъ уволенныхъ. Въ одномъ изъ постановленій онъ писалъ: „не нахожу ни надобности, ни пользы принимать въ семинарію обратно безуспѣшныхъ учениковъ, т. е. бездарныхъ и лѣнивыхъ... Непривычка къ труду, о которой замѣчаетъ правленіе, и есть именно лѣнь и самый корень ея и, такимъ образомъ, лѣньность семинарское правленіе хочетъ извинить самую лѣньность“ ¹⁾. Преосв. Іоаннъ хотѣлъ болѣе быть строгимъ и справедливымъ, нежели добрымъ и снисходительнымъ. Онъ былъ въ принципѣ противъ сдачи священнослужителями мѣстъ зятьямъ—обычая издавна укоренившагося въ духовномъ вѣдомствѣ и до нашего времени остающагося въ силѣ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ.

Романскій обращаетъ вниманіе „на ту осторожность Іоанна, которая всегда проявлялась въ немъ при разрѣшеніи разнаго рода траты денегъ“ ²⁾; это говоритъ онъ о немъ, какъ о ректорѣ Петербургской семинаріи; но такимъ же остался онъ и много лѣтъ спустя, когда получилъ въ управленіе Смоленскую епархію ³⁾. О казанскомъ періодѣ Знаменскій даетъ нѣсколько другіе отзывы: „въ своихъ властныхъ распоряженіяхъ, пишетъ Знаменскій, — купить немедленно то-то, устроить такіе-то предметы и проч. онъ не любилъ входить въ мелочные расчеты; было бы только сдѣлано, что ему хотѣлось и что онъ приказывалъ, а на какія средства, это было уже дѣло эконома“; это свидѣтельство основывается на документальныхъ данныхъ; запутанность академической экономіи и значительный дефицитъ при Іоаннѣ—фактъ неопровержимый ⁴⁾. Отступленія отъ принятыхъ правилъ, соотвѣтствовавшихъ въ общемъ характеру Іоанна, въ такой пылкой и неуравновѣшенной натурѣ вполне допустимы.

Преосв. Іоаннъ не былъ особенно щедръ на представленія къ наградамъ; „но когда награды касались средствъ содержанія учебныхъ заведеній,.. вниманіе его къ усердно отличившимся почти никогда не выражалось въ формѣ денеж-

¹⁾ Стр. 398—400.

²⁾ Стр. 177—179.

³⁾ Стр. 419; ср. Письма, стр. 119—120.

⁴⁾ Стр. 148.

ныхъ наградъ. Здѣсь преосвященный доходилъ даже до скупости, которую оправдывалъ различными непредвидѣннымъ и экономическими расходами—таковъ отзывъ Романскаго объ Иоаннѣ, какъ еп. Смоленскомъ. То же свидѣтельствуется Знаменскій о немъ, какъ ректорѣ Казанской дух. академіи ¹⁾. Въ этомъ случаѣ необходимо отмѣтить непоследовательность Иоанна: штрафы онъ любилъ назначать преимущественно денежныя, а награды денежныя давалъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Впрочемъ, если смотрѣть съ другой точки зрѣнія, такой образъ дѣйствія можно признать и строго последовательнымъ.

Иоаннъ, въ званіи ректора Казанской дух. академіи, заявилъ себя строгимъ борникомъ канцелярской тайны. Такъ, по сообщенію проф. Знаменскаго, „студенты первыхъ двухъ курсовъ при немъ были удостоены степеней въ величайшемъ секретѣ, въ кабинетѣ ректора въ присутствіи одного секретаря, который самъ собственноручно писалъ и бѣловые списки студентовъ, чтобы объ нихъ не узнали письмоводители; потому эти списки подъ величайшимъ же секретомъ разносились по нѣкоторымъ членамъ конференціи для подписей“ Свои записки, по которымъ составлялись журналы Правленія, ректоръ Иоаннъ писалъ, не справляясь съ параграфами устава и существующихъ постановленій, предоставляя это дѣлать секретарю; можно себѣ представить, насколько трудна была задача согласовать распоряженія—нерѣдко своеобразныя и произвольныя—непосредственнаго начальника съ академическимъ уставомъ или съ распоряженіями высшаго начальства ²⁾. Какъ епископъ Смоленскій, Иоаннъ „не терпѣлъ въ подвѣдомственныхъ ему органахъ управленія долговременной переписки“ ³⁾.

Иногда у Иоанна съ особенною силою проявлялась страсть къ реформамъ и перемѣнамъ. Выше упоминалось, какъ въ оч. короткое время и положительно единолично онъ составилъ совершенно новое распредѣленіе и группировку предметовъ академическаго преподаванія и всѣхъ профессоровъ перемѣстилъ съ одной кафедръ на другую; и трудно отрѣ-

¹⁾ *Романскій*, стр. 419—420; *Знаменскій*, стр. 147 и 164.

²⁾ *Знаменскій*, стр. 146—147; 160—161.

³⁾ *Романскій*, стр. 414.

шиться отъ той мысли, что онъ постарался каждому поручить такой предметъ, къ которому тотъ имѣлъ наименѣе склонности и способности и могъ не имѣть никакой подготовки. Въ концѣ 1858 г. имъ составленъ „въ видахъ утвержденія нравственности духовныхъ воспитанниковъ“, проектъ, которымъ, между проч., предполагалось провинившихся студентовъ помѣщать для исправленія въ монастыри Ивановскій и Спасскій ¹⁾. Профессору Гусеву Іоаннъ „поручилъ заняться... составленіемъ нормальныхъ росписаній для студенческаго стола на цѣлый годъ съ обозначеніемъ примѣрной цѣнности его на каждый день“, и „трудолюбивый... профессоръ потрудился надъ этой задачей около полугода“ ²⁾.

Вообще обладая сильнымъ критическимъ талантомъ, Іоаннъ отличался вмѣстѣ съ тѣмъ неуваженіемъ къ чужимъ мнѣніямъ и ученымъ трудамъ; эту черту характера онъ проявилъ въ особенно рѣзкой формѣ, напр., по отношенію къ преосв. Филарету Гумилевскому, давая отзывъ, по должности цензора, о V томѣ его Русской Церковной Исторіи. Филаретъ пишетъ объ этомъ Иннокентію (въ то время—Харьковскому): „заносчивый юноша изволилъ дать такъ много предписаній, что не легко и смиряющемуся самолюбію покориться имъ. Видно, что высшее начальство сочло нужнымъ поучить меня смиренію, что прислало мнѣ приказы къ исполненію, писанные малограмотною молодостью“ ³⁾.

¹⁾ *Знаменскій*, стр. 185.

²⁾ Стр. 147.

³⁾ *Знаменскій*, стр. 145. Іоаннъ, между проч., „съ особой настойчивостью требовалъ изъятія изъ Исторіи Русской Церкви Филарета... фразы: „Христіанство уравниваетъ боярина и князя съ послѣднимъ рабомъ предъ лицомъ Господа въ правахъ на благодать его“... Такимъ образомъ, Іоаннъ, вполнѣ безупреченъ и даже отличался угодливостью. Но трудно однимъ этимъ объяснить загадочный фактъ вышучиванія Іоанномъ „звукового метода обученія, боровшагося съ рутинной“ (Христ. Чт. 1907 г., ч. I, стр. 338—342 pass.). Какія основы подрывались звуковымъ методомъ? чьимъ видамъ этотъ методъ могъ не соответствовать? Трудно вѣрить, чтобы преосв. Іоаннъ не видѣлъ никакого иного отличія новаго метода отъ стараго, кромѣ того, что прежде начинали учиться читать, запоминая: азъ—Ангель, букв—Богъ; а потомъ: а—арбузъ, бе—быкъ... (сужденіе одного изъ нашихъ архипастырей, песочувствовавшихъ введенію новаго метода).—О цензорскомъ отзывѣ

Дѣятельность Іоанна, въ качествѣ редактора „Православнаго Собесѣдника“, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ самый годъ своего перемѣщенія въ Казань (1857) Іоаннъ рѣшилъ поднять академическій журналъ на должную высоту „и придать ему живой интересъ“; онъ привлекъ къ участию въ немъ лучшія силы изъ состава академическихъ профессоровъ, но самъ работалъ для него болѣе всѣхъ: въ 1858 г. онъ напечаталъ въ Собесѣдникѣ 18 своихъ собственныхъ статей, объемомъ до 30 печатныхъ листовъ. Высокое качество статей какъ самого редактора, такъ и сотрудниковъ доставило сразу замѣчательную популярность журналу въ обществѣ и произвело „цѣлый переворотъ во всемъ стрѣ тогдашней духовной журналистики вообще“. Но общественное и современное направленіе статей Собесѣдника обезпечило духовное начальство, и въ Мартѣ 1859 г., по указу Синода, редакціи и цензурѣ журнала сдѣлано замѣчаніе, а цензура оригинальныхъ статей журнала переведена была въ Московскій цензурный комитетъ. И редакторъ, и журналъ отъ этого удара едва не покончили свое существованіе. Іоаннъ опасно захворалъ, а журналъ потерялъ большую часть сотрудниковъ и подисчиковъ. Но, замѣчаетъ Знаменскій, „должно быть сильна была его привязанность къ этому дѣлу, что онъ и послѣ этого фіаско всетаки не опустилъ рукъ, какъ онъ дѣлалъ послѣ непріятностей отъ начальства по разнымъ частямъ академической администраціи; онъ продолжалъ печататься въ Собесѣдникѣ почти такъ же усердно, какъ и прежде, старался всячески удержать при немъ и другихъ академическихъ сотрудниковъ“. Но пусть кто-нибудь не подумаетъ, что, дорожа журналомъ и привлекая въ него лучшихъ сотрудниковъ, онъ показывалъ видъ, будто въ комъ-нибудь и въ чемъ-нибудь нуждается, старался быть внимательнымъ и любезнымъ по отношенію къ тѣмъ, которыми дорожить его заставляла необходимость. Ничуть не бывало: гордый человѣкъ и здѣсь оставался вѣренъ самому себѣ. „Когда кто представлялъ ему свою работу для Собе-

Іоанна на „Описаніе Славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки“ см. сборникъ: „Протоіерей Александръ Васильевичъ Горскій въ воспоминаніяхъ о немъ Московской Духовной Академіи въ двадцать пятую годовщину со дня его смерти“. Св.-Тр. Сергіева Лавра. 1900. Стр. 109—149; см. Правосл. Богосл. Энциклопед. т. VII (1906 г.), кол. 151, примѣч.

сѣдника, пишетъ проф. Знаменскій, онъ принималъ ее съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлалъ этимъ великое снисхожденіе автору, кто бы онъ ни былъ, хотя бы изъ самыхъ лучшихъ силъ журнала, и, прочитавъ статью, объявлялъ съ гримасой, что, за неимѣніемъ пока лучшихъ статей, вѣроятно ее напечатаетъ“ ¹⁾.

Теперь сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній объ Іоаннѣ, какъ инокъ и святителѣ. Въ Казани онъ „рѣдко служилъ самъ; церковная служба совершалась при немъ обыкновенно кѣмъ-нибудь изъ академическихъ монаховъ, безъ всякой торжественности и, по желанію его, очень скоро“. Онъ не любилъ долгихъ службъ, и когда былъ смоленскимъ архіереємъ. Общая болѣзненность его организма, доходившая до того, что онъ иногда едва могъ держать въ рукахъ дикирій и трикирій, служить достаточнымъ объясненіемъ такого отношенія къ продолжительности богослуженія ²⁾. Романскій пишетъ, что „для преосвященнаго обрядовая сторона въ религіи имѣла второстепенное значеніе“. Но равнодушное отношеніе Іоанна къ обрядности и къ внѣшнимъ проявленіямъ религіознаго чувства, можно думать, простирались иногда черезчуръ далеко: въ письмѣ къ Фотію въ 1852 г. онъ спрашиваетъ своего друга: „что новаго въ великомъ Новѣградѣ?.. Много ли осталось отъ иконы преп. Антонія, что въ паперти Антоніеба монастыря, или уже вся скушена православными? Не оказываютъ ли они усердія отвѣдать и камешка, который, помнится, тутъ же лежитъ?“ ³⁾ Въ другомъ письмѣ онъ подсмѣивается надъ иноческимъ аскетизмомъ: „Вы теперь богатая особа, пишетъ онъ Фотію. Имѣя столько денегъ, можно уже оставить несовременный аскетизмъ. Или все еще остается одна ряса, одинъ подрясникъ, одинъ клобукъ и единыя, единственныя четки? Охъ, ужъ эти аскеты! Кстати уже не мѣшало бы оставить у себя и

1) *Знаменскій*, стр. 158—160 и 165. Объ Іоаннѣ, какъ редакторѣ Православнаго Собесѣдника, см. въ статьѣ: „Къ исторіи Православнаго Собесѣдника (по поводу тридцатилѣтія журнала)“, напечатанной въ Правосл. Собес. 1885, ч. III; редакторской дѣятельности Іоанна здѣсь посвящены стр. 471—489. Статья подписана инициалами: „Н. К.“; Знаменскій называетъ авторомъ статьи Н. Ѳ. Красносельцева (Истор. Каз. дух. акад., стр. 160, пр. 1).

2) *Романскій*, стр. 507; *Знаменскій*, стр. 141.

3) *Письма*, стр. 118.

одинъ глазъ по евангельски, чтобы не слишкомъ ясно видѣть, какова супруга у училищнаго зрителя, и одну руку, чтобы не брать лишняго жалованья, какъ напр., за монастырское благочиніе“ 1).

Гордый и властолюбивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ умный и серьезный, Іоаннъ чуждъ былъ стремленія къ почестямъ и помпѣ; даже болѣе: онъ былъ врагомъ ихъ. Предъ прибытіемъ въ Смоленскъ, онъ распорядился, „чтобы ни на пути, ни въ самомъ Смоленскѣ не было никакихъ церемоніальныхъ встрѣчъ“, и онъ былъ встрѣченъ въ архіерейскомъ домѣ однимъ только экономомъ 2). „Преосв. Іоаннъ не поражалъ другихъ величіемъ своего сана, высотой положенія и блескомъ внѣшней обстановки. Онъ не любилъ обычныхъ и должныхъ епископскому сану почестей, даже въ великіе и торжественные дни, для своего священнослуженія, онъ приходилъ въ соборный храмъ очень просто, безъ всякой торжественности, въ сопровожденіи только двухъ иподіаконовъ“ — читаемъ у Романскаго 3).

Въ интересахъ науки Іоаннъ предпочиталъ на академическихъ кафедрахъ монаховъ предъ лицами свѣтскими и изъ бѣлаго духовенства и семейную жизнь признавалъ рѣшительно несомвѣстимою съ служеніемъ наукѣ. Бѣлыхъ священниковъ старался вытѣснить изъ академіи и успѣвалъ въ этомъ. Свой взглядъ на этотъ предметъ онъ опредѣленно высказалъ въ одной своей запискѣ, начинающейся слѣдующими словами: „принимая во вниманіе особенную важность и пользу служенія въ академіи монашествующихъ лицъ и то обстоятельство, что въ настоящее время въ академіи число такихъ лицъ недостаточно., предлагаю правленію“ и т. д. 4) Но въ своихъ письмахъ къ Фотію онъ зло издѣвается надъ иноками, живущими въ монастыряхъ, и ихъ настоятелями, совершенно ясно обличая ихъ въ неумѣренности и несоблюденіи монашескихъ обѣтовъ 5).

Къ сказанному можно еще прибавить, что преосв. Іоаннъ,

1) Письма, стр. 119—120.

2) *Романскій*, стр. 362; *Записки Саввы*, т. III, стр. 645.

3) Стр. 506.

4) *Знаменскій*, стр. 158, 162—163.

5) Стр. 125.

въ своихъ служебныхъ отношеніяхъ, не прочь былъ пользоваться искусными тактическими приѣмами, не смотря на свою обычную рѣзкость и прямоту ¹⁾; а для оправданія своихъ поступковъ, несовѣмъ законѣрныхъ, прибѣгалъ и къ софистическимъ уловкамъ. Таково его объясненіе по дѣламъ академическаго правленія въ 1859 г., гдѣ онъ затемняетъ факты подборомъ побочныхъ обстоятельствъ и сваливаетъ свою вину на другихъ ²⁾. Были случаи, когда онъ обнаруживалъ свою изворотливость, граничащую съ неразборчивостью въ средствахъ. Въ 1860 г. лѣтомъ два студента гуляли на озерѣ съ пріѣзжимъ родственникомъ одного изъ нихъ; во время купанья гость утонулъ, и возникло уголовное дѣло. Для того, чтобы доказать полную непричастность академіи къ печальному факту, имѣвшему мѣсто 22 Іюня, ректоръ на требованіе судебного слѣдователя отъ 24 Іюня—выслать одного изъ студентовъ къ слѣдствію, 25 Іюня велѣлъ объявить, что означенный студентъ, равно какъ и его товарищъ, уволены 22 Іюня изъ академіи для поступленія въ одно изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Точно также заднимъ числомъ былъ уволенъ извѣстный Шаповъ, бывший бакалавромъ академіи, по дѣлу о демонстративной панихидѣ ³⁾.

„Личная, частная жизнь преосв. Іоанна представляетъ собою загадку въ психологическомъ отношеніи, пишетъ Романскій,—такъ какъ въ ней обнаруживаются иногда такіе его поступки, которые являются на первый разъ непонятными и необъяснимыми. Строгій аскетизмъ, высокое образованіе и возвышенный идеализмъ здѣсь какою-то непонятною связью соединяются съ эксцентричностью, нетерпѣливою раздражительностью и рѣзкостью, вслѣдствіе чего натура его представляется типической по оригинальности, своеобразности. Вотъ почему, говоря о его личной жизни, жизни домашней, мы встрѣчаемъ два совершенно противоположныхъ отзыва о ней, смотря по тому, какая черта этой жизни преосв. Іоанна полагалась въ основаніе отзыва“. Іоаннъ велъ жизнь совершенно замкнутую, рѣдко кого принималъ у себя

¹⁾ Романскій, стр. 376.

²⁾ Знаменскій, стр. 189.

³⁾ Стр. 192—193, 196.

и весьма у немногихъ бывалъ. Онъ не любилъ даже пользоваться услугами келейника, и умеръ въ запертой комнатѣ, — безъ сомнѣнія, въ предсмертныя минуты ауждаясь въ этихъ услугахъ ¹⁾.

Мы начали біографію Іоанна съ упоминанія о томъ, что онъ былъ москвичъ по рожденію. Въ своихъ письмахъ къ Фотію онъ часто подчеркиваетъ это обстоятельство, давая понять, что уроженцы Москвы обладаютъ нѣкоторыми общими имъ отличительными особенностями какъ въ характерѣ, такъ и въ своей судьбѣ. Въ одномъ изъ писемъ онъ изображаетъ москвичей какими то особенными людьми, преисполненными всяческихъ достоинствъ и добродѣтелей. „О москвичахъ отъ немосквичей ничего иного (т. е. кромѣ дурного) услышать нельзя; наша московская правдивость, строгость мыслей, неспособность рассыпаться мелкимъ бѣсомъ, неумѣніе хвалить дураковъ..., неохота заискивать личныя благосклонности, откровенность, нецеремонность, нелицемѣріе, необщительность, привычка знать себя, дѣлать свое дѣло по совѣсти и крайнему разумѣнію, а на все прочее смотрѣть свысока, вмѣняя все въ уметы,—эти наши несчастныя московскія добродѣтели въ нашемъ свѣтѣ (темномъ) слывуть за гордость, грубость, мизантропію, злость, дерзость, неуживчивость; оттого нашему брату москвичу ничего не встрѣтить по службѣ, кромѣ ненависти и интригъ всякаго рода; самый умъ нашъ считается за буйство противъ чужого ума; самыя ласки наши принимаются съ презрѣніемъ; самымъ добромъ нашимъ гнушаются. Все это говорю потому, что все это слишкомъ выпало на мою долю“. Этотъ отрывокъ можно считать довольно полною, яркою и вѣрною характеристикой, по меньшей мѣрѣ, одного москвича—именно, писавшаго эти строки. Письмо это писано изъ Петербурга, когда Іоаннъ состоялъ ректоромъ Петербургской семинаріи ²⁾.

Сложная, богато-одаренная, непослѣдовательная, оригинальная и даже эксцентричная натура Іоанна представляется въ различномъ свѣтѣ какъ его современниками, такъ и біографами и вообще лицами, не входившими съ нимъ въ близкое общеніе: одни относятся къ нему съ уваженіемъ и со-

¹⁾ Стр. 503 и 513.

²⁾ Стр. 121—122.

чувствіемъ, другіе съ явнымъ нерасположеніемъ. Официальные отзывы объ Іоаннѣ вообще благоприятны,—въ особенности, когда дѣло касалось прохожденія имъ духовно-учебной службы и выполнения различныхъ начальственныхъ распоряженій. Но власть имущимъ хотѣлось, чтобы талантливый и трудолюбивый инокъ былъ иночески смиреннымъ и послушнымъ исполнителемъ ихъ воли; а Іоаннъ не шелъ на встрѣчу этому желанію своего начальства. Въ 1863 году м. Филаретъ, въ частномъ письмѣ къ оберъ—прокурору, выражаетъ желаніе поощрить Іоанна, не хотѣвшаго быть вполнѣ угоднымъ начальству. Онъ пишетъ: „ободрить ректора казанской академіи желательно, чтобы онъ благодушествовалъ для пользы службы. Но если вспомнить, что открыто по бывшему дѣлу (разумѣется дѣло о панихидѣ), каково его отношеніе къ кругу службы, что изрекъ преосвященный казанскій, то отличіе, которое его утѣшитъ, вѣроятно, многихъ удивить... Не можетъ-ли случиться, что значительное отличіе придастъ ему болѣе самостоятельности и рѣшительности? А какова она будетъ, трудно угадать... Вывести отрицательное заключеніе не желаю, а положительное боюсь“. Ясно, что митрополитъ, признавая силу Іоанна, серьезно опасается за направленіе этой силы. Въ скоромъ времени послѣ того Іоаннъ получаетъ высокое отличіе (крестъ изъ кабинета Его Величества), пишетъ митрополиту покорное письмо, а этотъ послѣдній изрекаетъ ему слово мира; за этимъ слѣдуетъ дальнѣйшее движеніе Іоанна ¹⁾. Никодимъ Казанцевъ, бывший викарій Казанскій, далъ объ Іоаннѣ слѣдующій отзывъ: „человѣкъ ученый и съ счастливыми талантами, но къ сожалѣнію, держитъ себя отдаленно, надменно и повелительно“ ²⁾. Филаретъ Гумилевскій назвалъ Іоанна заносчивымъ юношею и обличалъ въ малограмотности; но этотъ отзывъ, по обстоятельствамъ дѣла, не могъ быть безпристрастнымъ. ³⁾

Но самую полную и, по замѣчанію проф. Знаменскаго, оправдающуюся на дѣлѣ, характеристику личности Іоанна далъ іеромонахъ Діодоръ, бывший студентомъ Петербургской

¹⁾ *Знаменскій*, стр. 211—214.

²⁾ Правосл. Обзор. 1889, Ш, стр. 11, пр. 13.

³⁾ *Знаменскій*, стр. 145.

академіи въ то время, когда тамъ состоялъ на службѣ Іоаннъ ¹⁾. Когда въ Казани, въ ожиданіи новаго ректора, всѣ были необыкновенно заинтересованы его личностью, Діодоръ, въ то время бакалавръ и помощникъ инспектора, далъ такую его характеристику, „что по наружности онъ дѣйствительно грубоватъ и нелюдимъ, но въ душѣ человѣкъ добрый, что у него очень крѣпкая голова, что очень трудно угодить ему и сочиненіями и устными отвѣтами, отъ наставниковъ держится далеко, но со студентами часто болтаетъ запросто и умѣетъ у нихъ вывѣдать, что ему нужно.., любить выпускать изъ заведенія монаховъ, но и на свѣтскихъ не смотритъ непріязненно, зла не дѣлаетъ, не мститъ даже за свои личныя обиды,.. богослуженіе любитъ скорое и для этого самъ размѣчаетъ богослужебныя книги карандашомъ“. „Характеристика эта, прибавляетъ профессоръ Знаменскій, оправдалась въ Казани до мельчайшихъ подробностей, такъ что ее можно поставить настоящимъ эпиграфомъ къ исторіи Іоаннова управленія казанской академіей“ ²⁾. Характеристика Іоанна, сдѣланная архіеп. Никаноромъ, который былъ двумя только (двухлѣтними, по тому времени) курсами старше о. Діодора и лично зналъ Іоанна, какъ своего наставника, а потомъ сослуживца, отличается большимъ сочувствіемъ и уваженіемъ къ интересующей насъ личности, хотя и не стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчьи съ отзывомъ о. Діодора и другихъ лицъ. Преосв. Никаноръ называетъ Іоанна „выразительнѣйшимъ носителемъ міровой скорби.., который пребылъ вѣренъ внутренней борьбѣ до смерти, но физически сложился рановременно“. ³⁾ Онъ признаетъ его „личностью высоко-даровитою, но въ высокихъ вліятельныхъ сферахъ не вполне признанною за таковую до самой смерти“. Не отрицаетъ преосв. Никаноръ того, что Іоаннъ отличался необыкновенною замкнутостью, гордостью и неприступностью. Онъ пишетъ: „низшіе рѣдко могли дождаться отъ него и не иначе, какъ косою улыбки, а старшіе—низкаго поклона, и не иначе какъ ломанаго, изъ котораго проглядывало, что

¹⁾ Объ о. Діодорѣ (Ильдомскомъ) см. въ „Біографич. словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ С.-Пб. дух. акад.“ *А. Родоскаго*, стр. 131—132.

²⁾ Стр. 138.

³⁾ Русск. Обзор., т. 38, стр. 18.

онъ кланяется силѣ по неволѣ, а не достоинству изъ уваженія... Эти непривлекательныя качества, соединенныя съ рѣзкою и даже угловатою оригинальностью ума, навлекли на его голову много страданій, частью заслуженныхъ, а еще болѣе незаслуженныхъ, если положить въ противовѣсъ его рѣдкія достоинства и даже заслуги... Самый видъ его, независимый и пренебрежительный, въ личностяхъ, привыкшихъ видѣть кругомъ себя только глубокое, безусловное раболѣпство, возбуждалъ постоянное негодованіе, желаніе согнуть его, стереть въ порошокъ..; оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ давалъ относительно его ближайшему его начальству такую мягкую инструкцію: „этого человѣка надо мять, мять, тереть, тереть“¹⁾... Всего больше доставалось Іоанну за оригинальность слова и мысли... Его проповѣди безощадно марались и запрещались... Къ его проповѣдничеству мнѣніе властей было тѣмъ непривѣтливѣе, чѣмъ сочувственнѣе принималось оно публикою... Въ документъ самаго высокаго значенія казанскія писанія Іоанна, которыми восторгалась русская интеллигенція, названы были „сборникомъ галлиматъ“²⁾. Такимъ образомъ, преосв. Никаноръ даетъ понять, что отношеніе къ Іоанну власть имущихъ было пристрастно и несправедливо.

Преосвящ. Савва, архіеп. Тверской, оставившій обширныя автобіографическія записки, лично зналъ преосв. Іоанна и былъ командированъ Синодомъ для его погребенія въ 1869 году. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія о личности Іоанна въ общемъ не противорѣчатъ изложенному выше и не лишены интереса. Преосв. Савва обращаетъ вниманіе на слова надгробной рѣчи одного воспитанника семинаріи, указавшаго на двойственность чувствъ, взволновавшихъ сердца воспитанниковъ при извѣстіи о неожиданной кончинѣ святителя: „это чувства бывшаго недовольства его дѣятельностью“ и „чувства вѣчной признательности“. Характеръ Іоанна описывается преосв. Саввою согласно съ другими о немъ свѣдѣніями. „Іоаннъ и прежде, пока былъ бакалавромъ, не отличался особеннымъ смиреніемъ и благопокорливостію предъ властями“; а „сдѣлавшись инспекторомъ Академіи,..

¹⁾ Стр. 19—20.

²⁾ Стр. 27—29.

тѣмъ болѣе хотѣлъ быть самостоятельнымъ и независимымъ“. Назначеніе въ Казань „было Іоанну совершенно не по сердцу, и онъ такъ былъ этимъ раздраженъ, что оставилъ Петербургъ, ни съ кѣмъ не простившись, даже съ митрополитомъ“, а проѣздомъ чрезъ Москву умышленно избѣжалъ встрѣчи съ своимъ предмѣстникомъ по Казанской ректурѣ, архим. Агавангеломъ. „По вступленіи въ управленіе ввѣренною ему епархією, пишетъ преосв. Савва, Іоаннъ своею неумѣренною строгостію произвелъ на паству неблагоприятное впечатлѣніе... Отношенія его и къ свѣтскому обществу на первый разъ были не совсѣмъ мирныя. Его сильныя и рѣзкія поученія, вмѣсто назиданія, нерѣдко возбуждали негодованіе въ свѣтской публикѣ. Но потомъ, когда его взгляды на вещи и его нравственный характеръ мало по малу уяснились, для его паствы, онъ приобрѣлъ себѣ искреннее расположеніе и общее уваженіе въ городѣ“. Такимъ образомъ, для того, чтобы полюбить гордаго, недоступнаго и эксцентричнаго Іоанна и проникнуться къ нему уваженіемъ, нужно было узнать его. „Надобно замѣтить, продолжаетъ преосв. Савва, что церковныя поученія составляли почти исключительный предметъ его занятій, какъ мнѣ передавали его приближенные. Административными дѣлами и Консistorскими бумагами онъ занимался не очень прилежно“ ¹⁾.

Присовокупимъ къ изложенному отзывъ о преосвящ. Іоаннѣ извѣстнаго нашего писателя Лѣскова; этотъ отзывъ находимъ въ его „Мелочахъ архіерейской жизни“. Названная книга передаетъ, правда, немало курьезовъ изъ жизни нашихъ владыкъ; но можно сказать, что писатель выводитъ въ ней скорѣе положительные, чѣмъ отрицательные типы, и относится къ духовнымъ сановникамъ почтительно и сочувственно. Послѣ упомянутаго выше разсказа о приходившихъ къ Іоанну „для домашней бесѣды“ дамахъ, Лѣсковъ пишетъ: епископъ „съ этой поры сталъ слыть у нѣкоторыхъ смолянъ нелюдимымъ и даже грубымъ, хотя онъ, на самомъ дѣлѣ, таковымъ не былъ. По крайней мѣрѣ, люди, имѣвшіе счастье знать его ближе, полны наилучшихъ воспоминаній о пріятности его прямаго, искренняго обхожденія

¹⁾ См. „Записки“ т. IV, стр. 166—175, 190 и 196.

и поражавшей всѣхъ прелести его смѣлаго и глубокаго ума и истинно христіанской свободы мнѣній“... ¹⁾

Такова личность преосвящ. Іоанна. Общее впечатлѣніе получается, очевидно, не въ его пользу; въ его характерѣ, повидимому, болѣе отрицательныхъ чертъ, нежели положительныхъ. Да, необходимо согласиться, что многіе имѣли свои причины быть слишкомъ недовольными имъ: высшее начальство за то, что онъ не умѣлъ и не хотѣлъ быть угодливымъ и безпрекословно послушнымъ; Филаретъ Черниговскій за то, что малограмотный, по его словамъ, юноша, по должности цензора, рѣшился критически отнестись къ его труду; профессора и сослуживцы за то, что онъ былъ гордъ и недоступенъ; студенты за то, что онъ часто не хотѣлъ считаться съ правами вольности студенческой; свѣтское общество за то, что онъ не хотѣлъ терять золотое время на пустую болтовню и не хотѣлъ знать и выполнять стѣснительныхъ приличій и обычаевъ большого свѣта; двѣ назойливыя дамы за то, что ихъ неимовѣрной настойчивости онъ противопоставилъ, съ своей стороны, непоколебимую твердость. Согласимся, что иногда имѣть дѣло съ преосв. Іоанномъ было несовсѣмъ пріятно; иногда онъ былъ эксцентрикомъ, доставлявшимъ напрасныя мученія и безпокойство и себѣ и окружающимъ; но во всякомъ случаѣ, его достоинства настолько крупны и рѣдки, что значительно перевѣшиваютъ его недостатки. Нужно, кромѣ того, имѣть въ виду и то, что о тѣхъ качествахъ его характера, которыя производятъ невыгодное впечатлѣніе, высказывались различныя сужденія—и не безъ основанія; а относительно его достоинствъ спора быть не можетъ.

Онъ былъ усерднымъ и высокоодареннымъ служителемъ науки; какъ поклоннику науки, ему позволительно было дорожить своимъ временемъ, и этимъ объясняется его замкнутость и нелюдимость. Понятна и его строгость по отношенію къ бездарнымъ и лѣнивымъ воспитанникамъ и воспитанницамъ духовно-учебныхъ заведеній: высокое понятіе вообще о всякомъ учебномъ заведеніи и искреннее желаніе возвысить успѣхи ввѣренныхъ ему духовныхъ школъ побуждали его къ нѣскольکو суровымъ, но безусловно необходимымъ

¹⁾ Стр. 53.

мѣрамъ ¹⁾. О его выдающемся трудолюбіи можетъ свидѣ-
 тельствовать его дѣятельность по изданію Православнаго Со-
 бесѣдника. Его скромность въ образѣ жизни, отсутствіе
 жажды внѣшняго блеска и всеобщаго почета можно при-
 знать рѣдкою въ его положеніи и несомнѣнно привлека-
 тельною чертой, обличающею въ немъ серьезнаго и чуждаго
 суетности человѣка.

„Преосв. Іоаннъ не былъ понятъ и оцѣненъ своими совре-
 менниками при своей жизни“—замѣчаетъ Романскій ²⁾. По-
 нять и оцѣнить такую богатую талантами и оригинальную
 натуру трудно теперь еще болѣе, чѣмъ могли сдѣлать со-
 временники. Мы должны здѣсь обратить вниманіе на тотъ
 знаменательный фактъ, что со смертію преосв. Іоанна, сим-
 патіи всѣхъ обратились къ нему, а многіе даже почувство-
 вали нѣчто въ родѣ укоровъ совѣсти. Конечно, смерть во-
 обще заставляеть примиряться съ личностью почившаго и
 многое непріятное забывать, заставляеть оцѣнивать чело-
 вѣка по существу. Личность Іоанна многихъ влекла къ себѣ,
 многіе хотѣли бы пользоваться его вниманіемъ, быть къ
 нему какъ можно ближе; но онъ съ холодною, а иногда
 и рѣзкою отстранялъ попытки этого рода и тѣмъ воору-
 жалъ противъ себя, вызывалъ почти общее недовольство.
 Когда-же онъ умеръ, многіе должны были понять, какъ не-
 основательны и мелочны были ихъ требованія по отношенію
 къ почившему архипастырю. Поэтому вполне допустимо, что
 „вѣсть о кончинѣ преосв. Іоанна произвела потрясающее
 впечатлѣніе на всѣхъ жителей Смоленска и вызвала въ ихъ
 сердцахъ самыя теплыя чувства къ своему архипастырю...“;
 что „многіе изъ паствы проникаются мыслию, будто они-же
 сами были причиной смерти епископа, будто противъ послѣд-
 няго сдѣлано было ими много неправды“. ³⁾ О мертвыхъ дурно
 не говорятъ; но говорившіе при гробѣ Іоанна, какъ и часто
 бываетъ, впади въ противоположную крайность. Такъ свящ.
 Лебедевъ говоритъ: въ жизни преосв. Іоанна „мы находимъ
 много сторонъ, напоминающихъ жертву, которая принесена
 была за міръ Искупителемъ, о которой съ такимъ чувствомъ

¹⁾ *Романскій*, стр. 425, 428—429, 432.

²⁾ Стр. 519.

³⁾ Стр. 520.

и силою онъ любилъ говорить и словомъ о которой какъ бы запечатлѣлись навсегда его сомкнувшіяся уста“¹⁾. Если эти слова въ нѣкоторомъ смыслѣ можно относить ко всякому не только пастырю или архипастырю, но и вообще истинному христіанину; то дѣлать подобное сопоставленіе, въ какомъ нибудь особенномъ смыслѣ, разумѣя опредѣленную личность, конечно, нѣтъ основаній.

III.

Проповѣдническая дѣятельность преосв. Іоанна продолжалась съ 1842 г., когда имъ сказано было, въ годъ окончанія академическаго курса, сохранившееся въ печати слово на память преп. Сергія, по 1869 годъ—годъ его кончины. Въ печати, мы имѣемъ всего 60 проповѣдей Іоанна. Тридцать проповѣдей вошли въ сборникъ, подъ заглавіемъ: „Бесѣды, поученія и рѣчи Іоанна, епископа Смоленскаго. Изданіе второе“,—напечатанный въ Смоленскѣ, въ 1876 году. Въ первомъ изданіи 1871 г. этотъ сборникъ заключаетъ 28 поученій и имѣетъ „предисловіе отъ издателя“.²⁾ Помимо этого сборника, заключающаго во второмъ изданіи тридцать бесѣдъ, поученій и рѣчей преосв. Іоанна, въ Смоленскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1880 годъ помѣщены шесть его словъ и въ ихъ числѣ—упомянутое выше слово на память преп. Сергія. Двѣнадцать поученій напечатаны въ Правосл. Собесѣдникѣ за 1857—1859 гг., а остальные двѣнадцать—въ Христіанскомъ Чтеніи за 1865, 1866, 1870 и 1874 годы.³⁾ Есть, однако, полное основаніе полагать, что не всѣ произнесенныя Іоанномъ проповѣди попали въ печать. Не возражая противъ предположенія, что преосв. Іоаннъ въ нѣкоторые періоды своей дѣятельности произносилъ проповѣдей больше, чѣмъ отдавалъ въ печать; мы должны признать его не особенно плодовитымъ проповѣдникомъ. Но тѣмъ выше и значительнѣе качество его проповѣдей—по силѣ мысли и убѣдительности, по простотѣ изложенія и

¹⁾ Стр. 505.

²⁾ Объ издателяхъ сборника см. у *Романскаго*, стр. 522, пр. 1.—Сборникъ оба раза изданъ довольно неряшливо.

³⁾ *Романскій*, стр. 524—526 и прим.

отсутствію напыщенности и безполезнаго пустословія, по со-
отвѣтствію запросамъ времени. Можно смѣло утверждать,
что именно онъ произвелъ коренной переворотъ въ русской
проповѣди какъ въ отношеніи ея содержанія, такъ и въ
отношеніи внѣшней формы. „Всѣ лучшія проповѣди, гово-
ритъ Заведеевъ, которыя стали появляться у насъ съ начала
60 годовъ съ новымъ болѣе свѣжимъ жизненнымъ направ-
леніемъ, могутъ считаться прекрасными отзвуками на тотъ
проповѣдническій тонъ, который данъ былъ преосв. Іоан-
номъ“.¹⁾

Само собою понятно, что первые опыты Іоанна въ пропо-
вѣдничествѣ были составлены въ существовавшемъ до него
стилѣ. Онъ тогда выступилъ на церковной каедрѣ съ про-
повѣдями жизненно-практическаго направленія, когда сама
жизнь вызвала его на это и когда условія для такого про-
повѣдничества стали болѣе благопріятны. Можно сказать,
что Крымская война и начало новаго царствованія служатъ
началомъ публицистической дѣятельности преосв. Іоанна:
эти событія дали ему и поводъ и возможность выступить на
новый путь, до того времени строго-на-строго заказанный.

Съ 1857 года начинается второй періодъ учительной дѣя-
тельности Іоанна, существенно отличающійся по характеру
отъ перваго; этотъ періодъ можно раздѣлить на два отдѣла:
грань между ними — назначеніе Іоанна на Смоленскую ка-
еэдру.

24 Февраля 1857 года Іоаннъ, уже предъ самымъ перево-
домъ въ Казань, произнесъ въ Петербургскомъ Казанскомъ
соборѣ свое знаменитое „слово въ недѣлю Православія и на
день торжественнаго вступленія на престоль благочестивѣй-
шаго Государя Императора Александра Николаевича“. Это
слово прямо отвѣчаетъ на современные запросы. Проповѣд-
никъ начинаетъ слово сопоставленіемъ торжества правосла-
вія съ торжествомъ вступленія на престоль Государя; изъ
этого сопоставленія само собою вытекаетъ молитвенное бла-
гожеланіе: „Господь да сохранить и возвеличить царя пра-
вославнаго, державнаго защитника и покровителя вѣры“.
Послѣ этого краткаго вступленія ораторъ переходитъ къ со-
временной ему жизни и выясняетъ, въ какихъ отношеніяхъ

¹⁾ Стр. 235.

стоитъ Церковь къ современнымъ движеніямъ и реформамъ, „Народное просвѣщеніе, развитіе жизни общественной, жизнь по современнымъ идеямъ гражданственности, промышленности, разнообразной изобрѣтательности, — вотъ къ чему въ настоящее время направлены общія мысли и стремленія въ нашемъ отечествѣ“. Здѣсь кратко, но ясно отмѣчено направленіе современной жизни: и забота общества о развитіи просвѣщенія, и стремленіе къ реформамъ въ общественной жизни, и утилитаризмъ. „Какъ мыслить объ этихъ предметахъ и объ этихъ нашихъ стремленіяхъ церковь?“—спрашиваетъ затѣмъ проповѣдникъ. Просвѣщенію, какъ и всякому благому начинанію, Церковь можетъ только сочувствовать; но важно знать, изъ какихъ источниковъ оно заимствуется и на какихъ началахъ основывается. Будетъ ли оно почерпаться изъ чистыхъ источниковъ истины—„изъ озареннаго Откровеніемъ здраваго разума, изъ науки, неповрежденной вольномысліемъ?.. Будетъ-ли просвѣщеніе въ духѣ вѣры проводить нашему народу въ сознаніе разумъ и нравственное достоинство человѣчества, и тѣмъ очищать и возвышать его нравственность?“ При необходимости заимствовать просвѣщеніе у другихъ народовъ, нужно помнить заповѣдь Апостола: *вся искушающе, добрая держите*. Позволительно заимствовать только то, что не противно „нашей вѣрѣ, нашему народному духу и священнымъ преданіямъ отечества“. Въ современномъ просвѣщеніи есть черты, сближающія его съ тьмою лжепросвѣщенія. Но въ Россіи „есть своя самобытная школа и ограда истиннаго просвѣщенія — церковь“. Проповѣдникъ убѣжденъ, что „доколѣ отечество наше сохранить свой духовный союзъ и единеніе съ церковію, долѣ пребудетъ въ немъ истинный свѣтъ, и тьма его не объиметъ“.

Далѣе онъ говоритъ объ основаніяхъ для развитія общественной жизни. „Предоставляя мудрымъ міра... придумывать все лучшее для усовершенія жизни общественной, церковь самое устройство этой жизни такъ разумѣтъ, чтобы оно было основано не на произвольныхъ идеяхъ и отвлеченныхъ умозрѣніяхъ, можетъ быть хорошихъ въ умѣ или пріятныхъ для воображенія, но не пригодныхъ на дѣлѣ; а на положительныхъ и неизмѣнныхъ началахъ“, каковы: „покорность законамъ, преданность и повиновеніе Богомъ установленной

власти, стройность и ненарушимость общественнаго порядка... — чтобы всё и каждый стремились не къ безумной свободѣ, но къ разумной нравственной свободѣ... Пусть же такія мысли и правила—заключаетъ свое слово проповѣдникъ—отъ края до края движутся по желѣзнымъ дорогамъ, передаются по желѣзнымъ скороговорнымъ нитямъ, ¹⁾ слышатся въ голосъ народномъ“.²⁾

Въ этомъ словѣ замѣтно сочувствіе преобразовательнымъ стремленіямъ эпохи и вмѣстѣ слышится голосъ, предостерегающій отъ увлеченій; въ этомъ, безъ сомнѣнія, нуждались современники оратора. „Проповѣдь эта произвела въ свое время громадное впечатлѣніе. По окончаніи литургіи и молебна, толпа лицъ, стоявшихъ на клиросѣ, съ лентами чрезъ плечо и въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, окружила проповѣдника, испрашивая благословенія или просто пожимая ему руки... Проповѣдникъ, согласно просьбамъ этихъ лицъ, въ тотъ же день... отослалъ свою проповѣдь въ типографію для напечатанія... Рукопись была отпечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и, не бывъ пущена въ продажу, быстро разошлась, такъ что проповѣдь стала распространяться въ спискахъ. О ней заговорили въ обществѣ, въ свѣтѣ и въ продолженіи нѣкотораго времени проповѣдникъ былъ героемъ дня“.³⁾ Этотъ фактъ ясно показываетъ, что наша интеллигенція умѣетъ цѣнить учительное церковное слово, когда оно касается жизненныхъ вопросовъ и не витаетъ въ области отвлеченностей.

Слово Іоанна, произнесенное 24 Февраля 1857 г., можно считать въ строгомъ смыслѣ началомъ новаго періода въ проповѣднической дѣятельности его: съ этого времени онъ рѣшительно дѣлается проповѣдникомъ-публицистомъ⁴⁾ и при-

1) Разаумѣется телеграфъ; телефонъ изобрѣтенъ нѣсколько позднѣе.

2) Христ. Чтен. 1874 г., ч. II, стр. 199—202.

3) *Н. Барсовъ*, Историческіе, критическіе и полемическіе опыты. С.-Петербургъ, 1879. Стр. 407—408; *Романскій*, стр. 524—525 и пр. 3.

4) Проповѣдь жизненно-практическаго направленія должна была, конечно, до нѣкоторой степени усвоить себѣ характеръ публицистическій; и выраженія: „публицистъ, публицистическій“ одно время нерѣдко примѣнялись къ церковнымъ ораторамъ и къ ихъ проповѣдническимъ трудамъ. Но безъ сомнѣнія, не нужно забывать, что наименованіе церковнаго учительства публицистикой, во всякомъ случаѣ, неточно и несовсѣмъ

обрѣтаетъ извѣстность въ обществѣ. Кромѣ того, по мнѣнію Романскаго, это слово важно въ томъ отношеніи, что оно „представляетъ собою... общую схему тѣхъ вопросовъ и тона, которые были развиваемы проповѣдникомъ въ послѣдствіи“... Здѣсь же проповѣдникъ высказалъ... „свой любимыи, основной старославянофильскій взглядъ, который съ полною силою развивалъ въ послѣдствіи“.¹⁾

Преосв. Іоаннъ, въ своемъ словѣ „въ нед. Православія и при торжествѣ вступленія на престоль Государя Императора Александра Николаевича“ „даетъ общіе принципы, которые должны были лечь въ основу возрожденія Россіи“; въ словѣ на новый 1859 годъ они развиваются частнѣе²⁾. Въ этомъ словѣ, носящемъ заглавіе: „Привѣтъ Церкви отечеству на новый годъ“, начертывается *общая программа*, которой должны держаться сыны Россіи въ важные и трудные моменты ихъ исторической жизни. „Церковь знаетъ, говоритъ Іоаннъ, и въ себѣ хранить твердыя основанія и вѣрные законы истиннаго, неложнаго развитія челоувѣчества“, и далѣе отъ „лица Церкви предлагаетъ слѣдующіе совѣты: „не спѣши, Россія, ускорить твое возрожденіе: иначе оно можетъ быть преждевременно“. Не слѣдуетъ насиловать „естественнаго, историческаго теченія жизни, чтобы дать себѣ искусственное возрожденіе“. Процессъ возрожденія не долженъ быть слишкомъ напряженнымъ, потому что онъ будетъ тогда разрушительнымъ. Какъ славянофилъ по убѣжденіямъ, онъ говоритъ: „не возраждай себя, Россія, чуждымъ духомъ...; съ твоею народностію несогласнымъ...; иначе возрожденіе твое будетъ ложно и ты будешь жить не своею жизнію“. Вся опора, вся сила жизни Россіи въ основныхъ началахъ народной жизни—началахъ религиозныхъ, нравственныхъ, общественныхъ. Посягать на нихъ

удобно. Даже при явномъ увлеченіи проповѣдника областью злободневныхъ вопросовъ, самый характеръ освѣщенія ихъ проводить рѣзкое различіе между свѣтскою публицистикою и проповѣдью съ публицистическимъ оттѣнкомъ. См. нашу брошюру: „Элементъ современности въ словахъ и бесѣдахъ Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златуста“. Сергіевъ Посадъ. 1907 (оттискъ изъ № 6 журнала „Христіанинъ“ за 1907 г.). Стр. 42—43.

¹⁾ Стр. 551—555.

²⁾ *Романскій* въ ЧОЛДП 1887 г., ч. I, полуг. 2, стр. 27 и слѣд.

значитъ налагать на себя руки. Возрожденіе не должно быть принужденнымъ, механическимъ; ни мечтательнымъ руководящимся однимъ увлеченіемъ. Не бросать безъ разбору старое и не увлекаться прелестями новизны—совѣтуетъ далѣе ораторъ; не раздражаться несочувствіемъ или противорѣчіемъ совершающемуся прогрессу, такъ какъ истина и добро все побѣдятъ. „Умѣй читать книги между строками, умѣй прозирать въ заднія мысли и въ дальніе виды... Береги юное поколѣніе твое... Спаси его отъ увлеченій лжи, отъ заразы вольномыслія, отъ порывовъ юнобѣсія“... Такіе и подобныя совѣты—плоды христіанской мудрости и христіанской благожелательности—преподаетъ пастырь Церкви своему и своихъ слушателей отечеству, въ качествѣ новогодняго привѣтствія ¹⁾. Давъ руководительныя начала общаго характера, онъ въ своихъ поученіяхъ второго періода касается всѣхъ вопросовъ своего времени, всецѣло занимавшихъ и волновавшихъ умы и сердца его современниковъ. Наиболѣе важнымъ вопросомъ эпохи была крестьянская реформа, и нашъ проповѣдникъ удѣляетъ ей именно преимущественное вниманіе.

Въ Прав. Собес. 1859 г. ²⁾ напечатано произнесенное нигдѣ „слово объ освобожденіи крестьянъ“, еще за два года до окончательнаго осуществленія реформы; здѣсь проповѣдникъ всесторонне обсуждаетъ вопросъ о рабствѣ и рабовладѣннн—съ понятною цѣлью: дать на основѣ христіанскаго ученія руководственныя начала дѣятелямъ реформы, а также и тѣмъ, кого связывала готовая порваться „цѣпь великая“. Здѣсь онъ выясняетъ, что происхожденіе и основа рабства—зло нравственное ³⁾. А потому „ни рожденіе, ни общественная необходимость, ни гражданскій законъ не могутъ узаконять рабства: первое изводитъ на свѣтъ всѣхъ людей съ одною и тою же природою, безъ всякой на ней печати свободы или рабства; вторая требуетъ въ обществѣ только взаимной помощи людей, услугъ, а не рабства; послѣдній составляетъ свободу въ нравственныя границы, даетъ ей разумное направленіе, преслѣдуетъ ея злоупотребленія, по

¹⁾ Правосл. Собес. 1859 г., ч. I, стр. 235—243.

²⁾ Ч. I, стр. 334—355.

³⁾ Стр. 337.

не уничтожаетъ свободы“¹⁾. Въ этихъ словахъ проповѣдникъ явно возстаетъ противъ убѣжденія владѣльческаго класса въ коренномъ различіи между костью бѣлой и черной, въ законности раздѣленія людей на господъ и рабовъ,—убѣжденія, усвоеннаго въ концѣ концовъ и самими крѣпостными людьми²⁾. Въ разбираемомъ словѣ Іоаннъ доказываетъ, что каждый, пользующійся услугами другихъ, долженъ, въ свою очередь, оказывать этимъ другимъ услуги: не таковы были въ большинствѣ помѣщики—рабовладѣльцы. Законъ гражданскій, какъ видно изъ словъ проповѣдника, долженъ преслѣдовать злоупотребленія свободою; а въ этомъ, весьма вѣроятно, представители владѣльческаго класса были повинны не менѣе тѣхъ, чья свобода была ограничена въ ихъ пользу. Далѣе развивается та мысль, естественно связанная съ предыдущими, „что Христіанство не поддерживаетъ рабства“³⁾. Очевидно, что и взглядъ на рабовладѣніе долженъ быть измѣненъ: его нельзя считать „чѣмъ-то естественнымъ, или неизмѣннымъ преимуществомъ въ одномъ извѣстномъ классѣ людей“⁴⁾.

Крѣпостное право освѣщается въ разбираемомъ словѣ съ безпощадною правдивостью и рѣзкостью, и вполне ясно показывается, какой реформы желаетъ проповѣдникъ, какую считаетъ согласной съ духомъ Христова ученія. Освѣтивъ ранѣе вопросъ съ естественной, правовой и христіанской точки зрѣнія, проповѣдникъ обращается съ вопросомъ: „не довольно ли уже поплатилось наше рабское сословіе за грѣхи свои и своихъ предковъ, подвергшіе его неволѣ на цѣлые вѣка?“ Этотъ вопросъ, очевидно, имѣетъ въ виду тѣхъ, которые рабство считали нормальнымъ явленіемъ и ссылались на волю Божію, которая наказываетъ и исправляетъ однихъ чрезъ другихъ. Когда-де другіе заслужать

¹⁾ Стр. 338—339.

²⁾ Для многихъ изъ нихъ, сжившихся съ своимъ подневольнымъ положеніемъ, самая свобода являлась чѣмъ то ненормальнымъ и нежелательнымъ. Старый лакей Фирсъ въ Чеховскомъ „Вишневомъ саду“ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „передъ несчастьемъ то же было: и сова кричала, и самоваръ гудѣлъ безперечь“.—„Передъ какимъ несчастьемъ?“—спрашиваютъ его.—„Передъ волей“. Втор. изд. С.-Петербургъ. 1904. Стр. 34, ср. также стр. 30.

³⁾ Стр. 339.

⁴⁾ Стр. 340.

того, чтобы быть наказываемыми чрезъ первыхъ, тогда роли переменяются. Затѣмъ проповѣдникъ проситъ рабовладѣльцевъ „обратиться и къ собственной совѣсти и посмотрѣть нѣтъ ли тамъ чего-нибудь такого, что уже само собою можетъ ослаблять права ихъ на владѣніе другими людьми и измѣнять ихъ господствующую роль...: *всякъ, творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха; рабъ же не пребываетъ въ дому во вѣкъ*: слѣдовательно можетъ быть и лишень данныхъ ему въ домѣ льготъ и правъ?“ ¹⁾ Корень и основа рабства, доказывалъ выше проповѣдникъ, есть зло нравственное, а ему подвержены и владѣльцы—въ степени, быть можетъ, меньшей, чѣмъ подвластные имъ крѣпостные. Отъ настоящаго проповѣдникъ обращается къ временамъ минувшимъ, когда, „благодаря откровенной простотѣ нравовъ сама собою открывалась рабовладѣльческая совѣсть и высказывала свои дѣла“: умирая, владѣтель рабовъ отпускаетъ ихъ на свободу и въ духовномъ завѣщаніи кается въ столь ужасныхъ преступленіяхъ по отношенію къ нимъ, что проповѣдникъ, въ порывѣ искренняго негодованія, восклицаетъ: „можно ли простить безъ суда этому умирающему господству? Да, принеси ты, жестокая душа, покаяніе, строжайшее покаяніе въ томъ, что изъ человѣка-слуги сдѣлала себѣ раба, изъ раба—собственность, изъ собственности вещь безличную; покаяйся—и отпусти рабовъ своихъ“ ²⁾. Далѣе въ яркихъ краскахъ рисуются различныя преступленія господъ по отношенію къ рабамъ, и нашъ проповѣдникъ, призывая къ покаянію въ этихъ страшныхъ преступленіяхъ, обращаетъ вниманіе владѣльцевъ на то, что покаяніе теперь уже будетъ не свободное, а вынужденное: необходимость заставляетъ ихъ разстаться съ рабами; такъ что „и самое освобожденіе ихъ выкупить ли все зло, сдѣланное имъ въ неволѣ“—вопрошаетъ проповѣдникъ ³⁾. Самое освобожденіе стало теперь дѣломъ весьма труднымъ: оно представляетъ вопросъ многосложный и не скоро разрѣшимый. Затѣмъ слѣдуетъ ссылка на постановленія о рабствѣ въ Ветхомъ Заветѣ (Исх. 21, Лев. 25, Второз. 15). „Отпускай раба даромъ, да и не съ пустыми ру-

¹⁾ Стр. 341—342.

²⁾ Стр. 342—343.

³⁾ Стр. 344—345.

ками": на эти слова нужно было обратить вниманіе слушателей, такъ какъ спорили еще о томъ, съ надѣломъ ли отпустить крестьянъ или безъ него. „Какъ показались бы эти правила дворянскимъ комитетамъ?“—спрашиваетъ проповѣдникъ, находя, что существовавшее у евреевъ отношеніе между владѣльцами и рабами было „просто, легко, нравственно и человѣчно“ ¹⁾.

Не оставляетъ безъ назиданія Іоаннъ и ожидающихъ свободы крестьянъ, просить ихъ не увлекаться ложными мыслями о свободѣ, которую совсѣмъ нельзя понимать какъ жизнь своевольную. Предостерегаетъ ихъ и отъ проявленія нетерпѣливости, столь понятной въ ихъ положеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма опасной для всего дѣла освобожденія ²⁾; даетъ и другія наставленія. Проповѣдникъ возстаетъ противъ узко-утилитарнаго направленія мысли лицъ, разсуждавшихъ о новомъ устройствѣ крестьянскаго быта. „О выгоды! все—выгоды и выгоды!—воскликаетъ онъ. А помнится ли самая главная выгода, основаніе и залогъ всѣхъ другихъ: благо нравственное?“ Если корень рабства—зло нравственное, то новый бытъ освобождаемыхъ крестьянъ необходимо устроить на началахъ строго-нравственныхъ. Въ противномъ случаѣ, свобода не поведетъ къ добру, и дѣло освобожденія будетъ выполнено лишь на половину ³⁾. Въ заключеніи слова Іоаннъ обращается къ сельскимъ пастырямъ, на руки которыхъ должны перейти ихъ духовныя дѣти „съ полномочныхъ рукъ господъ“ ⁴⁾.

Изъ этого слова Іоанна, посвященнаго всецѣло крестьянской реформѣ, легко понять, что онъ ставилъ себѣ не ту задачу, чтобы только истолковывать смыслъ правительственныхъ мѣропріятій; нѣтъ, онъ даетъ, какъ пастырь и учитель, руководящія указанія правительству и обществу; онъ видитъ далѣе того, что совершается на его глазахъ.

Въ другомъ словѣ, написанномъ еще въ 1857 году, но неодобреннымъ ни къ произнесенію, ни къ напечатанію и озаглавленномъ: „слово въ нед. крестопоклонную и предъ

¹⁾ Стр. 345—347.

²⁾ Стр. 349—350.

³⁾ Стр. 353—354; ср. *Романск.*, стр. 37.

⁴⁾ Стр. 354.

началомъ выборовъ въ дворянствѣ С.-Петербургской губ.“ преосвящ. Іоаннъ, обращаясь къ *благороднымъ* слушателямъ, говорить: „Крестъ постоянно напоминаетъ вамъ о себѣ въ самомъ близкомъ для васъ предметѣ, въ самомъ названіи тѣхъ людей, которыхъ жизнь... предана вполнѣ вашему попеченію и управленію“,—сопоставляя, очевидно, слова *крестъ* и *крестьянинъ*. Памятованіе о Крестѣ и Распятіи на немъ необходимо должно бы внушать „особыя чувства и обязанности къ подвластнымъ“ у тѣхъ, къ кому преимущественно обращено было на этотъ разъ слово. Далѣе проповѣдникъ, развивая эту мысль, говоритъ о томъ, каковы должны быть отношенія благородныхъ слушателей къ подвластнымъ „по чувству христіанской любви, христіанской правды“ ¹⁾.

Слово „въ нед. крестопоклонную“ не одобрено ни къ произнесенію, ни къ напечатанію ²⁾. Но суть дѣла, конечно, въ томъ, каково было вообще проповѣдничество Іоанна въ эпоху реформъ; и не его вина, если ему приходилось по волѣ власти имущихъ налагать на уста свои печать молчанія.

Освобожденному народу необходимо было дать просвѣщеніе—для того, чтобы онъ могъ усвоить истинный смыслъ и значеніе свободы, могъ возвыситься до званія свободнаго русскаго гражданина. Преосвящ. Іоаннъ еще въ 1857 и 1858 гг. посвящаетъ выясненію вопроса о народномъ просвѣщеніи два слова, изъ которыхъ, впроч., одно совсѣмъ не было произнесено, а другое произнесено не въ храмѣ за богослуженіемъ, а на актѣ въ Казанской дух. академіи. Но эти обстоятельства не даютъ права исключать ихъ изъ проповѣдническихъ трудовъ Іоанна.

Каково же должно быть просвѣщеніе народа по Іоанну? и какое главнѣйшее средство этого просвѣщенія? Для выясненія этихъ вопросовъ прежде всего сдѣлаемъ обширную выдержку изъ слова Іоанна въ нед. крестопоклонную, о которомъ была рѣчь выше. „Прекрасная и добрая мысль просвѣтитъ тьму невѣдѣнія, предрасудковъ, въ которыхъ представляется погруженнымъ простонародный бытъ“, говоритъ проповѣдникъ, обращаясь къ дворянамъ преимущественно.

¹⁾ Христ. Чт. 1870, ч. I, стр. 561—563.

²⁾ У Романскаго на стр. 30 („произносить“) противорѣчіе съ примѣч. къ стр. 32.

потому что слово произнесено предъ началомъ дворянскихъ выборовъ. „Но какъ просвѣтить?—спрашиваетъ онъ. Темень для него сумрачный свѣтъ книгъ и школь: ему нуженъ живой свѣтъ. Темень для него умозрительный свѣтъ науки: ему нуженъ дѣятельный свѣтъ жизни“. Обратимъ вниманіе на то, что такъ разсуждаетъ солидный представитель научнаго знанія и горячій поклонникъ науки; но онъ не увлекался школьною мудростью безъ мѣры и сознавалъ ея непригодность и даже бесполезность для младенчествующаго пока народа ¹⁾. „Гдѣ же проводникъ для него (народа) такого свѣта?—продолжаетъ онъ. Безъ сомнѣнія въ свѣтильникѣ его,—въ лицѣ и жизни владѣльца. А если бы еще возникъ вопросъ—какъ и владѣльцу просвѣтить подвластныхъ, то на это отвѣтъ простой: какъ свѣча освѣщаетъ домъ. Она сама горитъ“ ²⁾.

Просвѣщеніе народа должно быть основано, далѣе, на нравственныхъ началахъ; но какъ проводить эти начала въ жизнь непросвѣщеннаго, нуждающагося въ нашей помощи народа? Это выясняется изъ дальнѣйшихъ вопросовъ проповѣдника, отвѣта не требующихъ. „Что если правила нравственности мы только бросаемъ другимъ, какъ вещи для насъ самихъ не нужны или не цѣнны? Что если порокъ другихъ раздражаетъ насъ только потому, что онъ не такъ образованъ, какъ нашъ порокъ, и если мы требуемъ отъ другихъ добродѣтели, не ради самой добродѣтели, а только для хорошей услуги намъ, или даже нашимъ страстямъ?“ ³⁾ Кромѣ того, просвѣщеніе народа должно утверждаться на коренныхъ началахъ народной жизни. Здѣсь опять сказывается проповѣдникъ, сочувствующій идеямъ славянофиль-

¹⁾ Въ одной бесѣдѣ „о народномъ покаяніи“ Іоаннъ говоритъ: „много ли можно сказать о нашемъ просвѣщеніи? Если и самая наука—пока дѣло школы, а не жизни народной, обязательство званія и службы, а не потребность дѣятельная, только ступень отъ невѣжества къ просвѣщенію, а не самое просвѣщеніе, знамя личной чести, а не общечеловѣческаго развитія, наконецъ средство къ полученію служебныхъ отличій, общественныхъ должностей, житейскихъ потребъ: можетъ ли быть плодотворна и наука?“ (Христ. Чт. 1865 г. Ч. I, стр. 212). Здѣсь Іоаннъ ясно указываетъ на то, что наука не должна быть отрѣщенной отъ жизни.

²⁾ Христ. Чт. 1870 г., ч. I, стр. 563.

³⁾ Стр. 566.

ства. Въ своей актовѣ рѣчи ораторъ ясно выражаетъ эту мысль: „есть истина, говорить о ней, которой не должны забывать и народы и просвѣтителѣ народовъ: истина, что народное просвѣщеніе тогда только можетъ быть твердо, когда утверждается на коренныхъ началахъ жизни народной, тогда глубоко и живо, когда воспринято и усвоено народнымъ сознаниемъ, тогда плодотворно, когда удовлетворяетъ основнымъ потребностямъ народности“¹⁾. Но кореннымъ началомъ русской народности прежде всего служить Православіе—эта вѣра вселенская, не самимъ народомъ сочиненная, какъ сочинены католичество у итальянцевъ или протестанство у германцевъ²⁾. „Современное просвѣщеніе наше должно не только сообщить намъ новый свѣтъ, прибавляетъ ораторъ, но и исправить ошибки прежняго образованія: не навязывать намъ идей, чуждыхъ нашему духу, и вмѣсто озаренія народнаго духа, не ожесточать его въ отсталости еще болѣе—противоборствомъ ему“³⁾. Въ этихъ словахъ можно видѣть отношеніе Іоанна къ Петровской реформѣ—отрицательное—и взглядъ на происхожденіе старообрядчества, соотвѣтствующій славянофильскому⁴⁾.

Говоря о просвѣщеніи, соотвѣтствующемъ духу русскаго народа, нашъ проповѣдникъ высказываетъ свой взглядъ на *общечеловѣческое просвѣщеніе* и на взаимное отношеніе этихъ двухъ видовъ просвѣщенія. Подъ общечеловѣческимъ образованіемъ, конечно, нужно разумѣть то образованіе, которое одно для всѣхъ; но ради такого просвѣщенія нужно ли и можно ли уничтожить народность? „Но народность есть такая жизненная сила, которая не уничтожается никакою другою силою и—ничѣмъ, ни даже вѣковыми бѣдствіями народовъ“. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ что отдѣльный народъ можетъ „возставать противу общечеловѣческаго; общечеловѣческое каждому народу доступно... Неужели русскій народъ не понимаетъ, что хорошо—вообще и само по себѣ, независимо ни отъ какихъ народностей?“ Итакъ, возможенъ синтезъ общечеловѣческаго съ народнымъ. Но нужно ясно

1) Правосл. Собес. 1859, ч. I, стр. 79.

2) Стр. 83.

3) Стр. 85.

4) Стр. 80.

понять, что слѣдуетъ разумѣть подѣ именемъ общечеловѣческаго. „Общечеловѣческое должно быть отвлечено отъ всякой частной народности: слѣдовательно, если подѣ видомъ общечеловѣческаго образованія скрывается духъ нѣмецкій, или французскій, или иной: это уже не общечеловѣческое. Оно должно быть безусловно истинно.., совершенно чисто. прямо, открыто..; оно никакъ не можетъ направляться къ отрицанію тѣхъ всеобщихъ, коренныхъ началъ знанія и жизни.., каковы начала религіозныя, нравственныя, общественныя.. Въ дѣлѣ науки и знанія общечеловѣческое есть одно—чистая истина; въ дѣлѣ жизни и добра истинно общечеловѣческое есть одно—общехристіанское.. Слѣдовательно не должно ли сказать, что истинно-общечеловѣческое просвѣщеніе есть истинно-христіанское?“ 1)

Въ бес. 2 „о народномъ покаяніи“ проповѣдникъ доказываетъ, что между вѣрою и просвѣщеніемъ не можетъ быть никакого противорѣчія. „То ложно просвѣщеніе, которое считаетъ вѣру враждебною себѣ и въ томъ полагаетъ свое достоинство и свою силу, чтобы освободить себя отъ ея вліянія; и то ложно толкованіе вѣры, которое отрицаетъ въ ней всякое развитіе разумности и разъединяетъ ее съ свѣтомъ здравыхъ идей и положительныхъ наукъ“ 2).

Итакъ, преосв. Іоаннъ просвѣщеніе и народное и общечеловѣческое ставитъ въ зависимость отъ христіанскаго ученія и христіанской нравственности. Много говоритъ онъ и объ отношеніи вѣры и прогресса вообще. Въ словѣ въ день Рождества Христова (1858 г.) читаемъ: „Прогрессъ!.. Что это мы сказали?—Не странно ли звучитъ это слово подѣ священными сводами виѳлеемской пещеры?.. Прости намъ, Божественный младенецъ, что мы, какъ евреи изъ Египта, похитили изъ міра этотъ злоупотребленный сосудъ и принесли его съ собою къ твоему таинственному рожденію. Особенная мысль руководила насъ. Мы убѣждены, что основаніе,—золото, которое обращено на этотъ сосудъ господствующихъ мыслей настоящаго времени, первоначально найдено и присвоено себѣ человѣкомъ въ живоносныхъ и свѣтозарныхъ

1) Стр. 80—83: ср. Христ. Чт. 1865 г., Ч. I, стр. 215.

2) Христ. Чт. 1865, Ч. I, стр. 205,

нѣдрахъ Христіанства“ ¹⁾. А потому истинному прогрессу не противорѣчить и не препятствуетъ вѣра: эта мысль иллюстрирована у Іоанна слѣдующимъ образомъ. „Что сказать о той, не менѣ современной мысли, будто вѣра препятствуетъ прогрессу? Ахъ, думаютъ дѣти, какъ бы весело мы бѣгали, если бы не держали насъ за руки! Ахъ, думаетъ юность, какъ бы мы наслаждались жизнію, если бы не заставляли учиться! Ахъ, думаетъ мужъ, какъ бы я былъ счастливъ, если бы у меня не было заботъ! Ахъ, думаетъ старость, какъ хорошо можно бы еще пожить, если бы не память смерти!— Выбирайте любой изъ этихъ примѣровъ, чтобы приложить къ возрасту современнаго человѣчества, и потомъ судите о его возраженіи противъ вѣры“ ²⁾. „Никакой прогрессъ человѣчества не минуетъ виѳлеемской пещеры... Въ пустынной пещерѣ зачинается возрожденіе міра: значить, почва его собственной, тогдашней жизни была слишкомъ неудобна для его возрожденія: можетъ быть, была слишкомъ упитана жирнымъ веществомъ чувственности“ ³⁾. Какъ просвѣщеніе бываетъ ложное, такъ и прогрессъ бываетъ мнимый; и „блудящіе огни мнимаго движенія впередъ“ могутъ завести „въ топи всякаго зла“ ⁴⁾. „Что сдѣлала европейская цивилизація съ первобытными народами, не образованными, но патриархальными, когда пришла къ нимъ безъ религіи и нравственности?“ спрашиваетъ проповѣдникъ въ словѣ при дворянскихъ выборахъ въ С.-Петербургѣ въ 1866 г. и отвѣчаетъ: „она ихъ погубила“ ⁵⁾. Въ всякаго сомнѣнія, нашъ проповѣдникъ не противникъ прогресса, не ретроградъ и рутинеръ, даже не консерваторъ; онъ только предупреждаетъ отъ увлеченія ложнымъ прогрессомъ, ведущимъ не къ улучшенію, а къ ухудшенію жизни.

Преосв. Іоаннъ со всею ясностью указываетъ на тѣсную связь православія и русской народности: православіе не искусственное, не насильственное или самовольное насажденіе на русской почвѣ. По его убѣжденію, „въ русскомъ на-

1) Правосл. Собес. 1859 г., Ч. I, стр. 232—233.

2) Правосл. Собес. 1858 г., Ч. III, стр. 367—368.

3) Правосл. Собес. 1859 г., Ч. I, стр. 223—224.

4) Христ. Чт. 1865 г., Ч. I, стр. 205—206.

5) БПР², стр. 237.

родъ нѣтъ ничего болѣе народнаго, какъ свое Православіе“; „русскій народъ не самъ себя сочинилъ вѣру“; (повидимому, онъ хотѣлъ бы сказать о душѣ русскаго человѣка, что она *naturaliter orthodoxa*). Поэтому то, „русскій народъ, какъ прямой наслѣдникъ вселенской вѣры (православія), хочетъ соблюсти ея первобытную чистоту и вселенское достоинство“. ¹⁾ Въ „загородномъ“ поученіи Іоаннъ изображаетъ сѣятелей слова Божія „мрачно и уныло бродящихъ около тѣхъ садовъ, въ которыхъ питаются сладкими плодами искусственнаго и преимущественно иноземнаго происхожденія, не имѣя въ нихъ доступа, и лишь высматривающихъ хоть какой нибудь выдавшійся изъ нихъ уголокъ, чтобы положить тутъ свое народно-святое, т. е. православное сѣмя: авось вырастетъ и обратитъ на себя вниманіе—хоть новостію для людей, не имѣющихъ понятія о немъ“ ²⁾ Такимъ образомъ, православіе—достояніе собственно простого народа русскаго, а не интеллигенціи, тяготящей къ Западу.

Но къ сожалѣнію, русскій народъ, оберегающій чистоту своей вѣры, при недостаткѣ просвѣщенія и непониманіи истинъ вѣры въ ихъ подлинномъ смыслѣ, часто уклоняется въ сторону всевозможныхъ суевѣрій и расколовъ. „Народъ—въ церкви, какъ дитя за матерью, только повторяетъ за Церковію слова вѣры и молитвы, безъ яснаго сознанія, а внѣ церкви—въ немъ и около него тьма, тьма религіознаго невѣдѣнія, суевѣрій, лжеученій“... „Если знаніе вѣры ограничено только грамотою по церковной книгѣ, или только символомъ вѣры и другими, забытыми впрочемъ, уроками дѣтства,—и дальше не идетъ; если вѣра свѣтитъ въ душѣ, какъ тусклая лампадка предъ иконами, когда кругомъ темнота ночи, а человѣкъ спитъ: не много свѣта!“ ³⁾ Но этого мало. Въ Россіи есть „милліоны людей, полагающихъ всю вѣру и спасеніе въ томъ, чтобы въ крестномъ знаменіи слагать два, а не три перста...—не правда ли, какъ это пусто и смѣшно“?—спрашиваетъ проповѣдникъ и далѣе приходитъ къ заключенію, что „это непобѣдимое упорство въ невѣжествѣ, это ожесточенное отдѣленіе отъ Церкви и общества,

¹⁾ Правосл. Собес. 1859 г., ч. I, стр. 83—84.

²⁾ Христ. Чт. 1866 г., ч. I, стр. 492.

³⁾ Правосл. Собес. 1858 г., ч. III, стр. 502—503.

эта мрачная ненависть ко всему современному и т. д... это уже не пусто и не смѣшно. Это ужасно! Это язва, которая разъѣдаетъ тѣло Россіи и ослабляетъ ея внутреннюю жизнь“.¹⁾ Но что же такое расколъ? гдѣ его причина? Расколъ, по опредѣленію Іоанна, „это народность, которая во имя вѣры возстала при одной мысли о нашествіи иноземнаго духа въ русскую жизнь и въ борьбѣ съ нимъ заключилась въ самой себѣ безвыходно, отстала, замерла, окаменѣла“.²⁾ Въ бес. 2 „о народномъ покаяніи“ проповѣдникъ, коснувшись русскаго раскола, восклицаетъ: „о! когда этотъ злокачественный наростъ спадетъ съ русской души? Когда въ этой тьмѣ речетъ Богъ: да будетъ свѣтъ?—Такъ, только свѣтъ Божій, свѣтъ истиннаго просвѣщенія и христіанскаго добра, можетъ разсѣять эту тьму лжи и зла“.³⁾

А интеллигенція, развитая и просвѣщенная, считающая себя русскою и православною?.. Она не знаетъ истинъ вѣры. „Можетъ быть у насъ, говорить Іоаннъ, еще думаютъ, что полное знаніе вѣры есть своего рода ремесло, принадлежащее извѣстному цеху, т. е. духовному сословію, а для другихъ не обязательно..; если.. наше вѣрознаніе простирается не далѣе учебной программы закона Божія, а поприще его — только дѣтство, а предѣлъ его—школа, если для нашихъ просвѣщенныхъ умовъ размышленіе и всякое разсужденіе о вѣрѣ есть своего рода пытка, въ которой невольнo высказывается вся скудость и слабость, даже странность и жалкость личныхъ свѣдѣній и понятій свѣтскихъ людей о предметахъ вѣры и Церкви: какъ назвать такое состояніе вѣры“?⁴⁾ А въ „загородномъ поученіи“ проповѣдникъ безъ „можетъ быть“ и „если“, безъ вопросительной формы говорить о незнаніи истинъ вѣры людьми интеллигентными, которые нерѣдко „среди трудныхъ опытовъ жизни, ни для кого не минуемыхъ... оказываются безъ силы и опоры, словомъ, безъ Бога, издѣтства не познаннаго ни въ природѣ, ни въ наукѣ“.⁵⁾ „Едва мы заговоримъ о религіи, обращается проповѣдникъ къ людямъ интеллигентнымъ въ этомъ же поученіи

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Правосл. Собес. 1859 г., ч. I, стр. 80.

³⁾ Христ. Чт. 1865 г., ч. I, стр. 203.

⁴⁾ Христ. Чт. 1865 г., ч. I, стр. 204.

⁵⁾ 1866 г., ч. I, стр. 492 и 494.

черезъ посредство простыхъ слушателей, вы тотчасъ воображаете, что васъ лишаютъ общества, всѣхъ его связей и удовольствій, хотятъ отдать совсѣмъ въ руки духовенства и даже запереть въ монастыри... Не стыдно ли, что многимъ образованнымъ людямъ мало знакома даже азбука истинной религiи!“¹⁾

Отсюда выясняется необходимость, при заботахъ о просвѣщенiи вообще, подумать о духовномъ просвѣщенiи отечества. Только при этомъ условiи Россiя будетъ „на вѣрномъ пути истиннаго, полного прогресса. А оставить эту задачу въ сторонѣ, значило бы оставить — цѣлую половину дѣла“, ²⁾ и нашъ проповѣдникъ со вниманiемъ относится къ вопросу о томъ, „какая задача предлежитъ... духовному образованiю въ современномъ развитiи человѣчества“. Церковь православная, духовная наука, въ современномъ движенiи, занимаютъ очень скромное мѣсто. „Среди всего шума современности“ это „мирный уголокъ, и въ немъ свѣтитъ такой теплый лучъ и такой тихий огонекъ... Возьмемъ смѣло нашъ огонекъ, и пойдемъ съ нимъ осматривать работы современнаго міра“—приглашаетъ проповѣдникъ. При свѣтѣ этого огонька духовной науки дѣлается ясно, что „въ обширной лабораторiи приложенiй современнаго естествознанiя... не достааетъ духа; мало пищи душѣ, въ нея не временныхъ, внѣшнихъ, а вѣчныхъ, существеннѣйшихъ потребностяхъ“. При свѣтѣ того же огонька очевиденъ весьма важный пробѣлъ въ современныхъ наукахъ. Онѣ „вводятъ насъ въ великій домъ міра; онѣ описываютъ намъ его во всѣхъ подробностяхъ, а о Хозяинѣ молчатъ“. Но можно ли что нибудь понять, когда служители науки, изучая и описывая *явленiя*, не проникаютъ „мысли, въ этихъ явленiяхъ заключенной, а чтобы дознать мысль, не соединяютъ явленiя, съ понятiемъ объ *Умѣ*, который заключилъ въ немъ свою мысль“. Слѣдовательно, задача духовнаго просвѣщенiя въ современномъ развитiи человѣчества такова: „поддерживать и возвышать духъ среди общематерiальнаго направленiя; свѣтитъ идеею Творца и Промыслителя въ современномъ естествознанiи“...³⁾

¹⁾ Стр. 498.

²⁾ Правосл. Собес. 1858 г., ч. III, стр. 502.

³⁾ Тамъ же, стр. 354, 357—359, 361 и 368.

Таково заключеніе бесѣды „при началѣ ученія“, а слово „о духовномъ просвѣщеніи Россіи“ Іоаннъ заключаетъ слѣдующимъ образомъ: „итакъ свѣта и свѣта, свѣта духовнаго— вотъ чего требуетъ религіозная жизнь русскаго народа, по всѣмъ степенямъ ея. Конечно, кто же, какъ не мы, должны быть проводниками этого свѣта? Откуда, если не изъ нашихъ святыницъ, онъ долженъ свѣтити народу“? 1) Тотъ же вопросъ обсуждается Іоанномъ и въ его актовой рѣчи: „о вѣрѣ въ народномъ просвѣщеніи Россіи“. 2)

Значительную долю вниманія Іоаннъ, какъ проповѣдникъ, удѣляетъ воспитанію домашнему и общественному. Въ бес. 3 „о народномъ покаяніи“ онъ доказываетъ, что „постѣ вѣры, первое и важнѣйшее дѣло въ нравственной жизни народа—воспитаніе“. Оно принадлежитъ къ числу современныхъ вопросовъ, особенно занимающихъ общество. Отмѣтивъ затѣмъ рядъ важныхъ погрѣшностей домашняго воспитанія, онъ обращается къ слушателямъ съ слѣдующими вопросами (это у него дов. употребительный пріемъ): „какихъ людей готовить такое воспитаніе? Можетъ быть—современныхъ: да такихъ ли, какіе нужны? Такіе ли люди нужны обществу, народу, государству, Церкви, человѣчеству? Современность сама оцѣниваетъ такихъ людей по воспитанію, когда называетъ ихъ — *порядочными!* Только?! А мы скажемъ: нѣтъ! Плохо то воспитаніе, которое обращается въ игру и самихъ дѣтей обращаетъ въ игрушки! Плоха та нравственность, которая основывается на басняхъ съ картинками! Плохи тѣ люди, которые воспитаніемъ приготавливаются къ жизни, какъ пиру или театру, а не какъ труду, добродѣтели, борьбѣ и — смерти“! 3) Крупные недочеты находитъ Іоаннъ и въ общественномъ воспитаніи и указываетъ на необходимость примѣненія къ воспитанію медицины—„не той медицины, которая изучаетъ человѣка тогда, когда онъ уже перестаетъ быть человѣкомъ, а дѣлается трупомъ; въ живомъ же человѣкѣ разбираетъ все, кромѣ одного, того, что дѣлаетъ его живымъ... Пусть медицина человѣческаго духа... вниматель-

1) Тамъ же, стр. 507.

2) Правосл. Собес. 1859 г., ч. I, стр. 77 и дал.

3) Христ. Чт. 1865 г., ч. I, стр. 207—208.

но прислушивается къ біенію сердца въ молодомъ нашемъ поколѣніи и слѣдить: правильно ли, спокойно ли движется его внутренняя жизнь; не приливаетъ ли слишкомъ кровь молодая къ головѣ и сердцу и не помрачаетъ ли разсудка духомъ сомнѣнія и отрицанія...; не волнуется ли души слишкомъ кипучими чувствами самолюбія и слишкомъ бойкими порывами молодой воли къ вольности...; не разливается ли желчь сокрытаго въ душѣ недовольства дѣйствительностію, того самонадѣяннаго, на все посягающаго суда, который все не такъ, не по немъ находить и желалъ бы все преобразовать и передѣлать, какъ будто эти двадцатилѣтніе юноши уже все испытали, узнали, разсудили, рѣшили“! ¹⁾)

Искусственность въ воспитаніи и ненормальныя условія жизни далеко отклоняють типъ современнаго человѣка отъ его идсала. „Какъ будто все преднамѣренно направляется къ тому, чтобы сдѣлать человѣка не похожимъ на самого себя—разсуждаетъ преосв. Іоаннъ въ „загородномъ поученіи“: и что это за человѣкъ нынѣ выходитъ изъ рукъ міра? Это можетъ быть человѣкъ очень образованный и развитый, но какой-то не естественный... У него странныя, не естественныя обо всемъ понятія, искаженные нравы, натянутые обычаи, беспорядочныя стремленія...; у него своя религія—безъ вѣры, своя нравственность безъ правилъ, свое счастье—безъ добра, свое добро—безъ убѣжденій“ ²⁾)

Стремленія современныхъ проповѣднику прогрессистовъ прикрывались идеями гуманности, всеобщаго равноправія и пр.—повидимому, нисколько не посягающими на чистоту христіанской вѣры и нравственности. Это съ одной стороны. Но наряду съ этимъ большое распространеніе имѣли ученія—очевидно, отрицательнаго характера, каковы матеріализмъ и социализмъ. Преосв. Іоаннъ, въ частности, касается въ своихъ проповѣдяхъ всѣхъ этихъ господствующихъ идей вѣка. „Человѣчность, гуманность, сознаніе и раскрытіе человѣческаго достоинства, единеніе всѣхъ людей во имя человѣчества, утвержденіе правъ его разумной природы, огражденіе его нравственной свободы: какія прекрасныя понятія!“ говоритъ онъ; но современное человѣчество, повторяющее ихъ

¹⁾ Стр. 209—210.

²⁾ Христ. Чт. 1866 г., ч. I, стр. 495.

на разные тоны, должно сознаться, что они не его изобрѣтеніе; и пусть оно не думаетъ „что оно само собою можетъ осуществить въ мірѣ эти возвышенныя идеи“. „Поля крымскія съ ихъ Севастополемъ, Востокъ съ христіанскимъ мученичествомъ—не первыхъ вѣковъ, а настоящаго XIX вѣка; Индія—съ людьми, привязанными къ пушечнымъ жерламъ: не гуманность ли пишеть эти страницы современной исторіи?“—спрашиваетъ проповѣдникъ ¹⁾. „Одна изъ прекраснѣйшихъ и благороднѣйшихъ идей настоящаго времени есть та, говоритъ проповѣдникъ въ той же бесѣдѣ („при началѣ ученія“), чтобы на свѣтѣ всѣмъ было хорошо“. Но и самый отъявленный прогрессистъ долженъ сознаться, что никогда не наступитъ такое время, когда „не будетъ на землѣ никому никаго горя... Среди прогресса горькія слезы льются, льются и... слезамъ не видно конца“... Современный прогрессъ не въ состояніи дать утѣшенія страждущему, человѣчеству, „Приди ты, божественный свѣтъ откровенія“—воскликаетъ проповѣдникъ: „въ тебѣ одномъ остается отрада для истерзаннаго скорбями сердца человѣческаго“. ²⁾

Іоаннъ отмѣчаетъ увлеченіе современнаго ему общества принципомъ *свободы совѣсти*. Въ словѣ „о духовномъ просвѣщеніи Россіи“ онъ говоритъ: „свобода совѣсти, провозглашенная современнымъ просвѣщеніемъ, должна вести людей конечно не къ тому, чтобы они разнуздали свой умъ, сердце и волю и пустили ихъ на всѣ четыре стороны—думать, чувствовать и дѣлать, какъ случится“. ³⁾ Подобныя же мысли высказываетъ проповѣдникъ и значительно позднѣе. „Пусть просвѣтится, укрѣпится, возвысится народная и общественная совѣсть: и вы будете безопасны отъ злоупотребленій народной свободы; у васъ будетъ здоровое и вѣрное общественное мнѣніе; будутъ цѣлы общественныя суммы; вы будете имѣть правые суды присяжныхъ и отличныхъ мировыхъ судей... Но вотъ вопросъ: гдѣ обществу и народу взять такую совѣстливость? Отвѣтъ: нигдѣ, какъ въ религіи... Богъ—судія совѣсти“⁴⁾. Въ бес. 5 „о народн. покаяннѣ“ Іоаннъ обращается съ вопросомъ: „есть ли (у насъ) вѣрное, твер-

¹⁾ Правосл. Собес. 1858 г., ч. III, стр. 365.

²⁾ Стр. 362—364.

³⁾ Стр. 505.

⁴⁾ БПР². стр. 239.

дое, а не обманчивое, шаткое общественное мнѣніе, тотъ голосъ народный, въ которомъ слышался бы и гласъ Божій?“—ожидаю, повидимому, отвѣта отрицательнаго. 1)

Указываетъ Іоаннъ и на то, что *гласность* нѣтъ основанія считать средствомъ противъ всякаго рода злоупотребленій саму по себѣ. „Столько прославляемая гласность нисколько не мѣшаетъ темнымъ дѣламъ, спокойно совершающимся въ своихъ потаенныхъ углахъ, нисколько не боясь гласности“ — говоритъ онъ въ бесѣдѣ „при началѣ ученія“ 2). Въ другой бесѣдѣ читаемъ: „начиная и что-нибудь доброе, мы спѣшимъ уже обратить это во зло. Вотъ, напр.,—гласность: дѣло прекрасное! А не успѣла ли уже эта юная гласность внести нѣсколько лишняго сора въ литературу и въ общество?“ 3) Таковы же сужденія нашего проповѣдника и о свободѣ печатнаго слова. „Вотъ и литература наша, едва оперившаяся и расправившая крылья, не залетасть ли иногда слишкомъ далеко? Не грѣшить ли противъ высшихъ взглядовъ на важнѣйшіе предметы знанія, противъ основныхъ законовъ міроуправленія?.. И все это... имѣетъ нравственное значеніе; потому, что сопровождается положительнымъ послѣдствіями въ нравственной и общественной жизни народа“—говоритъ онъ въ одной изъ бесѣдъ „о народномъ покаяніи“; а въ другой читаемъ слѣдующее: „оживленіе печатнаго слова, въ связи съ усиленіемъ разныхъ голосовъ въ обществѣ: не возбуждаетъ ли оно... страстей, не обращается ли въ оружіе личностей, не спѣшитъ ли высказывать мысли слишкомъ затѣйливыя и не очень обдуманныя? Всегда ли наблюдаетъ даже умѣренность и приличіе въ сужденіяхъ, въ тонѣ рѣчи, въ словахъ?“ Въ такомъ направленіи литературы Іоаннъ видитъ „признакъ нравственной и гражданственной неразвитости“ 4), и невольно заставляетъ задуматься надъ тѣмъ, въ какой мѣрѣ можетъ быть благотворна свобода печати, можетъ-ли она быть неограниченною.

Отрицательныя идеи времени нашли въ преосв. Іоаннѣ тонкаго и убѣжденнаго обличителя. Человѣкъ, овладѣвшій

1) Христ. Чит. 1865 г., ч. I, стр. 213.

2) Правосл. Собес. 1858 г., ч. III, стр. 366.

3) Христ. Чит. 1865 г., ч. I, стр. 214.

4) Христ. Чит. 1865 г., ч. I, стр. 212 и 214.

силами природы и пытающийся превратить міръ въ обширную лабораторію, упускаетъ изъ виду самое существенное въ жизни человѣческой и погружается совершенно въ матерію. Оттого въ этой дивной лабораторіи, созданной современнымъ человѣкомъ, „какъ-то мрачно, тяжело, душно, есть что-то стѣсняющее и подавляющее, при всемъ просторѣ. при всей живости работъ, какъ будто не достаётъ свѣта, или мало освѣжающаго, живительнаго воздуха...: тутъ (среди матеріи) не достаётъ духа“. ¹⁾

Соціализмъ нашъ проповѣдникъ опровергаетъ, обращаясь къ непосредственному человѣческому чувству. Онъ говоритъ петербургскимъ дворянамъ, собравшимся на выборы: „если бы кто, во имя общественнаго блага, сталъ доказывать, что ваше право собственности вовсе не есть право, а воровство; что ваше супружество есть насиліе для вашихъ супруговъ и ваше семейство не вамъ принадлежитъ и не обязано вамъ ни какимъ особеннымъ долгомъ, и т. д.?—Что за безуміе?— скажете вы: а это и есть просвѣщеніе и нравственное ученіе—безъ религіи и христіанской нравственности. И увы! все это у насъ въ Россіи нынѣ проповѣдуется и печатается“ ²⁾. Матеріалистическое и атеистическое направленіе ведетъ къ пагубнѣйшимъ послѣдствіямъ въ общественной жизни, которыя изображаются преосв. Іоанномъ въ томъ же словѣ при дворянскихъ выборахъ въ Петербургъ въ 1866 г. ³⁾. Въ словѣ „Вѣра—основаніе истинной нравственности“ Іоаннъ опровергаетъ модное въ то время ученіе о нравственности автономной, независимой отъ вѣры, основанной на одномъ естественномъ чувствѣ добра. Проповѣдникъ рассуждаетъ: „живи такъ, говорятъ, какъ внушаетъ здравый разумъ и собственное, внутреннее, чувство совѣсти и чести... Не странно ли, что въ самое просвѣщенное время Христіанства возобновляются древнія... языческія понятія, которыя уже... обнаружили всю свою слабость и ложь?... Не приведутъ ли... такія понятія... ко всеобщему безграничному преобладанію личнаго самолюбія, неукротимыхъ страстей, необузданной чув-

¹⁾ Правосл. Собес. 1858 г., ч. III, стр. 358.

²⁾ ВПР², стр. 237—238.

³⁾ Тамъ же, стр. 239—240.

ственности... затѣмъ—къ совершенному разслабленію дужа, безпечности и равнодушію ко всему, разочарованію во всемъ—и въ самой жизни?“ Далѣе указывается на внутреннюю связь ученія вѣры съ ученіемъ нравственнымъ и на несостоятельность нравственности, основанной не на вѣрѣ, а на однихъ умозрѣніяхъ. „Такая нравственность ложна... потому, что не сообразна съ настоящимъ состояніемъ человѣка, потому, что въ ней умышленно скрываются отъ него глубочайшія потребности сердца, отъ которыхъ онъ отказаться не можетъ... Удовлетворяютъ ли потребностямъ духа, возродятъ ли его, возвысятъ ли общія сухія нравовченія, когда онъ ищетъ обновленія всецѣлаго въ самомъ себѣ... Можно ли усовершенствовать, даже удовольствовать его мелкими правилами общезжителной честности, когда онъ жаждетъ стремиться къ высшему совершенству, по тому образу, который начертанъ въ самомъ его существѣ и который побуждаетъ его желать и искать приближенія къ своему Первообразу“. Разумъ, въ качествѣ руководителя нравственной жизни, оказывается совершенно недостаточнымъ и несостоятельнымъ. Въ противномъ случаѣ, какъ объяснить такіе факты, „что иногда человѣкъ весьма разумный по природѣ, весьма образованный, человѣкъ прекрасно разсуждающій, однакожь—весьма пороченъ въ собственной жизни?“... „Значить, царю въ человѣкѣ—разуму не достаётъ силы, чтобы управить человѣкомъ“.

Въ этомъ же словѣ преосв. Іоаннъ касается и другой увлекательной для умовъ его времени теоріи—о механичности законовъ міра. „Понятіе о верховномъ Міроправителѣ, какъ понятіе о художникѣ, который устроилъ прекрасный механизмъ этого видимаго міра и далъ ему жизнь,—жизнь, которую этотъ механизмъ развиваетъ въ своемъ движеніи, по законамъ, однажды для него опредѣленнымъ“, онъ находитъ недостаточнымъ. Міръ, „такъ суетливо и шумно развивающій свою земную дѣятельность, столько, повидимому, своевольствующій, не замѣчаетъ того, что вся его дѣятельность, все его своеволие ограничивается только стѣнами корабля, на которомъ онъ переплываетъ море временной жизни, что его кораблемъ управляетъ иная, вышняя сила, не стѣняя его свободы на кораблѣ, однакожь не выпуская и чрезъ

края его, и безъ вѣдома и совѣта самаго міра, направляетъ его плаваніе къ извѣстнымъ ей, а не ему, цѣлямъ“¹⁾.

IV.

Обратимся теперь къ анализу содержанія проповѣдей Іоанна, составленныхъ въ Смоленскѣ. Проф. Барсовъ предшествующій періодъ его проповѣднической дѣятельности называетъ „болѣе блестящимъ“. „Изданныя г. Н. Б. (въ Смоленскѣ) проповѣди преосв. Іоанна, говоритъ онъ, нѣсколько слабѣе или, говоря точнѣе, проще, низменнѣе, ординарнѣе, чѣмъ проповѣди, сказанныя въ Петербургѣ и особенно въ Казани“. Какъ видно изъ дальнѣйшихъ замѣчаній, проф. Барсовъ имѣетъ здѣсь въ виду „внѣшнее изящество слова“, а содержанія словъ того и другого періода не касается²⁾. Имѣя въ виду пока, главнымъ образомъ, содержаніе проповѣдей Іоанна, мы должны замѣтить, что съ полученіемъ самостоятельной кафедры, въ Іоаннѣ церковный ораторъ-публицистъ уступаетъ въ нѣкоторой мѣрѣ мѣсто проповѣднику-святителю. Не говоря уже о казанскихъ его поученіяхъ всецѣло посвященныхъ злободневнымъ вопросамъ времени освѣщаемымъ, конечно, съ христіанской точки зрѣнія; обратимъ вниманіе, напр., на его „бесѣды въ продолженіе первой недѣли Великаго Поста“ („народное покаяніе“), которыя говорены были имъ уже въ санѣ епископа, но не самостоятельнаго и не имѣющаго паствы. Въ то время, когда и завзятые политиканы, поборники либеральныхъ реформъ, всякаго рода общественные дѣятели, забывая злободневные интересы, сосредоточиваютъ или должны сосредоточивать все свое вниманіе на „множествѣ содѣянныхъ ими лютыхъ“, ищутъ примиренія съ Богомъ и ближними, несутъ бремя личныхъ грѣховъ своихъ къ отцамъ духовнымъ,—о чемъ проповѣдуетъ Іоаннъ? Онъ говоритъ объ общественномъ возрожденіи Россіи, о вопросахъ воспитанія, возбужденныхъ въ послѣднее время, о недостаткахъ современнаго воспитанія объ увлеченіяхъ юношества, о литературѣ, едва оперившейся

¹⁾ Правосл. Собесѣдн. 1857 г., стр. 691, 693, 697, 703, 705 и 717.

²⁾ *Н. Барсовъ*, „Преосвященный Іоаннъ, епископъ Смоленскій, какъ проповѣдникъ“ въ Христ. Чт. 1872 г., ч. III, стр. 420—421.

и расправившей крылья, но залетающей иногда слишком далеко, объ общественномъ мнѣніи, о гласности и свободѣ печатнаго слова и т. под. ¹⁾). Очевидно, что проповѣдникъ нѣсколько увлекается и перечисленнымъ вопросамъ удѣляетъ много вниманія въ несовсѣмъ подходящее время. Въ поученіяхъ на дни Великаго Поста, сказанныхъ въ Смоленскѣ, Іоаннъ также не упускаетъ изъ виду вопросовъ современности, но и церковнымъ событіямъ удѣляетъ болѣе вниманія. Какъ покажетъ дальнѣйшій анализъ, въ Смоленскѣ Іоаннъ касался многихъ вопросовъ общехристіанской морали, внѣ связи съ современностью ²⁾); хотя онъ попрежнему остается проповѣдникомъ-публицистомъ.

И въ смоленскихъ поученіяхъ современность у Іоанна всегда на первомъ планѣ: онъ хочетъ проповѣдывать своему именованному времени.—не упуская изъ виду всѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находятся его наличные слушатели. Свое время преосв. Іоаннъ характеризуетъ оч. непривлекательными чертами. Свободомысліе, отвергая „вѣковыя идеи и самыя священные убѣжденія челоѣчества“, въ концѣ концовъ само не знаетъ, чѣмъ замѣнить отвергнутыя убѣжденія ³⁾). Всеобщее броженіе умовъ не приводитъ ни къ чему положительному: все колеблеть и ничего не созидаетъ ⁴⁾). Вѣрѣ и Церкви, при современномъ направленіи умовъ, угрожаютъ многія опасности съ разныхъ сторонъ ⁵⁾). Весьма многіе заражены религіознымъ индифферентизмомъ и разсуждаютъ такъ: „къ чему это строгое христіанство? Развѣ не всѣ религіи равны, въ которыхъ исповѣдуется Богъ?“ ⁶⁾) Но этого мало: современный міръ открыто и прямо возстаетъ на вѣру Христову и на Христа; этотъ міръ „судитъ Христа по своимъ новымъ идеямъ и началамъ“ ⁷⁾). Отрицая положительную религію и не создавъ взамѣнъ ея ничего положительнаго, современное общество внесло страшную путаницу и въ

¹⁾ Христ. Чт. 1865 г., ч. I, стр. 199, 205, 207, 208, 210, 212, 213, 214.

²⁾ Таково поученіе на новый 1867 годъ, также и на 1868-й.

³⁾ БПР², стр. 10.

⁴⁾ Стр. 67.

⁵⁾ Стр. 4.

⁶⁾ Стр. 119.

⁷⁾ Стр. 106.

нравственныя понятія. „Всѣ болѣе вѣрующіе въ человѣчество, чѣмъ въ Бога“, не хотятъ считаться съ основами христіанской нравственности, и нашъ проповѣдникъ вынужденъ вызвать ихъ на то, чтобы они доказали, „что видимое нами въ мірѣ беззаконіе есть законность, безсовѣстность—совѣстливость, вопіющая неправда—справедливость, эгоизмъ—самоотверженіе“... и т. д. ¹⁾. При такомъ извращеніи нравственныхъ понятій, не можетъ отличатся чистотою и жизнью христіанъ ²⁾. Проповѣдникъ приходитъ къ слѣдующему безотрадному выводу: „да кажется никогда человѣкъ не искалъ съ такою жаждой наслажденій жизни, какъ въ настоящее время. Современный человѣкъ все отдаетъ, все приноситъ въ жертву этой жадѣ“ ³⁾. Но состояніе нравственности всегда отражается и на степени благополучія общества:—и что же мы видимъ: „человѣчество, при всемъ его настоящемъ развитіи, едва находитъ въ себѣ силу и средства бороться со всѣми несчастіями, и кажется наибольшее развитіе силъ и средствъ умственныхъ, нравственныхъ и вещественныхъ нашего вѣка идетъ только на врачеваніе бѣдъ, его постигающихъ“. Преосв. Іоаннъ увѣренъ, что во всякомъ несчастіи нужно видѣть „или поводъ, или послѣдствіе или по крайней мѣрѣ отраженіе нравственнаго состоянія человѣка“. „Поручитесь вы намъ за нравственность людей, говоритъ онъ,—мы поручимся вамъ, что въ человѣчествѣ несчастій не будетъ“ ⁴⁾.

Духъ времени именуется въ поученіяхъ Іоанна вольнымъ, злымъ, мрачнымъ, злонаправнымъ, который „не думая скрываться, очень не застѣнчиво обнажаетъ и выказываетъ самъ себя“,—противучеловѣческимъ и противухристіанскимъ ⁵⁾. Онъ „думаетъ восторжествовать надъ Церковію, раздѣливъ ея силы; онъ отдѣляетъ ея догматическое ученіе отъ нравственнаго ученія христіанства, и повидимому благоговѣя предъ послѣднимъ, отрицаетъ первое“ ⁶⁾; онъ ослабилъ до крайней степени „церковный союзъ христіанъ“. Но „не должно обманываться: укажите наилучшаго человѣка изъ среды

¹⁾ Стр. 155.

²⁾ Стр. 58 и 152.

³⁾ Стр. 165.

⁴⁾ Стр. 162.

⁵⁾ Стр. 217, 227, 159, 12, 79.

⁶⁾ Стр. 53.

незнающихъ союза вѣры: очень можетъ быть, что, смотря на него, воскликнемъ: какой прекрасный язычникъ! Но уже вѣрно не заставите сказать: вотъ истинный христіанинъ!“¹⁾.

Въ неудержимомъ стремленіи впередъ, современные поборники прогресса полагаютъ, что ученіе Церкви Христовой уже для нихъ недостаточно. Но—разсуждаетъ Іоаннъ: „жизнь есть мѣра ученія; ученіе оказывается неудовлетворительнымъ, когда жизнь вполнѣ его исчерпываетъ и, требуя уже чего нибудь лучшаго, побуждаетъ его идти впередъ себя далѣе. Но такова ли въ настоящее время жизнь христіанъ? Пусть лучше нашъ вѣкъ осмотрится и подумаетъ: не онъ ли болѣе отсталъ отъ ученія вѣры, чѣмъ оно отъ него“. А о тѣхъ, кто вѣренъ и послушенъ голосу Церкви, онъ замѣчаетъ: „да, мы люди отсталые и на удивленіе быстро бѣгущему впередъ насъ вѣку, хотимъ отстать еще болѣе“²⁾. „Человѣческій разумъ, Христомъ выведенный изъ тьмы вѣковыхъ религіозныхъ заблужденій“, является теперь измѣнникомъ и предателемъ Христа: „просвѣщенному разуму въ его современномъ развитіи слишкомъ тяжело стало иго вѣры, налагаемое на него Евангелиемъ...; онъ жаждетъ свободы, свободы мысли, свободы испытаній и убѣжденій“³⁾. Но къ чему ведетъ эта свобода? Не къ освобожденію только отъ авторитета откровенной религіи, а и къ постыдному рабству лже-вѣрью и грубѣйшимъ предразсудкамъ. „Откуда и къ намъ переходятъ величайшія нелѣпости подъ видомъ новыхъ религіозныхъ ученій, и самые дикіе вымыслы фантазій, возводимые на степень вѣрованій?—спрашиваетъ проповѣдникъ. Это все изъ странъ неограниченно-свободной совѣсти“⁴⁾. Взамѣнъ истины Христовой, проникающей „въ глубину существа и жизни міра“, обнимающей „всецѣло духъ и судьбы человѣчества“, въ современномъ безрелигіозномъ обществѣ господствуютъ „понятія частныя, идеи измѣнчивыя, умозаключенія поверхностныя, ограниченныя тѣснымъ кругомъ преходящей видимости и временной жизни человѣка“⁵⁾.

1) Стр. 65—66.

2) Стр. 58—59.

3) Стр. 107.

4) Стр. 55.

5) Стр. 11.

Мало этого: „люди образованные и несуетливые... съ вопросами своей души и жизни“ обращаются „помимо чистой, прямой вѣры въ Бога къ искусственнымъ средствамъ, чтобы вызвать какія то таинственныя откровенія, или мнимочудесныя силы“ ¹⁾. Такимъ образомъ, современное просвѣщеніе, по мнѣнію проповѣдника, скорѣе распространяетъ мракъ, нежели свѣтъ ²⁾. Пусть бы отрицатели приходили къ своимъ выводамъ послѣ безпристрастнаго и добросовѣстнаго изслѣдованія религиозныхъ вопросовъ. „Самыя сомнѣнія и возраженія... мыслящаго ума заслуживаютъ полнаго вниманія... Но что сказать о томъ несмысленномъ либерализмѣ, о томъ нелѣпомъ безвѣріи, которые отвергаютъ истинность и всякую обязательность ученія вѣры, не испытавъ въ немъ ничего, даже не потрудившись ознакомиться, какъ слѣдуетъ, съ его источниками? Это только безнравственность ума. И въ правѣ ли такіе умы требовать себѣ свободы?“ ³⁾.

Нравственныя понятія вѣка стоятъ въ неразрывной связи съ состояніемъ и направлениемъ просвѣщенія. Современное Іоанну общество, высоко цѣня свое просвѣщеніе, гордилось и своею нравственностью. Дѣйствительно, соглашается проповѣдникъ, наше время въ своихъ нравственныхъ понятіяхъ возвышается надъ вѣками прошедшими. „Но сознаетъ ли, помнитъ ли современный міръ, откуда взяты и выработаны эти понятія—понятіе правъ и требованіе справедливости, идея свободы и равноправности людей, развитіе нравственно-разумныхъ началъ жизни общественной?... Чѣмъ и какъ онѣ очищены и возвышены? Такія понятія могли быть выработаны только изъ глубины христіанства“ ⁴⁾. Быть можетъ, просвѣщенное человѣчество что-нибудь прибавило къ этимъ несомнѣнно христіанскаго происхожденія понятіямъ, очистило и возвысило ихъ? Нѣтъ, оно испортило и исказило ихъ. Современный міръ проповѣдуетъ любовь къ человѣку. Но „что много говорить о любви къ человѣку, когда въ основѣ этой любви нѣтъ отреченія отъ своего я..., нѣтъ той любви, которой духъ и образецъ показанъ міру, осуществленъ и за-

¹⁾ Стр. 209.

²⁾ Стр. 164.

³⁾ Стр. 56.

⁴⁾ Стр. 145.

вѣщанъ намъ въ крестной жертвѣ Богочеловѣка!.. Какую цѣну можетъ имѣть та человѣческая свобода, которой нынѣ домогаются всѣ народы..., если нѣтъ въ человѣчествѣ той внутренней нравственной свободы, которая искуплена и обезпечена намъ смертію Спасителя?“ 1) „Увы! даетъ себя знать эта новая нравственность безъ вѣры; отъ нея плачутъ семейства, страдаютъ общества, бѣдствуютъ въ своей гражданской жизни народы. Что за притча, что въ наше время наверху самыхъ развитыхъ обществъ, въ полномъ цвѣтѣ современной образованности, въ прекраснѣйшихъ по видимому созданіяхъ просвѣщеннаго вѣка, являются такъ нерѣдко образцы дикой безнравственности“ 2). Гуманность, одна изъ руководящихъ идей вѣка, часто обнаруживается въ формахъ, совершенно противорѣчащихъ христіанской любви къ ближнему. ˆ

Преосв. Іоаннъ возстаетъ противъ либеральнаго направленія мысли и жизни современнаго ему общества,— либеральнаго въ ущербъ истинно-христіанской свободѣ. Въ поученіи „въ день восшествія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича“, сказанномъ 19 Февр. 1868 года, Іоаннъ даетъ краснорѣчивое описаніе привлекательности и возвышенности свободы, равно какъ опасностей и золь, отъ нея происходящихъ. Все ищетъ свободы, „и добро стремится къ нему и зло рвется къ нему, и счастье скучаетъ и какъ будто не сознаетъ себя безъ него..; и язычество дорожило имъ и христіанство возвышаетъ его; но (свобода—) предметъ, вмѣстѣ и вождедѣльный и страшный, добрый и злой, возвышающій и губящій человѣка; это источникъ всѣхъ доблестей и всѣхъ паденій человѣка..; ничто столько, какъ свобода, не развязываетъ жизни и всѣхъ силъ человѣка, и ничто столько, какъ свобода, не требуетъ узъ. Но гдѣ же она, эта драгоценная свобода? Гдѣ именно свобода—безъ золь? Что дѣлаетъ человѣка дѣйствительно свободнымъ?“ Единственно правильное рѣшеніе этихъ вопросовъ дано навсегда Тѣмъ, Кто сказалъ: *уразумѣйте истину, и истина освѣтитъ васъ*

1) Стр. 146—147.

2) Стр. 53.

свободными (Іоан. 8, 32)¹⁾. Люди хотятъ рѣшить эти вопросы посвоему, помимо стремленія къ истинѣ—единственной и для всѣхъ необходимой—истинѣ христіанской. Но „скажите, вопрошаетъ проповѣдникъ, свободенъ ли человѣкъ, одержимый ложною мыслію ума, ложнымъ чувствомъ сердца, ложнымъ направлениемъ всей жизни?“ Отвѣтъ ясенъ; а современный человѣкъ именно такъ хочетъ понимать свободу, что она ведетъ къ подобнымъ состояніямъ—рабства, а не свободы. „Посмотрите на человѣка, увлекаемаго ложнымъ направлениемъ жизни. Свободенъ ли онъ? Свободенъ ли даже тогда, когда повидимому дѣлаетъ то, чего самъ хочетъ?.. Чѣмъ оканчивается такая жизнь? Зломъ; и человѣкъ, какъ будто уже не собственной мыслію, не собственнымъ чувствомъ предначертываетъ себѣ свой конецъ и не собственной волею несется къ нему, а какъ камень въ воду, какъ обвалъ съ горы, увлекается въ бездну собственной тяжестию внутренняго преобладающаго въ немъ зла, темною силою лжи, преодолевшей духъ съ потерей въ немъ нравственной свободы“²⁾.

Въ частности, преосв. Іоаннъ вооружается противъ ученія о свободѣ совѣсти, доведеннаго до крайности. Религіозная истина должна быть одна въ мірѣ и она то должна пользоваться исключительною свободою и неприкосновенностью. Но не то видимъ мы. „Говорятъ о свободѣ и неприкосновенности человѣческой совѣсти: а о свободѣ и неприкосновенности самой истины забыли“³⁾. Проповѣдуемая свобода совѣсти противна духу христіанскаго ученія. Христось сказалъ бы поборникамъ этой свободы, если бы они вздумали сопоставлять ее съ свободою христіанскою: „я не знаю вашей свободы совѣсти, духомъ вашего времени избрѣтенной, а преподаю людямъ положительное ученіе вѣры и прямо говорю: *кто не вѣруетъ, тотъ осужденъ будетъ* (Мр. 16, 16)⁴⁾. Терпимость въ религіи доходитъ теперь до того, что „ни одна религія не признается по преимуществу истинною и

1) Стр. 87—88.

2) Стр. 88—90.

3) Стр. 54.

4) Стр. 116—117.

слѣдовательно господствующею въ народѣ, а всѣ религіи объявляются равноправными;“ 1) терпимость—это основное начало новѣйшей государственной жизни—доходить до полнѣйшаго равнодушія къ религіи. Широкое примѣненіе принципа свободы совѣсти къ современной жизни, по убѣжденію преосв. Іоанна, грозитъ весьма печальными послѣдствіями. „Думаетъ ли современный міръ, спрашиваетъ онъ, къ какимъ неизобразимо—страшнымъ послѣдствіямъ въ концѣ концовъ онъ самъ себя приводитъ съ этою свободою совѣсти? Онъ долженъ будетъ или найти, помимо христіанства и Церкви, истину, которая убѣждала бы всякую свободную совѣсть и соединяла бы во имя этой истины всѣ свободныя совѣсти: неисполнимое дѣло, само себя разрушающее! Или предоставить каждую совѣсть самой себѣ, безъ убѣжденія и связи людей въ одной общей истинѣ: дѣло ужасное, угрожающее уничтоженіемъ въ мірѣ истины и совѣсти! Или наконецъ признать, что религія человѣку не нужна: страшно подумать!“ 2)

Есть ли основаніе превозносить свободу слова и печати и видѣть въ ней только одно доброе? Нѣтъ, отвѣчаетъ нашъ проповѣдникъ. „Подъ видомъ свободы слова и печати свободно распространяются, обобщаются и переходятъ въ дѣло общественной жизни самыя лживыя и вредныя мнѣнія“, которыя деспотически властвуютъ надъ умами людей 3).

Къ чему приводитъ требованіе свободы гражданской жизни? Къ неперестающей борьбѣ, къ ограниченію верховной власти, къ государственнымъ потрясеніямъ и народнымъ бурямъ 4). „Подъ видомъ свободы гражданской свободно развиваются самыя грубыя страсти и пороки, и ничѣмъ нестѣсняемые нравы получаютъ безпутное направленіе;.. подъ видомъ политической свободы своеволіе доходитъ до того, что теряется всякое ручательство общественнаго порядка и безопасности... Изъ свободы политической выражается самый жестокій деспотизмъ грубой силы или самаго коварнаго властолюбія“:

1) Стр. 123.

2) Стр. 68—69, ср. стр. 127.

3) Стр. 90, см. стр. 144—146.

4) Стр. 86.

внѣшняя, видимая свобода ведетъ такимъ образомъ къ рабству внутреннему, „въ какомъ находились древніе народы, когда, не зная истиннаго Бога и выдумавъ для себя боговъ по своимъ нелѣпымъ понятіямъ и страстямъ, они сами себя связывали въ жизни служеніемъ этимъ богамъ“. Эти народы, считающіеся свободными, не были таковыми, потому что „при всей своей образованности, при всемъ гражданскомъ развитіи, не могли двигаться впередъ“ ¹⁾. Проповѣдникъ въ доказательство своихъ сужденій о свободѣ, ссылается на „проявившіеся уже... въ нѣкоторыхъ странахъ печальные опыты и дѣйствія народныхъ и философскихъ идей о свободѣ, равенствѣ и братствѣ людей“ и на „еще болѣе ужасные опыты прошедшаго столѣтія“ ²⁾. Страсти народныя и политическія нашъ проповѣдникъ признаетъ въ особенности жестокими и безчеловѣчными ³⁾.

Время либеральныхъ вѣяній въ Россіи выдвинуло и вопросъ объ эмансипаціи женщины—объ „освобожденіи и возвышеніи правъ женской половины человѣческаго рода“, какъ выражается нашъ проповѣдникъ; этому вопросу онъ посвящаетъ бесѣду въ день Успенія Божіей Матери, сказанную въ 1868 году. Вотъ нѣкоторыя мысли проповѣдника, развиваемыя въ этой бесѣдѣ. Въ жизни Богоматери нашъ просвѣщенный вѣкъ можетъ найти отвѣтъ на поставленный вопросъ, если, конечно, онъ „признаетъ, что истинное достоинство и право человѣка раскрывается только въ христіанствѣ“ и „что Дѣва Марія есть возвышеннѣйшее и совершеннѣйшее проявленіе чистѣйшаго духа христіанства“ ⁴⁾. Прослѣдивъ всю жизнь Богоматери, мы убѣдимся въ томъ, что „смирена была Ея доля въ кругу величайшихъ событій тогда совершавшихся“ ⁵⁾; а „гдѣ же величіе и слава этой необыкновенной Дѣвы-Матери? Оставались внутри Ея самой. Значить... не путемъ внѣшней дѣятельности въ мірѣ должно было раскрыться все Ея значеніе... Таковъ перво-

¹⁾ Стр. 90—91.

²⁾ Стр. 149.

³⁾ Стр. 116.

⁴⁾ Стр. 189.

⁵⁾ Стр. 191.

образъ женщины въ христіанствѣ. Таковъ идеаль ея освобожденія и возвышенія. Что здѣсь служить основою идеала?— Совершенство нравственной чистоты“. Униженіе и порабощеніе женщины началось съ ея нравственнаго паденія ¹⁾, которое „довершилось потерей самообладанія, цѣломудренной сдержанности чувствъ и мира душевнаго, когда жена... потерявъ чистоту любви и искренность уваженія другаго пола, сама сдѣлалась соблазномъ въ мірѣ, и полная страстей стала игрищемъ страстей мужскихъ... Она стѣснена въ своихъ правахъ, потому что сама ими пожертвовала... Фиміамъ, повидимому воскресаемый предъ нею въ образованныя времена и въ образованномъ обществѣ, очень напоминаетъ тотъ фиміамъ, который язычники курили предъ своими обожаемыми статуями, обожая въ нихъ не ихъ самихъ и не воображаемыя въ нихъ вышнія существа, а собственные страсти въ нихъ олицетворенныя“. Что же „можетъ вывести женщину изъ униженія и порабощенія? Одно средство: съ возстановленіемъ нравственной чистоты, возвращеніе къ жизни сердца; съ удаленіемъ отъ внѣшнихъ дѣлъ и суетливыхъ тревогъ міра, соблюденіе нравственной тишины чувствъ и безмолвіе духа“ ²⁾.

Истинное призваніе женщины, законная сфера ея дѣятельности — воспитаніе дѣтей; но стремленіе къ эмансипаціи отвлекаетъ вниманіе женщины отъ этого священнаго ея долга и оттого домашнее воспитаніе стоитъ у насъ не на должной высотѣ. Но не лучше и воспитаніе общественное, столь мало подготовляющее питомцевъ къ жизни. Нерѣдко „воспитаніе обращается болѣе въ игру, чѣмъ въ серьезное дѣло., изъ самаго образованія хотятъ сдѣлать только наслажденіе для чувствъ, фантазіи, свѣтскихъ нравовъ“, но не для ума. У заведеній этого рода, при всемъ блескѣ ихъ внѣшняго устройства и силѣ ихъ внутренняго развитія „есть врагъ, который нерѣдко мститъ имъ жестоко за невниманіе къ нему. Этотъ врагъ—сама жизнь; это учитель суровый, неумолимый и необольстимый. Когда забавами ученія вытѣсняють его изъ среды училищъ, онъ становится за порогомъ ихъ и ожида-

¹⁾ Стр. 192—193. И вообще по Іоанну, корень и основа рабства—зло нравственное (см. выше стр. 271).

²⁾ Стр. 194—195.

еть тамъ выходящихъ изъ училищъ воспитанницъ; онъ схватываетъ ихъ въ свои тяжелыя руки, мчитъ ихъ по разнообразнымъ мытарствамъ житейскихъ заботъ и тревогъ, истязуетъ душу тяжкими скорбями, чтобы доказать всю несостоятельность образованія, ошибки воспитанія, заблужденія слишкомъ развитыхъ чувствъ и фантазій, и муку искусственно возбужденныхъ въ душѣ, но неудовлетворимыхъ въ дѣйствительности потребностей“ ¹⁾. Это—изъ рѣчи, сказанной въ Смоленскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія, и приведенныя слова относятся ближайшимъ образомъ къ воспитанію дѣвицъ привилегированныхъ сословій; но такъ же приблизительно воспитывались и юноши. Они, въ силу недочетовъ своего воспитанія и образованія, „были первыми и самыми ревностными учениками и послѣдователями новыхъ, вольномысленныхъ ученій, боготворителями человѣческаго разума и свободы, самыми рьяными проповѣдниками научнаго суда надъ Христомъ и... лжесвидѣтелями противъ Него“ ²⁾. Преимущественно, получившіе дурное воспитаніе юноши, недоучившіеся или переучившіеся, составляютъ ту толпу, которая имѣетъ „особенныя побужденія слѣдить за общественнымъ судомъ надъ Христомъ“. Эти люди „обыкновенно бродятъ около образованнаго общества, а очень не рѣдко и проникаютъ въ него“; они „постоянно фантазируютъ и никогда ни о чемъ серьезно не мыслятъ, мечтаютъ преобразовать весь міръ по схваченнымъ на лету изъ чужихъ головъ и книгъ идеямъ и теоріямъ, и отъ лѣни и невѣжества не знаютъ, что дѣлать съ самими собою“; это люди, „для которыхъ нѣтъ ни религіи, ни нравственности, ни законовъ, ни убѣжденій, ни семейныхъ и общественныхъ обязанностей и добродѣтелей, ни даже иногда—отечества“ ³⁾.

Одну изъ самыхъ послѣднихъ своихъ проповѣдей—бесѣду „въ день восшествія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича“, сказанную 19 Февр. 1869 г., Іоаннъ посвятилъ реформѣ судебной части; ея же касается онъ и въ нѣкоторыхъ другихъ бесѣдахъ.—Правленіе царствующаго императора „богато важными дѣлами;“ одно же изъ важ-

¹⁾ Стр. 39—40.

²⁾ Стр. 122.

³⁾ Стр. 121.

пѣйшихъ дѣль этого времени то, которое останавливаетъ вниманіе проповѣдника на словахъ псалма: *Боже, дай судъ твой царю и правду твою сыну царицы* (Пс. 71, 1) ¹⁾. Это изреченіе Псалмопѣвца обращаетъ мысль къ тѣмъ временамъ, когда не существовало сложной организаціи суда, когда и цари и судьи „судили большею частію по своему личному усмотрѣнію и внутреннему убѣжденію“; въ то время народъ не могъ не понимать, „что это основаніе суда, внутреннее убѣжденіе, можетъ быть спасено отъ вліянія человѣческихъ слабостей, страстей и злоупотребленій только тогда, когда проникнуто будетъ чисто Божескою правдою“. Въ основу нашего преобразованнаго суда полагаются „совѣсть и внутреннее убѣжденіе лицъ, произносящихъ судебныя приговоры... Какою болѣе вѣрною и сильною молитвою освятить и оградить эти новыя начала суда“, какъ не приведенною выше молитвою изъ псалма? Но человѣческая совѣсть—для того, чтобы быть основою суда, должна обладать особенными рѣдкими качествами, и сама по себѣ является большею частію недостаточною, Поэтому, при новыхъ началахъ суда, въ сущности, „вводится въ судъ какая то высшая правда, на которой должна опираться судящая совѣсть“ ²⁾. Нетрудно удовлетворить тѣмъ условіямъ, которыя требуетъ законъ отъ судей и присяжныхъ засѣдателей: „извѣстная степень образованія, извѣстныя качества внѣшней гражданской жизни, мѣра вещественнаго достоянія“; но это далеко не все: нужна чистая совѣсть судьи ³⁾. „Задачею хорошаго закона и суда должно быть—каратъ преступленіе и щадить преступника, уничтожать зло и—спасать человѣка. Но какъ это сдѣлать? этого не поняла и не сдѣлала правда человѣческая, но успѣла сдѣлать правда Божія“ ⁴⁾. Такимъ образомъ, преосв. Іоаннъ уясняетъ связь новыхъ началъ суда съ требованіями христіанской нравственности и необходимость проникновенія первыхъ вторыми. Кромѣ того, онъ отмѣчаетъ ложное направленіе правосудія, вытекающее изъ господствующихъ принциповъ эпохи. Современное общество,

¹⁾ Стр. 95.

²⁾ Стр. 96—98.

³⁾ Стр. 99.

⁴⁾ Стр. 101.

полагающее въ основу своихъ взаимныхъ отношеній гуманность, „любить оказывать величайшее снисхожденіе лицамъ подсудимымъ и всегда расположено болѣе извинять, даже оправдывать ихъ, чѣмъ осуждать..; оно отвращается всякихъ тяжкихъ, жестокихъ каръ надъ самыми преступными людьми, и никакъ не позволяетъ ни себѣ, ни суду никакихъ оскорбленій ихъ личности и поруганій“ ¹⁾. Чего же лучше? Это— истинно христіанская черта. Но въ существѣ дѣла эта любовь и снисходительность проистекаетъ изъ несовсѣмъ чистаго источника: въ основѣ ихъ лежитъ противухристіанское ученіе о нравственности. Эти, столь снисходительные по отношенію къ преступникамъ, люди „желали бы такъ преобразовать всѣ суды въ мірѣ, чтобы они судили и преслѣдовали только истину и вѣру, а не ложь и безвѣріе, которые съ какимъ-то особеннымъ, дикимъ наслажденіемъ любятъ видѣть освобожденіе даже такихъ лицъ, какъ... Варавва“ ²⁾. Въ такого рода отношеніи къ преступникамъ сквозить совсѣмъ нескрываема тенденція сдѣлать порокъ болѣе привлекательнымъ, такъ чтобы „всякая мерзость являлась незастѣнчиво, во очію всѣхъ и каждаго, во всей наготѣ, во всемъ своемъ отвратительномъ видѣ, даже съ нахальствомъ, даже съ самохвальствомъ“. А для этого „можно, напримѣръ, явное и самое тяжкое преступленіе обезвинить состояніемъ духа преступника; можно предоставить ему самому защищать себя откровеннымъ заявленіемъ, что онъ преступленіе по своему разуму и совѣсти не признаетъ преступленіемъ; можно гласно защищать его мнѣніемъ, что и другой на его мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже самое. И это даже называется уваженіемъ къ свободѣ убѣжденій и къ праву защиты“ ³⁾.

Начало новаго царствованія, положившее „начало новому движенію жизни народной“, Іоаннъ считаетъ гранью въ нашей исторіи между прошедшимъ и будущимъ Россіи, рѣзко раздѣляющей то и другое; признаетъ „богатымъ важными дѣлами“ ⁴⁾. Но что означаютъ многочисленныя коренныя преобразованія въ жизни государственной и общественной,

¹⁾ Стр. 114.

²⁾ Стр. 128.

³⁾ Стр. 155—156.

⁴⁾ Стр. 73 и 95.

каковы факторы реформаціоннаго движенія, и не опускается ли что-нибудь изъ виду его передовыми дѣятелями? Этими вопросами нашъ проповѣдникъ задается въ бесѣдѣ „въ день восшествія на престолъ Государя Императора Александра Николаевича“, произнесенной 19 Февр. 1867 г. „Впередѣ каждаго народа идетъ правительственная власть и сила, мудрость государственная, которая ведетъ народъ за собою... Отчего же государственная власть и сила и мудрость часто вынуждена бываетъ мѣнять свои идеи и стремленія, въ сознаніи, что пошла не тѣмъ путемъ, которымъ народу надобно идти къ своему счастью?“ Отчего же одинъ изъ передовыхъ дѣятелей „торжественно объявляетъ, что онъ какъ будто не то дѣлаетъ, чего самъ хотѣлъ; другой въ изумленіи останавливается предъ неожиданными для него самого послѣдствіями собственныхъ дѣлъ?... Да, видно есть въ мірѣ сила высшая, чѣмъ геніи человѣчества“ ¹⁾. Повидимому, можно искать ключа къ тайнамъ народныхъ судебъ въ умозрительно—гражданскомъ просвѣщеніи—этой могучей силѣ, вырабатывающей широкія и высокія идеи и теоріи. „Но „судьбы народовъ... поглощаютъ всякую идею и теорію, и въ своемъ горнилѣ перерабатываютъ ихъ такъ, что часто выходитъ то, что ни какому философу и политику и не грезилося“. Помимо политической мудрости и социальныхъ теорій, есть еще сила, „присвоившая себѣ право рѣшенія народныхъ судебъ...: это *сила оружія*“. Но эта сила только „рѣшала судьбу властолюбія, честолюбія, политическихъ домогательствъ или соперничествъ... и болѣе или менѣе измѣняла внѣшнюю жизнь“ народовъ. Но часто побѣжденные народы „одною своею нравственною крѣпостью притупляли всякую силу оружія“. Теперь, когда люди въ совершенствѣ поняли все ужасное зло войны, когда просвѣщеніе проповѣдуетъ миръ постоянный, теперь-то изобрѣтаются невѣроятныя по силѣ истребленія смертоносныя орудія; теперь болѣе, чѣмъ когда либо народы не довѣряютъ другъ другу и стоятъ вооруженными одинъ противъ другого. „И для такого неестественнаго состоянія народовъ придумано нынѣ великолѣпное слово: вооруженный миръ!“ Итакъ, не забыто ли что-нибудь вершителями народныхъ судебъ? „Не забыта ли,

¹⁾ Стр. 75—77.

напр., таинственная рука, которая въ то время, когда никто ни о какой рукѣ не думалъ, среди упоенія побѣдъ и могущества, писала на стѣнѣ въ трехъ словахъ судьбу цѣлаго царства?“ 1)

Такимъ образомъ, въ своихъ смоленскихъ поученіяхъ преосв. Іоаннъ касается всѣхъ жгучихъ вопросовъ времени къ области общественной и интеллектуальной жизни. Онъ говоритъ объ отношеніи вѣры къ прогрессу, о матеріализмѣ, о механическихъ законахъ бытія, о ложномъ направленіи современнаго просвѣщенія, о гуманности, о свободѣ совѣсти и вѣроисповѣданія, о политической свободѣ, объ эмансипаціи женщины, о реформированномъ судѣ, о свободѣ слова и печати, о гласности, о господствѣ отрицательныхъ теорій надъ умами молодого поколѣнія и пр. и пр. Только крестьянская реформа и вопросъ о народномъ образованіи проповѣдникомъ уже не затрагиваются.

Но за этотъ же смоленскій періодъ мы встрѣчаемся и съ такими поученіями Іоанна, гдѣ онъ является исключительно какъ пастырь, учитель нравственности, или замыкается въ узкую сферу духовнаго быта и своихъ чисто пастырскихъ отношеній къ обществу. Свою первую рѣчь по прибытіи въ Смоленскъ (6 Декабря 1866 г.) Іоаннъ посвящаетъ общему разъясненію вопроса объ отношеніяхъ пастыря и паствы. Начинается эта рѣчь довольно заурядно—съ *captatio benevolentiae*: новоприбывшій архипастырь свидѣтельствуетъ о добромъ впечатлѣніи, какое на него произвела на самыхъ первыхъ порахъ ввѣренная ему паства. Далѣе онъ переходитъ къ выясненію той мысли, что „любовь и единеніе духа между пастыремъ и паствою“ такая „сила нравственная, которая много можетъ сдѣлать и въ духовной и въ общественной жизни нашей, и въ дѣлахъ вѣры и въ нравахъ народныхъ, и въ пользахъ Церкви и въ благѣ гражданскомъ“; обязанности пастыря-епископа, по Іоанну, заключаются въ высшемъ руководствѣ народомъ „на всемъ пути духовной жизни“ 2). Что такое паства?—спрашиваетъ затѣмъ Іоаннъ. Вотъ его отвѣтъ на этотъ вопросъ: паства „не опредѣленный только округъ населенія, подчиненнаго въ церковномъ отно-

1) Стр. 77—80.

2) Стр. 1—2.

шеніи мѣстному пастырю, не собраніе только молящихся людей въ церкви, не просто—стадо овецъ, безмолвно слушающихъ своего пастыря, когда онъ поучаетъ, и также молча принимающихъ отъ него благословеніе, когда того сами захотятъ, вообще же безгласныхъ въ дѣлахъ вѣры и Церкви... Нѣтъ!.. паства—это живое тѣло Церкви, это также дѣятель въ Церкви, котораго нравственная сила должна воздѣйствовать не къ одному внѣшнему богоустроенію Церкви, но и ко внутреннему утверженію религіозныхъ началъ и стремленій въ цѣломъ народѣ..; паства—это наконецъ крѣпость, которая должна быть оплотомъ для самой религіи и Церкви противу разнообразныхъ, враждебныхъ ей силъ и вліяній въ мірѣ... Судите же, при такомъ значеніи пастыря и паствы, какова должна быть мощь, составленная изъ этихъ двухъ силъ... Это мощь... ..несокрушимая, даже страшная.. всякому врагу и всякому вражескому устремленію противъ народной вѣры и Церкви.., особенно въ настоящее время“—дѣлаетъ проповѣдникъ выводъ изъ данныхъ опредѣленій пастыря и паствы. Разумѣется пастырь-епископъ. Подчиненные же ему пастыри должны быть „проводниками высшаго пастырскаго духа въ жизнь народа и истиннаго духа народнаго въ жизнь и дѣятельность пастыря“¹⁾. Говоря о воспитаніи дѣвицъ духовнаго званія въ епархіальныхъ училищахъ, Іоаннъ имѣетъ въ виду тѣ требованія, которыя темная захолустная деревня можетъ предъявить къ женѣ сельскаго священника, какъ единственной нерѣдко развитой женщиной въ цѣломъ селеніи. На необходимость такой женщины въ средѣ крестьянокъ указываетъ и „доходящая до крайней степени невѣжества и немыслия неразвитость“, и „неодолимое упорство въ грубѣйшихъ суевѣріяхъ“, и „совершенное неумѣніе обращаться съ дѣтьми“, и „отсутствіе всякой помощи въ болѣзняхъ“²⁾.

Въ двухъ поученіяхъ, сказанныхъ въ женскихъ монастыряхъ, Смоленскомъ и Вяземскомъ, преосв. Іоаннъ обсуждаетъ вопросы монастырской жизни, безъ нарочитаго примѣненія къ современности. „Отчего происходятъ всѣ несчастія въ обителяхъ иноческихъ?“ — спрашиваетъ проповѣдникъ и

¹⁾ Стр. 3—4.

²⁾ Стр. 39, 38.

даетъ такой отвѣтъ: „именно оттого, что недостаесть полной отрѣшенности отъ міра, что многое переходитъ въ нихъ изъ міра. Судите сами, какому совершенству духовному и какому, слѣдовательно, блаженству души быть въ иночествѣ, когда переносятся въ него мірскія понятія, нравы, обычаи, притязанія, даже страсти, когда самое вѣднѣе благоустройство монастырей измѣряется по мірскимъ взглядамъ? Вотъ, напр., я слышу о бѣдности вашей обители: но если при этомъ она не бѣдна внутреннею духовною жизнію, то я не поскорбѣлъ бы о вашей скудости, а еще призналъ бы ее вѣнцомъ иноческой жизни... Смотри на васъ и на вашу скудость, мы прославили бы Бога о томъ, что есть еще въ наше время, уже вовсе не иноческое, истинное подвижничество“ ¹⁾. Монахиня Вяземскаго женскаго монастыря святитель-проповѣдникъ проситъ помочь ему „отвѣчать міру на его докучливые вопросы противъ монашества“, говоря: „я не заставляю васъ богословствовать, или спорить съ міромъ на словахъ. Пусть ваше иночество само отвѣчаетъ за себя. Гдѣ оно, ваше иночество? Покажите его міру. Ваше черное одѣяніе—не отвѣтъ; ваше множество—не отвѣтъ; все видимое устройство вашего монастыря—не отвѣтъ;.. вся наружная обстановка вашей жизни и соблюденіе внѣшнихъ уставовъ монастырскихъ—не отвѣтъ. Ваши обѣты? Но это только основаніе иночества, а еще не дѣйствительное иночество. Покажите ваше иночество изъ глубины душъ вашихъ, изъ существа вашей внутренней жизни... Покажите всю красоту и высоту иночества въ его дѣйствительности.., въ вашихъ нравственныхъ совершенствахъ. Тогда міръ пойметъ, для чего существуетъ монашество... Увидѣлъ бы я такое сокровище иночества и сказалъ бы: „вотъ мой отвѣтъ міру“,— и не сказалъ бы ничего болѣе“. Но если въ цѣломъ монастырѣ нѣтъ совсѣмъ истинныхъ подвижницъ, „тогда что я скажу міру, если онъ вздумаетъ спросить: „для чего существуетъ у тебя Вяземскій женскій монастырь?“ ²⁾ Въ заключеніи, проповѣдникъ спрашиваетъ насельницъ обители: „свѣтитъ ли ваша обитель въ округѣ какъ звѣзда надъ землею, какъ маякъ надъ волнами, по крайней мѣрѣ какъ свѣча въ

¹⁾ Стр. 48—50.

²⁾ Стр. 221—223.

темнотѣ?“ 1) Таково назначеніе обителѣй, окруженныхъ міромъ съ его суетою и соблазнами.

V.

Преосв. Іоаннъ интересуеть насъ не только какъ проповѣдникъ вообще, а какъ родоначальникъ новаго направленія въ проповѣди—современнаго, жизненно-практическаго. Христіанскія истины можно излагать или отвлеченно, внѣ связи съ интересами и запросами времени, или въ соотвѣтствіи съ ними. Можно звать христіанъ къ нравственному совершенству, выясняя всю возвышенность и внутреннюю красоту истинно-христіанской жизни; но можно, не отвлекая ихъ вниманія отъ житейскихъ заботъ, интересовъ и трудовъ, вносить въ повседневную жизнь свѣтъ Христова ученія. Болѣе дѣйственнымъ и удобопримѣнимымъ къ огромному большинству христіанъ необходимо признать второй способъ наученія истинамъ вѣры и жизни по вѣрѣ.—какъ не игнорирующій тѣ нужды и интересы, которыя въ данное время владѣють умами и сердцама слушателей. Что касается современности проповѣди, то въ этомъ отношеніи проповѣдникъ можетъ не только касаться опредѣленно поставленныхъ вопросовъ времени, но и идти впереди общества, предуказывать, по какому пути должна пойти общественная жизнь въ ближайшее будущее, если общество хочетъ по праву носить званіе христіанскаго. Въ предисловіи къ первому изданію проповѣдей Іоанна, сказанныхъ Смоленской паствѣ, въ слѣдующихъ словахъ отмѣчена эта особенность его проповѣдничества: „онъ чутьемъ отгадывалъ потребность раскрытія слушателямъ тѣхъ именно мыслей, которыя только еще напрашиваются на уясненіе, находятся въ умахъ многихъ въ видѣ темныхъ, неопредѣленныхъ понятій, не имѣющихъ формы, но ожидающихъ уже, чтобы кто нибудь нашелъ приличное слово для ихъ выраженія и уяснилъ ихъ сознанію общества“. 2) Мы видѣли, что Іоаннъ, напр., въ крестьянскомъ вопросѣ идетъ, можно сказать, впереди дѣятелей осво-

1) Стр. 225.

2) Бесѣды, поученія и рѣчи Іоанна, Епископа Смоленскаго, сказанныя Смоленской паствѣ. Смоленскъ. 1871. Стр. Ш.

божденія, является руководителемъ общества. Проф. Барсовъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ характеризуетъ Іоанна, какъ проповѣдника современнаго: „современные общественные вопросы у него служатъ не поводомъ только или риторической прикрасой проповѣди, но темой, предметомъ цѣлой проповѣди... Онъ исчерпываетъ тотъ или иной общественный или социальный вопросъ вполне и аподиктически, не оставляя ничего недосказаннаго и невыясненнаго, не порождая въ умѣ слушателя никакихъ недоумѣній и сомнѣній... При помощи тонкаго психологическаго анализа онъ выясняетъ слушателямъ ихъ собственное душевное состояніе“. ¹⁾

Іоаннъ берется за разрѣшеніе современныхъ общественныхъ вопросовъ не потому, что они привлекаютъ его исключительное вниманіе сами по себѣ; онъ хочетъ эти вопросы освѣтить свѣтомъ Евангелія и найти для нихъ рѣшеніе не по духу міра, не внѣ связи съ важнѣйшими для христіанина вопросами вѣры и жизни. Онъ не хочетъ оставлять „на произволь міра вопросы времени, касающіеся вѣры, Церкви“ и ея служителей. ²⁾ Онъ доказываетъ, что въ то время, „когда поднимаются рѣзкіе вопросы, направленные къ самымъ основамъ жизни народной, когда умы приходятъ въ сильное напряженіе, и развиваютъ совершенно новыя идеи и стремленія въ обществѣ нашемъ, когда возникаютъ мысли о коренныхъ преобразованіяхъ въ Россіи“, болѣе, чѣмъ когда либо, необходимо „крѣпко стоять на точкѣ вѣры“. ³⁾ Проповѣдникъ вѣру считаетъ оплотомъ русской народности и самобытности и средствомъ противъ вторженія чуждыхъ и враждебныхъ русскому духу началъ. Самъ преосв. Іоаннъ, какъ проповѣдникъ, „крѣпко стоитъ на точкѣ вѣры“, не оставляя притомъ безъ вниманія запросовъ современности; онъ излагаетъ Христово ученіе именно въ соотвѣтствіи съ этими запросами своего времени. Въ одной изъ бесѣдъ „въ послѣдніе дни Великаго поста“ (въ 1868 г.) онъ говоритъ: „я хотѣлъ, братія мои, въ бесѣдахъ настоя-

¹⁾ Христ. Чит. 1872 г., ч. III, стр. 424—425.—Ср. конецъ 424 стр. и первую половину 425 съ III стр. предисловія къ 1-му изданію проповѣдей Іоанна, сословъ: „Способность формулировать современные религіозные вопросы“.

²⁾ Христ. Чит. 1865 г., ч. I, стр. 66.

³⁾ Тамъ же, стр. 205.

щей седмицы раскрыть вамъ особенное, чрезвычайное значеніе страданій Христовыхъ, собственно для нашего времени. Сочувствуете вы или не сочувствуете духу времени, покоряетесь или не покоряетесь его силѣ и увлеченіямъ, во всякомъ случаѣ утвердите въ душѣ своей мысль и сознание этого современнаго значенія креста Христова: да будетъ оно для васъ руководствомъ, опорой и утѣшеніемъ въ настоящемъ вѣкѣ“. Онъ увѣренъ, что и современное человѣчество можетъ воскреснуть къ новой лучшей жизни не иначе, какъ силою креста Спасителя. ¹⁾

Русское интеллигентное общество той эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ преосв. Іоаннъ, дѣлилось, какъ извѣстно, на два лагера: славянофиловъ и западниковъ. Пастыри-проповѣдники того времени и, въ частности, преосв. Іоаннъ примыкали къ партіи славянофильской, для представителей которой вопросы вѣры имѣли существенно важное значеніе. Проф. Барсовъ пишетъ о нашемъ проповѣдникѣ слѣдующее: „москвичъ родомъ, выросшій и воспитавшійся въ древней столицѣ въ то самое время, когда около С. Т. Аксакова и А. С. Хомякова группировалось тамъ все, что было въ ней интеллигентнаго, преосвящ. Іоаннъ не могъ не увлечься столь симпатичнымъ для человѣка духовной школы религіознымъ направленіемъ тогдашняго славянофильства со всѣмъ жаромъ даровитой юности“. ²⁾

Слѣды славянофильскихъ воззрѣній можно находить почти въ каждомъ его поученіи жизненно-практическаго направленія. Въ частности, онъ съ полною опредѣленностью проводить мысль о самобытности Россіи и потому отрицательно относится къ Петровской реформѣ, которая пыталась перестроить русскую жизнь на иноземный ладъ. Въ словѣ „о вѣрѣ въ народномъ просвѣщеніи Россіи“ Іоаннъ разсуждаетъ: „когда великій преобразователь Россіи захотѣлъ, во что бы то ни стало, внѣдрить въ отечество иноземное просвѣщеніе, не разбирая его духа и не слишкомъ заботясь о духѣ своего народа: что вышло? Народъ раздѣлился: одна часть пристала къ иноземному образованію, къ другой оно не пристало. Чтожъ, много ли народности и русскаго духа

¹⁾ ВПР², 169.

²⁾ Христ. Чт. 1872 г., ч. III, стр. 429.

оказалось въ томъ кругѣ, гдѣ это образованіе схвачено безъ разбору?“ Въ характерѣ этого образованія сказалась „жалкая подражательность, раболѣпство и униженіе предъ всѣмъ иностраннымъ, бездушная мода“... Въ существѣ дѣла „европейская наука, цивилизація, народная общепользная дѣятельность“ и не были насаждены на русской почвѣ, несмотря на всѣ усилія, и Россія откровенно должна сознаться, „что она далеко, далеко отстала отъ Европы“. Но этого мало: насильственное насажденіе иноземнаго образованія было причиною появленія русскаго раскола. (Опредѣленіе раскола, данное преосв. Іоанномъ, приведено выше на стр. 281) ¹⁾.

Опора русской самобытности—его вѣра. „Это его духовная сила—говорить Іоаннъ: это корень его внутренней жизни и духъ его жизни исторической... Народъ русскій не можетъ быть не православнымъ: иначе онъ пересталъ бы быть русскимъ“ ²⁾. „Для Россіи есть своя самобытная школа и ограда истиннаго просвѣщенія—церковь, которая изначала воспитала и возрастила отечество наше въ своихъ нѣдрахъ: доколѣ отечество наше сохранить свой духовный союзъ и единеніе съ церковію, дотолѣ пребудетъ въ немъ истинный свѣтъ, и тьма его не объиметь“. ³⁾ Не для чего, слѣдовательно, русскому народу обращаться къ инославному Западу, заимствовать оттуда чуждое ему просвѣщеніе.

Изъ изложеннаго выше само собою ясно, на чьей сторонѣ симпатіи нашего проповѣдника—на сторонѣ ли готовой со всѣмъ оторваться отъ родной почвы интеллигенціи или на сторонѣ простого народа, остающагося вѣрнымъ началамъ самобытности. По замѣчанію проф. Барсова, „дума о народѣ народномъ благѣ, народномъ образованіи, всякаго рода народномъ преспѣяніи сопутствуетъ ему неразлучно, о чемъ бы онъ ни разсуждалъ въ своей проповѣди“. ⁴⁾

Какъ учитель церковный, преосв. Іоаннъ и въ своихъ поученіяхъ публицистическаго характера всюду настаиваетъ на преимущественномъ значеніи и въ жизни каждаго чело-вѣка и цѣлыхъ обществъ и народовъ нравственности — не

1) Правосл. Собес. 1859 г., ч. I. стр. 79—80.

2) ВПР², 238.

3) Христ. Чт. 1874 г., ч. II, стр. 201; ср. выше стр. 268.

4) Христ. Чт. 1872 г., ч. III, стр. 429.

автономной, пригомъ, а основанной на религіи. Всѣ бѣдствія и нестроенія жизни въ своемъ основаніи имѣють зло нравственное: оно—корень рабства, оно — причина униженнаго, неравноправнаго положенія женщины. Отчего столько зла замѣчается въ современной жизни, когда люди проникнуты, повидимому, самыми благородными стремленіями, когда готовы оказывать помощь всякому нуждающемуся, поступаться своими правами въ пользу униженныхъ и слабыхъ, прощать преступленія имѣвшимъ несчастіе совершить ихъ — въ той мысли, что всѣ безвинны въ проступкѣ одного? При всемъ сходствѣ, на первый взглядъ, этой гуманитарной морали съ христіанскою нравственностью, между ними оказывается глубокое различіе. Между представителями современной цивилизаціи господствуетъ, по выраженію проповѣдника, „поверхностная, бездушная, безжизненная гуманность, которая только придаетъ мягкія формы грубымъ въ духѣ нравамъ. только потворствуетъ человѣческимъ слабостямъ и готова жертвовать имъ строгостью нравственныхъ правилъ, но нисколько не мѣшаетъ ненавидѣть и убивать другъ друга, по побужденіямъ страстей, особенно же тѣхъ страстей, жестокихъ и безчеловѣчныхъ, каковы страсти народныя и политическія“. ¹⁾ Кромѣ того, немало и такихъ людей, которые отвергаютъ всякую вѣру и всякую нравственность. Поэтому-то преосв. Іоаннъ съ особенною настойчивостью убѣждаетъ слушателей, что при проведеніи дѣйствительно благодѣтельныхъ реформъ нельзя оставлять безъ вниманія нравственной стороны: въ ней залогъ прочности и плодотворности всякихъ начинаній.

Поскольку современная нашему проповѣднику дѣйствительность отличалась отрицательнымъ и крайне либеральнымъ характеромъ, постольку его учительная дѣятельность является обличительною. По замѣчанію проф. Барсова, „дѣлая современность главнымъ предметомъ своей бесѣды, проповѣдникъ большею частію является обличителемъ“. ²⁾ Но здѣсь онъ чуждъ увлеченія и пристрастности и не становится ожесточеннымъ противникомъ всего современнаго ему движенія, а различаетъ хорошее отъ дурнаго. Романскій

¹⁾ БИР², стр. 116.

²⁾ Христ. Чт. 1872 г., ч. III, стр. 437.

дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „нашего проповѣдника печалитъ не прогрессивный характеръ современности, за который въ принципѣ онъ самъ твердо стоитъ и которому, говоря вообще, глубоко сочувствуетъ., а то, что современность стоитъ на неправильномъ пути“. ¹⁾ Для примѣра можно сослаться на его слово „объ освобожденіи крестьянъ“; противникомъ этой реформы былъ, какъ извѣстно, самъ митрополитъ Филаретъ, а у Іоанна читаемъ: „можетъ ли Церковь не сочувствовать... молитвѣ тѣхъ милліоновъ, которымъ благосердіе Царя возвѣщаетъ свободу... Теперь, когда дѣло освобожденія ихъ такъ сильно занимаетъ всю Россію, такъ близко къ сердцу всего русскаго народа, можетъ ли и Церковь не отозваться своимъ голосомъ на вопросъ объ этомъ дѣлѣ“? ²⁾ Далѣе онъ горячо и убѣдительно доказываетъ, что рабовладѣніе нетерпимо, что оно ведетъ къ страшнымъ злоупотребленіямъ и насилію, что время устранить эту ненормальность въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ. Но онъ не хочетъ упустить изъ виду нравственной стороны вопроса и пытается „выяснить его съ христіански-религіозной точки зрѣнія, чтобы приготовить для рѣшенія его высшія, нравственныя начала“. ³⁾ То же замѣчаемъ и въ другихъ словахъ Іоанна, касающихся иныхъ вопросовъ общественной жизни того времени.

Въ характерѣ проповѣдничества Іоанна нельзя не замѣтить, далѣе, что онъ является искреннимъ, твердо убѣжденнымъ и авторитетнымъ церковнымъ учителемъ. О немъ можно сказать, что онъ училъ „со властію“, а не такъ, какъ нѣкоторые изъ книжниковъ и фарисеевъ и прежнихъ и позднѣйшихъ временъ, льстящихъ своимъ слушателямъ и поддѣлывающихся подъ ихъ нерѣдко грубые и извращенные вкусы. Быть можетъ, эта властность слова Іоаннова иногда выходила изъ должныхъ предѣловъ. Такъ на проф. Кипарисова очень неблагопріятное впечатлѣніе произвело изреченіе Іоанна въ словѣ при дворянскихъ выборахъ въ С.-Петербургѣ, сказанномъ 27 Февраля 1866 г.: „Народъ!

¹⁾ Стр. 45, пр. 1.

²⁾ Правосл. Собес. 1859, I, 334.

³⁾ Стр. 335.

помни Бога!“ — изреченіе, употребляемое здѣсь дважды. ¹⁾ Говоря о характерѣ проповѣдничества Макарія, митрополита Московскаго, Кипарисовъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: „Макарій не позволялъ себѣ обращаться въ проповѣди съ грозными, чтобы не сказать—гордыми словами, съ какими обращался другой проповѣдникъ: „народъ! помни Бога!“ ²⁾ Во всякомъ случаѣ, скажемъ мы, слова эти — если не гордая, то властная. Подобныя выраженія нерѣдко встрѣчаются у Іоанна и въ другихъ его словахъ. „Помни Россія, что въ тотъ день, когда ты посягнешь на свою вѣру, ты—посягнешь на свою жизнь“—такъ заканчивается рѣчь „о вѣрѣ въ народномъ просвѣщеніи Россіи“. ³⁾ Въ бесѣдѣ „при началѣ ученія“, упомянувъ о томъ, что современный прогрессъ безсиленъ въ борьбѣ съ нуждою и бѣдствіями человѣчества, проповѣдникъ обращается съ такимъ требованіемъ: „дайте же по крайней мѣрѣ утѣшеніе! Дай утѣшеніе прежде всего—ты, современный прогрессъ“. ⁴⁾ Зная, какими талантами обладала произносившій съ кафедры эти и подобныя изреченія, мы не поставимъ ихъ въ упрекъ нашему проповѣднику и не сочтемъ неумѣстными или неудобными вообще. Но пусть въ этомъ отношеніи преосв. Іоаннъ не служитъ образцомъ для подражанія нашимъ — особенно, молодымъ и начинающимъ проповѣдникамъ: имъ совсѣмъ не пристало, напр., запросто бесѣдовать съ церковной кафедрой не съ однимъ—другимъ десяткомъ наличныхъ слушателей, а съ цѣлымъ своимъ отечествомъ, давать ему совѣты, дѣлать предостереженія и т. д.

Нѣкоторая суровость и прямота проглядываетъ во многихъ случаяхъ какъ въ содержаніи, такъ и въ самомъ изложеніи поученій Іоанна. Вотъ что, напр., говоритъ онъ мірскимъ посѣтителямъ монастырскихъ храмовъ въ поученіи, сказанномъ въ Смоленскомъ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ: „вамъ, приходящимъ сюда изъ міра только на часъ молитвы, или для случайныхъ посѣщеній, можетъ быть еще не всегда

¹⁾ БПР². стр. 234 и 240.

²⁾ *Кипарисовъ*, Митрополитъ Московскій Макарій (Булгаковъ), какъ проповѣдникъ. Сергіевъ Посадъ. 1893. Стр. 158.

³⁾ Правосл. Собес. 1859 г., ч. I, стр. 86.

⁴⁾ Правосл. Собес. 1858 г., ч. III, стр. 363.

благовременныхъ и благопотребныхъ для обители, я не буду долго объяснять, съ какими мыслями и чувствами вы должны переступить здѣшніе пороги. Представьте себѣ только, что предъ вами вдругъ открылись бы, хотя на минуту, предѣлы видимаго міра: чтобы вы сдѣлали? вѣрно вы — или собравши всѣ свои мысли и чувства, всею силою души устремили бы ихъ къ Богу, ощущая близость иного міра и уже не думая о здѣшнемъ, или въ страхѣ за себя, за свое ничтожество предъ такимъ необычайнымъ зрѣлищемъ, поспѣшили бы отдалиться отъ него“. 1) Не хотѣлъ, вѣрно, и думать архипастырь — проповѣдникъ о томъ, что его слова могутъ повліять въ нежелательномъ смыслѣ на количество мірскихъ посѣтителей иноческихъ обителей. Не избѣгаль пр. Іоаннъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и рѣзкихъ, укоризненныхъ выраженій. Такъ въ одной его бесѣдѣ читаемъ: „что сказать о томъ несмысленномъ либерализмѣ, о томъ нелѣпомъ безвѣріи, которые отвергаютъ истинность и всякую обязательность ученія вѣры..? Это только безнравственность ума. И въ правѣ ли такіе умы требовать себѣ свободы? И что это была бы за свобода и къ чему бы она повела въ обществѣ.., въ которомъ... господствуетъ привычка схватывать на лету и безсознательно и безотчетно повторять чужія мысли и слова, особенно иностранныя? И вотъ, когда въ такомъ обществѣ встрѣчаются либеральные мыслители по предметамъ религіи, о многихъ и многихъ изъ нихъ сказать, право, нечего, кромѣ словъ псалмопѣвца: *сказалъ кто-то въ сердцѣ своемъ—нѣтъ Бога, и это сказалъ—глупецъ*“. 2)

Обсуждая съ церковной кафедры современные общественные вопросы, Іоаннъ освѣщаетъ ихъ исключительно съ нравственно-религіозной точки зрѣнія; а освѣщеніе подобныхъ вопросовъ съ другихъ точекъ зрѣнія онъ считаетъ вмѣшательствомъ въ чужія дѣла. Въ словѣ „объ освобожденіи крестьянъ“ читаемъ: „мы не судимъ ни чьей совѣсти: мы не позволяемъ себѣ вмѣшиваться въ чужія дѣла. Мы даже готовы оставить настоящее время, когда уже измѣняются отношенія господства и рабства, и лучше обратиться къ старому времени“. И еще: „не здѣсь, и не наше дѣло разсмат-

1) БПР². 50.

2) Тамъ же, стр. 56.

ривать подробности этого вопроса, или гражданскія основанія для его рѣшенія. А вотъ, неуждно ли прислушать, какія основанія для такихъ вопросовъ изложены въ древнемъ законѣ Божиѣмъ“? ¹⁾ Въ бес. 5 „о народномъ покаяніи“ Іоаннъ говоритъ: „мы не судимъ и не обвиняемъ никого: мы только предлагаемъ исповѣдныя вопросы, предоставляя отвѣчать на нихъ совѣсти общенародной и личной“. ²⁾

Уже изъ характеристики личности преосв. Іоанна выяснилось, что онъ былъ совершенно чуждъ лести; а неумѣстность ея на церковной каѳедрѣ онъ съ полною опредѣленностью выяснилъ въ „загородномъ поученіи“ въ слѣдующихъ словахъ: „не хочу я и въ глазахъ другихъ наводить на мое слово краски лести... Да не будетъ! И на каѳедрѣ священной, и вездѣ и всегда рѣчь моя да будетъ чужда лести, этой отравы истины, предъ кѣмъ бы ни говорилъ я! Да не расточаетъ легко языкъ мой и не льстивыхъ похвалъ видимымъ достоинствамъ человѣка, чтобы не приносить съ собою суда человѣческаго, предъ которымъ не раскрыта внутренняя жизнь человѣка, на мѣсто суда Божія, который одинъ долженъ я возвѣщать предъ Божиимъ престоломъ на земли. Страшно хвалить людей, когда говоримъ предъ лицомъ Бога и отъ Его имени“. ³⁾

Отмѣченныя выше качества проповѣди Іоанна — прямота, суровость и властность не подавляютъ въ немъ движеній чувства; и у него немало найдемъ мѣстъ, отмѣченныхъ высокимъ подъемомъ духа, въ полномъ смыслѣ патетическихъ. Эту особенность отмѣчаетъ проф. Барсовъ въ слѣдующемъ замѣчаніи: „человѣкъ, по установившемуся о немъ понятію, черствый и сухой, строгій отвлеченный мыслитель, преосвящ. Іоаннъ въ... своихъ проповѣдяхъ неожиданно является человѣкомъ теплої души, съ широко-развитыми симпатіями, съ нѣжностію и задушевностію чувства“. ⁴⁾ Отсюда его отзывчивость и внимательность ко всѣмъ явленіямъ жизни, для другихъ едва замѣтнымъ и не вызывающимъ на сочувственное отношеніе. Съ неподдѣльною искренностію Іоаннъ изображаетъ

¹⁾ Правосл. Собес. 1859 г., ч. I, стр. 342 и 345.

²⁾ Христ. Чт. 1865 г., ч. I, стр. 216.

³⁾ Христ. Чт. 1866 г., ч. I, стр. 490.

⁴⁾ Христ. Чт. 1872 г., ч. III, стр. 426—427.

епархіальныя женскія училища, въ то время чрезвычайно скудно обставленныя въ матеріальномъ отношеніи. „Сама жизнь, наша сословная жизнь, устроила это училище такъ, что нечѣмъ вознаградить учителей за труды—говоритъ Іоаннъ въ Смоленскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія. Сама жизнь шьетъ воспитанницамъ ихъ же собственными руками рубашки изъ грубѣйшаго деревенскаго полотна, которое поселянки приносятъ отъ своего усердія къ чудотворной Смоленской иконѣ Богоматери, а мы отъ нея передаемъ сюда; сама жизнь водить здѣсь воспитанницъ на кухню и огородъ, гдѣ онѣ не иначе—какъ по ея указаніямъ, сами готовятъ себѣ не затѣйливую пиццу“. ¹⁾ Опасаясь за направленіе воспитанія дѣтей современныхъ ему аристократовъ, оставившихъ, по большей части безъ вниманія религіозную сторону, преосв. Іоаннъ въ „загородномъ поученіи“ дѣлаетъ слѣдующее благожелательное и прочувствованное обращеніе: „счастливое дитя! Помни впослѣдствіи эти ясные дни среди этой цвѣтущей природы; помни все это золотое для тебя время жизни подъ кровомъ общей къ тебѣ любви, всѣ эти добрыя лица, непрестанно тебя ласкающія; да кстати не забудь и суроваго пастыря, хотѣль заставить тебя мыслить среди твоихъ игръ. Ты не бойся теперь вопросовъ о Богѣ или испытаній изъ закона Божія; напротивъ, ты самъ спрашивай насъ, какъ можно болѣе; спрашивай умомъ и сердцемъ особенно изъ этой большой книги, которую называютъ природою; съ нею не будутъ тебѣ трудны и страшны и тѣ небольшія книжки, въ которыхъ изложено ученіе о Богѣ. Вотъ будетъ тебѣ страхъ и печаль, когда среди трудныхъ опытовъ жизни,... твоя душа оказалась бы безъ силы и опоры, словомъ, безъ Бога, издѣтства не познаннаго ни въ природѣ, ни въ наукѣ“. ²⁾

Проф. Барсовъ находитъ, что въ проповѣдяхъ преосв. Іоанна „сказывается личность оратора“, что по нимъ „можно воспроизвести черты его индивидуальности, открыть его задушевныя симпатіи и антипатіи, опредѣлить содержаніе и характеръ его міровоззрѣнія“ ³⁾. По мѣстамъ дов. явственно

¹⁾ БИР², 40—41.

²⁾ Христ. Чт. 1866 г., ч. I, стр. 494.

³⁾ Христ. Чтен. 1872 г., ч. III, стр. 427.

выступаетъ его пессимистическое настроеніе, которое объясняется какъ его физической и духовной организаціей и обстоятельствами его личной жизни, такъ равно можетъ быть понимаемо какъ протестъ противъ той легкомысленной и безосновательной жизнерадостности, которою были заражены поклонники матеріалистическаго міровоззрѣнія, проповѣдывавшаго ничѣмъ нестѣсняемую свободу наслажденій благами жизни. Въ особенности характерно въ этомъ отношеніи начало поученія на новый 1867 годъ, гдѣ онъ полагалъ бы умѣстнымъ обратиться къ слушателямъ „съ привѣтствіями такого рода: поздравляю васъ съ приближеніемъ къ концу жизни и къ вѣчности; поздравляю съ наступленіемъ новыхъ скорбей, болѣзней, утратъ и всякаго рода несчастій“... и т. д. и т. д. ¹⁾

Отношеніе преосв. Іоанна къ предписаніямъ гомилетической теоріи было отрицательное или лучше сказать—онъ совершенно игнорировалъ теорію: для него она какъ будто совсѣмъ не существовала ²⁾. Въ предисловіи къ первому изданію „Бесѣдъ, поученій и рѣчей Іоанна“... читаемъ: „по внѣшней своей формѣ поученія Преосвященнаго Іоанна значительно отличались отъ церковныхъ словъ, составляемыхъ по извѣстной формѣ и мѣркѣ, съ опредѣленнымъ числомъ доказательствъ на общія темы; онъ чуждался тѣхъ однообразныхъ школьныхъ приемовъ въ доказываніи истины, какими пользуются проповѣдники, какъ будто неувѣренные въ правотѣ своихъ мыслей и силъ доводовъ. Преосвященный Іоаннъ... давно бросилъ пути схоластики, наложенныя на церковную проповѣдь нашу подражаніемъ западнымъ проповѣдникамъ и закрѣпленныя на ней вѣковымъ обычаемъ“ ³⁾. Проф. Барсовъ пишетъ: „отбросивъ рутинные, тра-

¹⁾ БПР², 15; см. выше стр. 242—243.

²⁾ Въ бытность ректоромъ Петербургской академіи, Іоаннъ „закрылъ кафедру гомилетики и она оставалась незамѣщенной до 1869 года“. (*Родоскій*, стр. XVIII). Имѣя въ виду, что самъ Іоаннъ, какъ выдающійся талантъ, не пуждался въ пособіи теоріи, а гомилетика того времени была чрезмерно схоластична; мы согласимся, что онъ былъ въ нѣкоторой мѣрѣ правъ. Но онъ поступилъ бы лучше, давъ другую постановку этой наукѣ.

³⁾ Стр. II.

диціонные приемы изложенія, какъ напрімѣръ искусственное методическое расположеніе мыслей по отдѣламъ, уснащиваніе проповѣди текстами., нашъ проповѣдникъ вездѣ слѣдуетъ непосредственному и естественному теченію мыслей и излагаетъ ихъ общеупотребительною литературною рѣчью“¹⁾. Этотъ отзывъ касается, впрочемъ, только сборника смоленскихъ проповѣдей Іоанна; а въ первыхъ его опытахъ, которые не были извѣстны проф. Барсову въ то время, когда онъ писалъ этотъ отзывъ, Іоаннъ всецѣло находился во власти теоріи, отъ которой освобождался постепенно.

Проповѣди преосв. Іоанна не отличаются своимъ объемомъ, за нѣкоторыми исключеніями. Сборникъ смоленскихъ проповѣдей второго изд. на 240 стр. оч. неубористаго шрифта, чаще всего съ пробѣлами между отдѣльными проповѣдями въ страницу и болѣе, заключаетъ 30 проповѣдей; на каждую приходится приблизительно 7—8 стр. Преосвященный, повидимому, съ одной стороны, опасался утомить своихъ слушателей, а съ другою, быть можетъ, имѣлъ въ виду поддерживать въ нихъ интересъ къ его поученіямъ и возбуждать дѣятельность мысли въ желаемомъ имъ направленіи. Съ этою то, вѣроятно, цѣлью онъ предпочитаетъ говорить подъ рядъ цѣлую серію краткихъ поученій („народное покаяніе“) и предупреждаетъ иногда слушателей, что другая сторона вопроса будетъ разсмотрѣна въ слѣдующей бесѣдѣ. Такъ оч. краткую—въ 3 стр.—рѣчь, сказанную при первомъ священнослуженіи въ Смоленскомъ кафедральномъ соборѣ—о духѣ русской старины—Іоаннъ заканчиваетъ общаніемъ продолжить слово въ другой разъ, напередъ поставивъ новый, но имѣющій тѣсную связь съ разсмотрѣннымъ, вопросъ; то же и въ другихъ случаяхъ²⁾. Къ подобной же цѣли клонилась, повидимому, свойственная Іоанну манера излагать свои сужденія объ избранномъ предметѣ въ формѣ вопросовъ, иногда давая отъ себя и отвѣты, иногда же предоставляя самимъ слушателямъ формулировать отвѣтъ. Возставая, напр., противъ ненормальности современнаго домашняго воспитанія, проповѣдникъ даетъ рядъ вопросовъ: „чего ожидать отъ такого воспитанія? Какихъ людей готовить оно?..“

¹⁾ Христ. Чтен. 1872 г., ч. I, стр. 425.

²⁾ Сж. стр. 112, 122, 137.

такихъ ли, какіе нужны? Такіе ли люди нужны обществу, народу, государству, Церкви, человѣчеству?“¹⁾ Далѣе дается легко подразумѣваемый отрицательный отвѣтъ. А на слѣдующій рядъ вопросовъ проповѣдникъ „предоставляетъ отвѣчать совѣсти общенародной и личной:“ „уменьшаются ли злоупотребленія? Истребляется ли неправда, самоуправство, жестокосердіе власти? Воздается ли должное способностямъ, трудолюбію, заслугѣ, доброй волѣ, и вмѣсто того—не дается ли слишкомъ много вѣсу личнымъ соотношеніямъ?“²⁾ Приѣмъ этотъ слѣдуетъ признать оч. умѣстнымъ въ такихъ случаяхъ, когда отвѣтити на поставленный вопросъ самому проповѣднику значило бы, быть можетъ, вызвать упреки въ излишней строгости и рѣзкости.

Въ проповѣдяхъ преосв. Іоанна публицистическаго характера мало встрѣчается текстовъ Писанія; а свидѣтельство изъ отцовъ Церкви и ссылокъ на церковныхъ и свѣтскихъ писателей почти не видимъ. И необходимо замѣтить, что лучше поступаютъ тѣ проповѣдники, которые излагаютъ истины вѣры и нравственности въ переработанномъ ими самими видѣ и не повторяя чужихъ словъ,—быть-можетъ, лишь механически усвоенныхъ.

Языкъ проповѣдей преосв. Іоанна отличается необыкновенною простотою, естественностью и общедоступностью. Замѣчается по мѣстамъ нѣкоторая витіеватость, есть примѣры краснорѣчивыхъ описаній, игры словъ и пр.; но нигдѣ незамѣтно усилій, намѣреннаго желанія блеснуть краснорѣчіемъ. Простотою и изяществомъ отличается, напр., начало поученія на новый 1868 г.: „годы, какъ волны, уносятъ жизнь нашу въ безпредѣльное море вѣчности. И если подумать, что не только въ этомъ морѣ тонуть безвозвратно цѣлые вѣка жизни цѣлаго человѣчества, а и въ круговоротѣ временной жизни безслѣдно пропадаютъ тысячи частныхъ существованій, то невольно представляется вопросъ: для чего существуютъ эти тысячи? и какое значеніе имѣетъ жизнь каждаго изъ насъ, если только она дается не случайно и не напрасно?“³⁾ Подобнаго же рода сравненіе

1) Христ. Чтен. 1865 г., Ч. I, стр. 208.

2) Тамъ же, стр. 215—216.

3) БПР², 23.

встрѣчаемъ въ бес. въ день Успенія Божіей Матери (1867 г.): „душа чистая.., всецѣло вручая себя Богу... съ тихою покорностію отдается послѣднимъ волнамъ житейскаго моря, прибывающимъ ее къ берегамъ вѣчности“. 1) Мысль о необходимости и способѣ изученія таинственнаго возрожденія человѣчества чрезъ воплощеніе Сына Божія преосв. Іоаннъ поэтически выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „я желалъ бы теперь перевестись жизнію на 1858 лѣтъ назадъ и стать въ ряду хоть—виолеемскихъ пастуховъ, чтобы своими глазами видѣть восхожденіе свѣта, возрождающаго человѣчество. Или, когда ужъ это не возможно, я всѣ познанія богословскія и философскія и всякія другія сложилъ бы теперь въ походную суму, и, прикрывъ ихъ книгою евангелія, съ посохомъ странника и только съ вѣрою въ душѣ и съ созерцаніемъ въ умѣ, устремился бы туда, гдѣ свѣтъ возрожденія олицетворился и сказался въ дивномъ Лицѣ его совершеннѣйшаго Первообраза. Тамъ, въ Палестинѣ, отъ Вилеема до Голгофы, и отъ Голгофы до Елеона, по вѣчно живымъ слѣдамъ Богочеловѣка, съ евангеліемъ въ рукахъ, надобно изучать таинственное возрожденіе человѣчества“ 2). Въ словѣ „о духовномъ просвѣщеніи Россіи“, говоря объ „обществѣ, твердомъ въ духѣ русскаго Православія, неизмѣнномъ въ чувствахъ вѣры и благочестія“, проповѣдникъ спрашиваетъ: „но—насколько свѣта въ этомъ духѣ? Какъ глубоко дно этихъ чувствъ? Если тутъ—только церковный обрядъ, только урочное молитвословіе, постъ, праздникъ...: ну, не глубокое дно!.. По этому-то неглубокому дну религіозной жизни рассчитанно движутся нетяжелые грузы некрупныхъ добродѣтелей, которыми и довольствуются невысокія чувства и неширокія потребности души“ 3). Этотъ рядъ отрицательныхъ эпитетовъ съ необыкновенною яркостью изображаетъ пустоту такъ цѣнимаго въ нѣкоторыхъ кругахъ общества обрядоваго благочестія. Просто, но эффектно заключеніе бесѣды въ день Пятидесятницы: „призываю благословеніе Божіе на Смоленскую природу, да будетъ она плодоносна, на труды земле-

1) Стр. 180.

2) Правосл. Собес. 1859 г., ч. I, стр. 222—223.

3) Правосл. Собес. 1858 г., ч. III, стр. 503—504.

дѣльцевъ и землевладѣльцевъ, да будутъ они благоуспѣшны; да услышатъ всѣ они это благословеніе, и да услышатъ мою молитву Богъ!“¹⁾ Въ той же бесѣдѣ противное нравственности отношеніе человѣка къ природѣ отмѣчено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „человѣкъ, царь природы, дѣлается ея мучителемъ; человѣкъ, жрецъ природы предъ Богомъ, становится только ея пожирателемъ... Вздыхаетъ и болѣзнуетъ природа подъ этимъ страшнымъ игомъ человѣка“²⁾.

У преосв. Іоанна находимъ немало оригинальныхъ и остроумныхъ сравненій и сопоставленій. Таково, напр., сравненіе различныхъ общественныхъ сословій съ ступенями лѣстницы. „Хотя лѣстницу сверху метутъ, говоритъ Іоаннъ въ бес. 5 „о народномъ покаяніи“, но надобно, чтобы и нижнія ступени были чисты, какъ и верхнія: иначе весь соръ будетъ скучиваться внизу, а снизу пойдемъ опять на всю лѣстницу... Надобно, чтобы свѣтъ истины и чувство нравственное разливались“ и въ низшихъ слояхъ общества³⁾. Въ заключеніе поученія, сказаннаго въ г. Вязьмѣ, преосв. Іоаннъ выражаетъ желаніе видѣть здѣсь не городъ только, а и Церковь Христову, не уѣздъ только Смоленской губ., а „дѣйствительный удѣлъ благодатнаго царства Божія на землѣ“⁴⁾. Въ этомъ же поученіи, говоренномъ въ соборномъ храмѣ, замѣтивъ о благоустройствѣ этого наружнаго соборнаго храма, проповѣдникъ спрашиваетъ: „а каковъ у васъ соборный внутренній храмъ?... каково все ваше христіанское общество?“⁵⁾ Въ бес. на утрени великой субботы упоминается о „мракѣ просвѣщеннаго вѣка“⁶⁾. Въ бес. „при началѣ ученія“ ораторъ замѣчаетъ, что „съ проповѣданнымъ прогрессомъ нисколько не видно регресса въ дѣлахъ несправедливости, криводушія, своекорыстія“⁷⁾.

По свидѣтельству перваго издателя проповѣдническихъ трудовъ Іоанна, „нѣкоторыя изъ поученій своихъ онъ гово-

¹⁾ БПР², стр. 176.

²⁾ Стр. 173.

³⁾ Христ. Чтен. 1865 г., ч. I, стр. 216—217.

⁴⁾ ВПР³, 218.

⁵⁾ Стр. 216.

⁶⁾ Стр. 164; ср. выраженіе изъ письма Іоанна къ Фотію: „въ нашемъ свѣтѣ (темпомъ)“—см. выше стр. 259.

⁷⁾ Правосл. Собес. 1858 г., ч. III, стр. 366.

риль экспромтомъ. большею же частію онъ приготовлялъ ихъ къ произношенію заблаговременно, и приготовлялъ самымъ тщательнымъ образомъ: и мысль, и слово, прежде нежели получали желаемое совершенство, подвергались неумолимой чисткѣ его пера и карандаша“. 1) Что касается обстановки произношенія Іоанномъ поученій, то въ этомъ отношеніи онъ, представляя прямую противоположность Іннокентію Херсонскому, никакого значенія не придавалъ помпѣ.

По проповѣдямъ преосв. Іоанна мы можемъ составить дов. полное и ясное представленіе о его воззрѣніяхъ на пастырство и церковное учительство. 2) Особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣеть краткая заключительная бесѣда „о народномъ покаяніи“. Послѣ указанія слушателямъ „предметовъ жизни народной, требующихъ покаяннаго размышленія“ въ предыдущихъ бесѣдахъ, проповѣдникъ здѣсь предупреждаетъ возможное и столь естественное со стороны слушателей возраженіе, что и пастырямъ не лишне было бы пробуждать въ себѣ покаянныя чувства. „Да, врачи, мы должны исцѣлиться сами!“ сознается проповѣдникъ. „О, какую строгую исповѣдь должны мы принести Богу предъ народомъ, спасенію котораго служить мы поставлены! Вѣрно ли, твердо ли мы стоимъ на стражѣ народнаго спасенія?.. Бодрствуемъ ли, не спимъ ли, тогда какъ на духовномъ полѣ народной жизни врагъ сѣетъ плевелы лжемыслия, лжевѣрія, порчи нравовъ, когда на глазахъ нашихъ эти плевелы растутъ и могутъ возрасти наконецъ до того, что готовы будутъ подавить все, что есть лучшаго въ народѣ? Крѣпко ли, смѣло ли мы стоимъ противостоимъ враждебному духу міра?.. О горе намъ.., если тогда, какъ наше слово должно громомъ гремѣть надъ людьми, мы едва открываемъ уста свои, чтобы робкимъ голосомъ сказать общія мысли, никакой силы не имѣющія, и слова, никого не касающіяся и ничего не выражающія; если мы боимся сказать слово правды не только предъ какую нибудь силою земли, но и предъ всякою не-силою, потому, что сознавая свою внѣшнюю за-

1) ВПР¹, стр. V.

2) „См. „Опыты студ. Кіевск. Д. Ак. 56 к. (1903).“ в. 1, стр. 187, прим.: „мѣста проповѣдей преосв. Іоанна, въ которыхъ онъ наиболѣе ясно выражалъ задачу пастырской дѣятельности въ настоящее время“.

висимость, мы поставили себя и въ нравственную отъ міра зависимость, а забыли свое вышнее призваніе, свой долгъ предъ Богомъ и свои отношенія къ душамъ человѣческимъ; или потому., что... дорожимъ честію и счастіемъ міра сего: если первые и высшіе другихъ по сану и званію, мы на самомъ дѣлѣ станемъ въ обществѣ послѣдними и низшими всѣхъ, и тогда, какъ наше присутствіе и нашъ голосъ во имя Бога и истины Его, должны быть вездѣ, отъ высшихъ мѣстъ общества до послѣднихъ ступеней его, мы останемся въ отчужденіи отъ него, по нашему равнодушію, по его невниманію или неуваженію къ намъ, происходящему отъ нашихъ же дѣйствительныхъ недостатковъ. Еще болѣе тяжкое, страшное, невыразимое горе намъ, если наши нравственныя свойства и дѣла не соотвѣтствуютъ нашему сану и не оправдываютъ въ насъ, призыванія, если наша жизнь дѣлается предметомъ нареканій въ мірѣ... Это — торжество міру вольно-мыслящему: онъ этимъ пользуется, чтобы окончательно освободить себя отъ нашего духовнаго вліянія, и тѣмъ свободнѣе и независимѣе поставитъ себя въ отношеніи къ самой вѣрѣ и Церкви". 1) Здѣсь кратко, но полно и выразительно проповѣдникъ выясняетъ недостатки пастырско-проповѣдническаго служенія. Въ бес. „на утрени великой пятницы“ преосв. Іоаннъ дѣлаетъ замѣчаніе о прискорбныхъ послѣдствіяхъ „лѣниваго или робкаго, или двусмысленнаго молчанія“ пастырей. 2) Обязанность пастырей — говорить правду народу. 3) Простая, непосредственно очевидная, можно сказать — азбучная истина; но какъ многіе пастыри не считаютъ нужнымъ слѣдовать этому правилу и не говорятъ съ высокой и священной каѳедры правды.

Пастырское слово, какъ средство воздѣйствія на пасомыхъ, должно быть свободно. Давая наставленіе сельскимъ пастырямъ въ заключеніи слова „объ освобожденіи крестьянъ“, составленнаго и напечатаннаго (но нигдѣ не произнесеннаго) за два года до окончательнаго осуществленія реформы, Іоаннъ внушаетъ имъ слѣдующее: „поймите., что если доселѣ ваше духовное вліяніе на поселянъ встрѣчало много

1) Христ. Чтен. 1865 г., ч. I, стр. 217—219.

2) ВПР², 151.

3) Христ. Чтен. 1865 г., ч. I, стр. 200.

затрудненій и ограниченій, отъ васъ независѣвшихъ, то отнынѣ уже не можетъ быть ихъ столько и въ такой степени. Ваше вліяніе должно быть теперь также свободно, какъ жизнь самыхъ поселянъ“¹⁾. Здѣсь очевиднымъ образомъ намекается „на то благоприятное для дѣла проповѣди обстоятельство, что въ это время положено начало большей свободы слова вообще и въ частности слова церковнаго“.²⁾

Церковная проповѣдь не должна быть отвлеченною, но жизненною. Въ рѣчи „при нареченіи въ санъ епископа“ Іоаннъ говоритъ: „что дѣлать... намъ, новымъ и молодымъ дѣятелямъ?.. Свѣта и теплоты, словомъ—огня, огня въ нашемъ ученіи, въ нашемъ духѣ, въ нашей жизни: вотъ чего требуетъ Церковь! Свѣтитъ свѣтомъ Христовой истины, проводя ее въ народъ, въ ея живомъ, дѣйственномъ духѣ, въ яркихъ и сильныхъ чертахъ Евангелія, а не въ однихъ общихъ словахъ отвлеченныхъ поученій, или въ неясныхъ, безжизненныхъ образахъ школьной науки.; свѣтитъ свѣтомъ жизни, чтобы оправдывать ученіе дѣлами и побуждать всякое лжемысліе столько же нравственно и практически, сколько умственно и догматически: вотъ что намъ дѣлать!“³⁾

Слово проповѣдника, прежде чѣмъ онъ предложитъ его слушателямъ, должно быть прочувствовано имъ, должно пройти чрезъ его душу: тогда только оно будетъ дѣйственно. Этотъ процессъ предварительныхъ переживаній проповѣдника преосв. Іоаннъ въ яркихъ краскахъ изображаетъ въ 3 бес. „о народномъ покаяніи“, говоря собственно о проповѣди обличительной. „Зачѣмъ правда дѣлается въ устахъ нашихъ жестокимъ оружіемъ?—вопрошаетъ проповѣдникъ. Зачѣмъ, обнажая предъ нами гнѣющія раны человѣчества, она заставляя насъ углубляться во всю глубину этихъ ранъ и раскрывать ихъ и вынаруживать все ихъ гнѣніе? Зачѣмъ она переноситъ эти раны въ нашу собственную душу и побуждаетъ насъ самихъ прочувствовать и перестрадать

1) Правосл. Собес. 1859 г., ч. I, стр. 355.

2) *Романскій*, стр. 22 и пр. 2. Не забудемъ, что приведенныя выше слова писалъ недавній строгій, придирчивый и капризный духовный цензоръ, которому уже послѣ того, какъ повѣяло духомъ свободы, суждено было самому извѣдать тяжесть гнета духовной цензуры.

3) Христ. Чтен. 1865 г., ч. I, стр. 65—66.

ихъ, чтобы тѣмъ сильнѣе высказать боль ихъ?.. Зачѣмъ наконецъ, кромѣ борьбы собственныхъ мыслей и чувствъ, волнуемыхъ этимъ страшнымъ призваніемъ, мы должны еще идти на борьбу съ болѣзненнымъ раздраженіемъ человѣчества, котораго ранъ, и можетъ быть неловко, касаемся? Но все это не вольно для насъ:.. таковъ неизмѣнный долгъ нашъ. Это огонь, который, когда возжигается, пожираетъ нашу собственную душу, прежде, чѣмъ вылетитъ изъ устъ нашихъ въ жгучемъ словѣ и падетъ на сердце слушающихъ“. ¹⁾

Проповѣдникъ поневолѣ долженъ быть обличителемъ господствующихъ заблужденій и пороковъ; но преосвященный Іоаннъ не былъ обличителемъ въ обычномъ смыслѣ: онъ старался пробудить въ слушателяхъ склонность къ самообличенію, и это необходимо признать въ высшей степени цѣлесообразнымъ приѣмомъ въ его проповѣднической дѣятельности: здѣсь проповѣдникъ и совѣсть обличаемаго дѣйствуютъ заодно противъ грѣховнаго человѣка; тогда какъ при обычныхъ угрозахъ и укоризнахъ проповѣдника для обличаемаго грѣшника открывается широкое поле для самооправданія и смягченія вины. Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ преосв. Іоаннъ въ первой бесѣдѣ „о народномъ покаяніи“: „въ настоящій разъ, призывая народъ къ покаянію, мы не желаемъ быть лично судьями народа: мы обращаемся къ общественному сознанію, къ народной совѣсти. Пусть это сознаніе, эта совѣсть сами, взглядомъ безпристрастнымъ, мыслию свѣтлою, чувствомъ здравымъ прослѣдятъ народную жизнь: мы будемъ только сопутствовать имъ свѣтомъ христіанской истины, возбуждать ихъ вопросами, относящимися къ разнымъ предметамъ этой жизни, вызывать, во имя высшей, христіанской правды, къ обсужденію нравственныхъ народныхъ потребностей. Такъ бываетъ въ исповѣди частной такъ пусть будетъ и въ народной“. ²⁾

Преосв. Іоаннъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ (въ день Рожд. Хр. въ 1866 г.) обосновываетъ свой взглядъ на проповѣдь какъ на общественную силу, а не только какъ на пастырское руководство въ религіозно-нравственномъ отношеніи въ тѣсномъ смыслѣ. Въ Россіи православіе и народ-

¹⁾ Христ. Чтен. 1865 г., ч. I, стр. 206.

²⁾ Стр. 201.

ность неотдѣлимы другъ отъ друга. Православіе „такъ сроднилось съ нашимъ народнымъ духомъ, говоритъ проповѣдникъ, что всегда составляло съ нимъ одну нераздѣльную нравственную силу. Вотъ почему Церковь наша всегда шла во главѣ народной жизни и имѣла живое и дѣятельное участіе во всѣхъ историческихъ ея судьбахъ... И вышѣ главною задачею нашей пастырской дѣятельности должно быть—развитіе жизни и духовной силы Церкви не только на общихъ основаніяхъ вселенскаго православія, но и на твердыхъ началахъ чистаго, древне - православнаго народнаго духа... Много бы дѣйственной силы утратила наша Церковь, если бы, ограничившись однимъ общимъ, отвлеченнымъ религіознымъ ученіемъ..., отдалилась отъ дѣйствительной жизни народа и ея живыхъ потребностей“ ¹⁾.

Какъ на примѣры истиннаго пастырства преосв. Іоаннъ указываетъ на древнихъ пастырей Русской Церкви. Въ рѣчи „при нареченіи въ санъ епископа“ онъ говорилъ: „какіе огни горѣли въ прежнія времена на высотахъ русской Церкви, въ ряду свѣтилъ ея—отъ Илларіона кіевскаго до Тихона воронежскаго!.. Какой это былъ огонь? Это при свѣтѣ ума и жизни, была неизъяснимая теплота сердца, словомъ любовь, горячая, пламенная любовь къ своему званію, своему служенію, своимъ подвластнымъ и пасомымъ, къ своей Церкви“. А въ первой бесѣдѣ „о народномъ покаяніи“ онъ еще съ большимъ воодушевленіемъ и выразительностью восхваляетъ древнихъ русскихъ пастырей: „говорить правду народу!.. Гдѣ образцы на это? Гдѣ руководство? Гдѣ опора?—И невольно взоры отъ настоящаго обращаются къ прошедшимъ временамъ. Въ эти времена, называемыя вѣками мрака и необразованности, какой могучій, потрясающій глаголь правды слышится среди народа!.. И этотъ глаголь въ вашихъ устахъ... древніе пастыри русской Церкви! Вы--истинные учителя народа и пророки Россіи!.. Вы не страшились и не стыдились и не скрывали своего слова! Вы не знали нашей странной застѣнчивости, или, лучше сказать, нашего жалкаго безсилія въ духѣ!.. Вы не считали чуждыми себѣ, и никто не смѣлъ отстранять отъ васъ—дѣла народа, истинно любимаго вами, и всѣ по-

¹⁾ БПР², 232—233.

²⁾ Христ. Чтен. 1865 г., ч. I, стр. 66—67.

требности отечества...—Вотъ у кого надобно намъ учиться—учить народъ; и самый народъ надо къ нимъ обращаться, чтобы словомъ ихъ онъ поучался и теперь, и—лучше, чѣмъ нашимъ“. 1)

Изъ этихъ словъ Іоанна есть полное основаніе сдѣлать такой выводъ: древніе русскіе пастыри безконечно превосходятъ современныхъ въ особенности своею неустрашимостью и готовностью говорить одну правду, не сообразуясь ни съ чѣмъ, кромѣ обязанностей своего высокаго служенія. Эту независимость русскіе пастыри утратили—когда? Съ реформы Петра, подчинившаго интересы Церкви интересамъ государства. Преосв. Іоаннъ пытается подражать древнимъ пастырямъ, но это не всегда кончается для него благополучно.

Въ заключеніе краткихъ и отрывочныхъ замѣчаній о проповѣдничествѣ преосв. Іоанна, обратимся еще разъ къ характеристикѣ его личности, сдѣланной выше. Мы видѣли, что въ своихъ служебныхъ и житейскихъ отношеніяхъ онъ былъ суровъ и нелюдимъ, капризенъ и эксцентриченъ, самовластенъ и деспотиченъ, иногда несправедливъ и неразборчивъ въ средствахъ. Совсѣмъ другое впечатлѣніе получается, если составить характеристику его личности по его проповѣдямъ. Проф. Барсовъ, послѣ ознакомленія съ смоленскими проповѣдями Іоанна, неожиданно для себя находитъ личность проповѣдника симпатичною и привлекательною, вопреки составленному ранѣе невыгодному о немъ мнѣнію. 2) Достоинства проповѣдей Іоанна выяснены выше: теперь посмотримъ, въ какомъ свѣтѣ обрисовывается въ нихъ личность проповѣдника. Прежде всего, ему всегда присуще сознаніе высоты и отвѣтственности его служенія. При нареченіи въ санъ епископа, говоря о той половинѣ паствы русскихъ пастырей, которая бѣгаетъ отъ нихъ, онъ замѣчаетъ: „мы должны бѣгать за ними, по горамъ и по доламъ и по неисходнымъ распутіямъ міра, чтобы спасти... хотя одну овцу заблудшую... изъ тысячъ заблудшихъ“. 3) Въ рѣчи,

1) Тамъ же, стр. 200—201.

2) Христ. Чтен. 1872 г., ч. III, стр. 427.

3) Христ. Чтен. 1865, ч. I, стр. 64.

сказанной по прибытіи въ Смоленскъ и вступленіи въ каедральный соборъ, онъ слѣдующимъ образомъ отвѣчаетъ на вопросъ: что такое епископъ?— „Не учитель только, хотя и высшій, въ предметахъ вѣры и благочестія, не совершитель только торжественнаго богослуженія и рукоположитель священства, не судія только главный дѣль совѣсти и дѣль оффиціально-церковныхъ, наконецъ не начальникъ только духовнаго сословія. Пастырь-епископъ есть высшій руководитель народа на всемъ пути духовной жизни, наблюдатель общественной нравственности. хранитель и защитникъ высшихъ духовныхъ потребностей и пользы народа“ ¹⁾.

Въ сознаніи высоты своего сана и своего авторитета въ вопросахъ, имѣющихъ отношеніе къ вѣрѣ и христіанской жизни, Іоаннъ проявляетъ иногда отмѣченную выше власть. Онъ хочетъ показать, что права и прерогативы священнаго сана, въ особенности, архіерейскаго, — не пустой звукъ: пусть никто изъ облеченныхъ этимъ саномъ не считаетъ нужнымъ прислушиваться къ голосу сильныхъ міра сего, соображаться съ ихъ вкусами, намѣреніями и планами. Онъ сознавалъ свою власть; онъ былъ убѣжденъ, что законъ Христовъ и великихъ и сильныхъ міра подчиняетъ его пастырской власти, какъ это высказалъ великій отецъ и учитель Церкви (св. Григорій Богословъ). ²⁾ Онъ, ставитъ въ примѣръ древнихъ пастырей русской Церкви, которые держали себя свободно и независимо, подчиняясь только закону Христову. Онъ, какъ церковный учитель, правдивъ и смѣлъ и чуждъ лести, столь обычной въ устахъ проповѣдниковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ обличеніяхъ онъ всегда умѣренъ и чаще всего поступаетъ своими правами духовнаго судіи и предлагаетъ совѣсти каждаго быть судьей его по ступковъ.

Іоаннъ былъ суровъ и нелюдимъ въ обыденныхъ житейскихъ сношеніяхъ; эта черта его характера, обуславливавшаяся его природными задатками и обстоятельствами его жизни, несовсѣмъ подходила къ его положенію пастыря и учителя, которому приличнѣе быть общительнымъ, ласковымъ и благодушнымъ. Преосв. Іоаннъ, повидимому, созна-

¹⁾ ВПР², стр. 2.

²⁾ См. Творен. изд. 3 (М. 1889), ч. II, стр. 78.

валь это, употребляя выраженія „суровый пастырь“, „суровый учитель“—очевидно, въ отношеніи, прежде всего, къ самому себѣ. И какъ бы оправдываясь, онъ дѣлаетъ намекъ на то, что подъ внѣшнею суровостію можетъ скрываться глубокое чувство, благорасположенность и отзывчивость. Бесѣду на утрени великой пятницы онъ начинаетъ, напр., такъ: „есть предметъ, братія мои, о которомъ и самому любвеобильному учителю говорить не отраднo, и самому суровому не легко. Таковы—дѣла человѣческія“. 1) Обращаясь въ загородномъ поученіи къ аристократическому дитяти, за направленіе воспитанія котораго можно было опасаться, онъ проситъ его не забыть „и суроваго пастыря, который хотѣлъ заставить мыслить среди игръ“. 2)

Что касается языка его поученій, то здѣсь онъ не уклоняется ни въ одну изъ крайностей: у него нѣтъ небрежности и вульгарности, но нѣтъ и вычурности и пустого фразерства, или стремленія къ эффеку. Онъ не выражаетъ, напр.,—обращаясь съ учительнымъ словомъ къ народу,—безпокойства за то, что грядущія поколѣнія не поймутъ стиха: „не шуми ты, тѣмный лѣсъ—зеленая дуброва!“ 3) Проста была и самая обстановка произнесенія имъ проповѣдей.

Такимъ образомъ, мы должны признать, что, какъ проповѣдникъ, преосв. Іоаннъ всегда серьезенъ, простъ, сдержанъ, отзывчивъ, проникнуть сознаниемъ высоты и важности своего служенія: онъ былъ одинъ на базарѣ житейской суеты и совершенно другой въ своемъ святомъ святыхъ.

1) БПР², стр. 151.

2) Христ. Чтен 1866 г., ч. I, стр. 49⁴.

3) Изъ поученія высокопреосвященнаго *Никанора*, архіеп. Херсонскаго „при освященіи новыхъ зданій вокзала желѣзной дороги въ Одессѣ“.